Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

На правах рукописи

ГОРБУНОВА Мария Михайловна

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Ерин Дмитрий Александрович

Владимир – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

Глава 1 ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX вв. 24

1.1 Теоретико-методологические аспекты проблемы исследования контроля за исполнением уголовных наказаний 24

1.2 Эволюция норм о контроле в сфере исполнения уголовных наказаний в законодательстве Российской империи 51

1.3 Государственные учреждения и благотворительные общества, осуществлявшие контроль за исполнением уголовных наказаний в дореволюционный период..... 77

Глава 2 РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИИ КОНТРОЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX вв. 95

2.1 Контрольная деятельность высших органов власти и отраслевого управления за исполнением уголовных наказаний в России периода XIX – начала XX вв..... 95

2.2 Ведомственный контроль за исполнением уголовных наказаний в пореформенный период..... 123

2.3 Контроль органов местного управления в сфере исполнения уголовных наказаний России дореволюционного периода 135

2.4 Контрольные полномочия благотворительных обществ за деятельностью мест заключения Российской империи..... 158

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 191

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 197

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена обстоятельствами как научно-теоретического, так и практического характера. В частности, научно установлено и практически подтверждено, что стабильное и поступательное развитие Российского государства, его суверенитет и безопасность в значительной степени обеспечиваются механизмом реализации комплекса его функций, среди которых контроль выступает элементом, повышающим эффективность и результативность этого механизма.

Принципиальный вектор реформирования современной контрольно-надзорной деятельности обозначил Президент России В. В. Путин, указав на важность данного направления. По мнению Президента, задача контрольно-надзорной деятельности не в том, чтобы «хватать и не пущать», «не штрафы выкатывать, а своевременно предупреждать о возможных ошибках и помогать просто людям на местах не делать этих ошибок»[1]. Такая деятельность «должна защищать общество, государство, граждан от всего, что называется недобросовестностью со стороны государства, со стороны любых, в том числе коммерческих, структур, но не должна ограничивать свободу, не должна быть забюрократизированной и мешать развитию»[2]. Позицию главы Российского государства продублировал Председатель Правительства РФ М. В. Мишустин в своем видеообращении к участникам VI Всероссийского форума контрольных (надзорных) органов, прошедшего в период с 16 по 19 октября 2025 г.[3]

Историко-правовое исследование эффективности организационно-правового

---

[1] Путин призвал контрольные органы помогать людям не допускать ошибки // Москва24 : [сайт]. 16.01.2024. URL: https://www.m24.ru/news/vlast/16012024/657540?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 23.09.2025).

[2] Путин В. В. Совещание с членами Правительства // Президент Российской Федерации [сайт]. 23.01.2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76148 (дата обращения: 23.04.2025).

[3] Видеообращение Михаила Мишустина к участникам, организаторам и гостям VI Всероссийского форума контрольных (надзорных) органов // Правительство России : [сайт]. 16.10.2025. URL: http://government.ru/news/56538/ (дата обращения: 16.10.2025).

обеспечения контроля в парадигме прямой зависимости от тех органов, которые непосредственно призваны обеспечить нормальный порядок деятельности, в том числе системы исполнения уголовных наказаний, позволит наиболее понятно смоделировать возможные направления совершенствования данного публичного института.

Проблемы поиска оптимального соотношения контрольных полномочий центральных и местных органов власти, территориальных органов и учреждений министерств, их взаимодействия с ведомственными структурами, например, с уголовно-исполнительной системой, были актуальными еще в Российском государстве дореволюционного периода, но и в современной России требуют серьезного внимания.

В настоящее время теоретико-правовая наука обладает широким понятийно-категориальным аппаратом, раскрывающим сущность контроля как государственно-правового явления. Однако особенности контрольной деятельности государственных учреждений в отдельные конкретно-исторические этапы развития отечественного государства недостаточно исследованы.

Ценность обращения к опыту прошлых поколений заключается в том, что его результаты раскрывают коренные начала контрольной деятельности органов государственной власти и общественных структур, создают картину преемственности сходства и различий между осознанием значимости контрольной деятельности в прошлом и в условиях современности, позволяют рассмотреть объективную обусловленность организации контроля на различных уровнях управления в различных социальных, экономических и политических реалиях.

В частности, изучение исторического опыта контроля со стороны государственных учреждений в сфере исполнения уголовных наказаний имеет практический смысл и связано с необходимостью совершенствования деятельности федеральных органов государственной власти и субъектов Российской Федерации по контролю за уголовно-исполнительной системой России. На значимость вопроса

совершенствования организации и осуществления контроля указывает факт актуализации законодательства в этой области[1]. Накопленный исторический опыт по исследуемой проблематике поможет решить многие насущные задачи на основе учета положительной и негативной практики прошлых поколений.

Полагаем, что настоящее диссертационное исследование будет способствовать познанию генезиса института контроля в историческом плане и восполнению недостающего объема востребованных историко-правовых знаний.

Степень разработанности темы исследования. Тема настоящего исследования находится на стыке двух наук: отечественной истории и истории государства и права России, что предполагает рассмотрение степени научной разработанности заявленной проблематики как в исторической, так и историко-правовой науках.

Еще в дореволюционный период отечественные юристы неоднократно затрагивали вопросы организации, функционирования, компетенции и полномочий государственных учреждений. Так, работы А. С. Алексеева[2], М. Ф. Владимирского-Буданова[3], А. Д. Градовского[4], Н. М. Коркунова[5], Л. И. Петражицкого[6], С. П. Покровского[7] носили фундаментальный характер и содержали концептуальные основы государства и права царской России. Вопросы государственного контроля рассматривались в трудах В. С. Войтинского[8], В. А. Саковича[9], в них, в частности,

---

[1] Напр.: О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» : Федер. закон от 28 дек. 2024 г. № 540-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53, ч. 1, ст. 8550.

[2] *Алексеев А. С.* К учению о юридической природе государства и государственной власти [По поводу Эмпир. исслед. д-ра Лингга и Субъектив. реализма проф. Коркунова]. Москва, 1895.

[3] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Москва, 2005.

[4] *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. Санкт-Петербург, 1881. Т. 2 : Органы управления.

[5] *Коркунов Н. М.* Русское государственное право // Сочинения / Н. М. Коркунов ; под ред. и с доп. М. Б. Горенберга. 6-е изд. Санкт-Петербург, 1909.

[6] *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург, 1909–1910.

[7] *Покровский С. П.* Министерская власть в России. Ярославль, 1906.

[8] *Войтинский В. С.* Ответственность министров при царизме в революционной России. Петроград, 1917.

[9] *Сакович В. А.* Государственный контроль в России, его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы, кассового порядка и устройства государственной отчетности // Сочинения / В. А. Сакович. Санкт-Петербург, 1896–1897.

раскрывались основы государственного контроля в Российской империи и надзорной деятельности министерств и ведомств. Вместе с тем в работах известных ученых-«тюрьмоведов» и практиков дореволюционного периода Е. М. Баранцевича[1], К. В. Верховского[2], М. Н. Галкина-Враского[3], П. А. Кашкарова[4], Дж. Кеннана[5], Д. В. Краинского[6], Н. Ф. Лучинского[7], Ф. Н. Малинина[8], В. В. Микляшевского[9], Н. В. Муравьева[10], В. Н. Никитина[11], С. В. Познышева[12], К. В. Руковишникова[13], А. П. Саломона[14], В. А. Соллогуба[15], А. М. Стремоухова[16], И. Я. Фойницкого[17],

---

[1] *Баранцевич Е. М.* Патронат в жизни России (средства борьбы с преступностью). Реформирование и реклассирование преступника при содействии свободных общественных сил. Томск, 1914 ; *Его же.* Необходимость и возможность повсеместного учреждения обществ патроната в России (Томская губерния). Томск, 1912.

[2] *Верховской К. В.* Служба прокурорского надзора. Прокурор и Товарищ прокурора окружного суда. Тифлис, 1906. Ч. 1 (опыт практики).

[3] *Галкин-Враской М. Н.* Материалы к изучению тюремного вопроса. Санкт-Петербург, 1868.

[4] Общая разработка вопроса о необходимости коренного тюремного преобразования в России / сост. П. А. Кашкаров. Санкт-Петербург, 1883.

[5] *Кеннан Дж.* Жизнь политических арестантов в русских тюрьмах. Санкт-Петербург, 1906.

[6] *Краинский Д. В.* Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах. Чернигов, 1912.

[7] *Лучинский Н. Ф.* Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.). Санкт-Петербург, 1914 ; *Его же.* Основы тюремного дела. Санкт-Петербург, 1904.

[8] *Малинин Ф. Н.* Роль общества в борьбе с преступностью: тюремный патронат. Санкт-Петербург, 1906. Вып. 1 ; *Его же.* Постановления шести международных тюремных конгрессов. Санкт-Петербург, 1904. *Его же.* Вятский исправительный ремесленный приют за 1899–1902 гг. // Тюремный вестник. 1903. № 7.

[9] *Микляшевский В. В.* Некоторые положения для нормального устава обществ патроната // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 1.

[10] *Муравьев Н. В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурор. службы. Москва, 1889.

[11] *Никитин В. Н.* Быт военных арестантов в крепостях. Санкт-Петербург, 1873 ; *Его же.* Тюрьма и ссылка. Санкт-Петербург, 1880.

[12] *Познышев С. В.* Очерки тюрьмоведения. Москва, 1913.

[13] *Рукавишников К. В.* Московский городской Рукавишниковский приют. Москва, 1891.

[14] *Саломон А. П.* Доклад о современном положении ссылки и каторги в Сибири и на о. Сахалин Начальника ГТУ господину Министру юстиции. Санкт-Петербург, 1899. *Его же.* Тюремное дело в России. Санкт-Петербург, 1898.

[15] *Соллогуб В. А.* Об организации в России тюремного труда. Санкт-Петербург, 1866.

[16] *Стремоухов А. М.* Краткий очерк тюремного устройства в области тюремного дела в России за 1905–1910 годы. Санкт-Петербург, 1911.

[17] *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. Санкт-Петербург, 1889.

М. А. Эльяшева[1], посвященных тюремной реформе второй половины XIX в., а именно ключевым аспектам организации и правового регулирования управления пенитенциарной системой, вопросы контроля рассматривались исключительно в контексте раскрытия полномочий Главного тюремного управления, тогда как комплексный анализ организации и правового регулирования контроля в сфере исполнения уголовных наказаний Российского государства остался за рамками их исследований.

В советский период отечественной истории ученые внесли свой вклад в изучение государственной власти и управления Российской империи.

В частности, Н. П. Ерошкин[2], П. А. Зайончковский[3] подробно описали многие аспекты организации и деятельности правительственного аппарата самодержавной России и его местных учреждений. Исследованию правоохранительных органов Российской империи посвящены работы С. Л. Гайдука[4], М. Н. Гернета[5], Р. С. Мулукаева[6], В. Г. Смольякова[7], В. С. Утевского[8], однако организация и деятельность дореволюционной тюремной системы рассматривались в них в основном через призму анализа условий содержания политических заключенных.

Наибольший интерес к функционированию государственного аппарата дореволюционной России и его местных органов стал проявляться в начале 90-х гг. XX в. и продолжается в настоящее время. Ученые-юристы и историки пересмотрели подходы к исследованию государственно-правового развития Российского государства

---

[1] *Эльяшев М. А.* О способах оказания помощи патронатом // Журнал Министерства юстиции. 1901. Т. 5. *Его же.* О способах оказания помощи патронатом. (Окончание) // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 6.

[2] *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. Москва, 2008.

[3] *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. Москва, 1978.

[4] *Гайдук С. Л.* Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 1987.

[5] *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Изд. 2-е, доп. и перераб. Москва, 1951. Т. 1 : 1762–1825 гг. ; *Его же.* История царской тюрьмы. Москва, 1946. Т. 2.

[6] *Мулукаев Р. С.* Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России : учеб. пособие. Москва, 1964.

[7] *Смольяков В. Г.* Тюремная система дореволюционной России, ее реакционная сущность. Москва, 1979.

[8] *Утевский Б. С.* Советское исправительно-трудовое право. Тюремная политика царизма и Временного правительства : учеб. пособие. Москва, 1957.

и предлагают объективный взгляд на исследование функционирования государственного аппарата Российской империи, в том числе его составляющей в лице правоохранительных органов (полиции, жандармерии, тюремной системы).

В монографических работах, научных статьях и диссертационных исследованиях А. Л. Бредихина[1], А. В. Борисова[2], В. М. Голикова[3], Т. Г. Деревниной[4], Н. Н. Ефремовой[5], Н. И. Зуева[6], Е. В. Иваневского[7], С. М. Казанцева[8], М. С. Кирпа[9], Н. В. Кожевниковой[10], Е. Н. Козинниковой и Т. О. Чукаева[11], В. А. Козлобаева[12],

---

[1] *Бредихин А. Л., Викторов А. В.* Трансформация формы государства Российской империи в XIX в // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1 ; *Бредихин А. Л., Фомичев С. М.* Земская реформа 1864 г.: предпосылки и итоги преобразования местного самоуправления // Власть Закона. 2022. № 1(49) ; *Их же.* Правоохранительная функция и правоохранительная деятельность государства // Аграрное и земельное право. 2025. № 2.

[2] *Борисов А. В.* Полиция и общество в Российской империи. Проблемы доверия и сотрудничества / А. В. Борисов // На службе отечеству: история органов внутренних дел : сб. материалов междунар. науч. конф., приуроченной к 305-летию полиции России, Академия управления МВД России, 23 июня 2023 г. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – С. 64-68. ; *Борисов А. В.* Роль полиции в становлении Российской империи / А. В. Борисов, Е. Ю. Степкин // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4(60).

[3] *Голиков В. Н.* Государственный совет в России в первой половине XIX века : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1983.

[4] *Деревнина Т. Г.* II отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России 1826–1855 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1973.

[5] *Ефремова Н. Н.* Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). Москва, 1993. *Ее же.* Министерство юстиции Российской империи. 1802 – 1917 гг. (историко-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 1983. *Ее же.* Министерство юстиции Российской империи, 1802–1917 гг. : историко-правовое исследование. Москва. 1983.

[6] *Зуев Н. И.* Комитет министров России в первой половине XIX века : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002.

[7] *Иваневский Е. В.* МВД России, 1880 – март 1917 гг.: структура, функции, место в государственном механизме : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2001.

[8] *Казанцев С. М.* Прокуратура Российской Империи: историко-правовое исследование : дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001.

[9] *Кирпа М. С.* Министерство внутренних дел в системе органов государственного управления Российской империи (1802–1819 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2015.

[10] *Кожевникова Н. В.* Государственный совет в системе управления России, вторая половина XIX – начало XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1996.

[11] *Чукаев Т. О., Козинникова Е. Н.* Отечественное государствоведение второй половины XIX в. о проблемах взаимодействия государства, общества и личности // Genesis: исторические исследования. 2022. № 3.

[12] *Козлобаев В. А.* Институт губернаторской власти в механизме управления Российской империей, 1860-е – начало 1880-х гг.: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007.

И. В. Мальцевой[1], И. В. Михеевой[2], М. А. Приходько[3], А. В. Ремнева[4], Ю. В. Рыжовой[5], Е. А. Соловьевой[6], Л. А. Тарасовой[7], Н. В. Черниковой[8], К. Л. Яковлева[9], посвященных изучению формы государства Российской империи, деятельности высших органов государственной власти и центрального отраслевого управления Российской империи, а также их местных органов, в той или иной степени раскрывались вопросы контрольно-надзорной деятельности за отечественной тюремной системой. Однако эта деятельность рассматривалась исключительно в русле конкретного научного интереса авторов.

Отдельного внимания заслуживают труды Н. А. Жильцова[10] и О. Н. Чердакова[11], посвященные проблемам историографии, формирования и развития правоохранительной системы России в XIX–XX вв.

Среди значительного объема историко-правовых и исторических исследова-

---

[1] *Мальцева И. В.* Государственный совет Российской империи в структуре монархической власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1996.

[2] *Михеева И. В.* Правотворческая деятельность министерств Российской империи в XIX – начале XX в. : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2011.

[3] *Приходько М. А.* Создание министерской системы управления в России в 1-й трети XIX века : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2010.

[4] *Ремнев А. В.* Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков : дис. … д-ра ист. наук. Омск, 1997.

[5] *Рыжова Ю. В.* Роль Совета министров в системе высшего управления Российской империи в начале XX века // Закон и право. 2025. № 12 ; *Ее же.* Полицейский аппарат Российской империи в период контрреформ императора Александра III как один из компонентов государственности // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 4(76) ; *Ее же.* Взаимодействие министерств: внутренних дел, путей сообщения, императорского двора и уделов по обеспечению государственной безопасности в начале XX века // Закон и право. 2025. № 7.

[6] *Соловьева Е. А.* Губернское правление в системе административно-финансовой и полицейской власти в России в XIX – начале XX вв.: на материалах Симбирской губернии : дис. … канд. ист. наук. Казань, 2013.

[7] *Тарасова Л. А.* Министерство юстиции в системе государственных органов и учреждений Российской Империи: 1802–1881 гг. : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2003.

[8] *Черникова Н. В.* Государственный совет в политической системе Российской империи второй половины XIX века : дис. … д-ра ист. наук. Москва, 2022.

[9] *Яковлев К. Л.* Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2016. *Его же.* Министерство внутренних дел в государственном механизме Российской Империи : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2002.

[10] *Жильцов Н. А.* Правоохранительная система самодержавной России в период с февраля 1861 по февраль 1917 г.: историко-правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

[11] *Жильцов Н. А., Чердаков О. И.* Правоохранительная и судебная системы России: от Александра II до наших дней. Москва, 2024.

ний, опубликованных с конца 1990-х гг. до настоящего времени, в которых раскрываются различные аспекты формирования и функционирования тюремной системы Российской империи, особо следует отметить работы Л. С. Аладьиной[1], А. В. Балала[2], Л. И. Беляевой[3], О. Н. Бортниковой[4], Н. И. Галкиной[5], М. Г. Деткова[6], В А. Жабского[7], В. В. Казаченок[8], О. Г. Ковалева[9], Д. В. Коломенцева[10], С. В. Колосок[11], А. Е. Коняева[12], М. В. Осипова[13], Д. П. Остапенко[14], Л. Ф. Пертли[15],

[1] *Аладьина Л. С.* Уголовно-исполнительная политика Российского государства, вторая половина XVII в. – первая четверть XIX в. : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003.

[2] *Балала А. В.* Развитие системы назначения и исполнения наказаний в России второй половины XIX – начала XX века : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

[3] *Беляева Л. И.* Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России, середина XIX – начало XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1995.

[4] *Бортникова О. Н.* Возникновение и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири, 1801–1917 гг. : дис. … д-ра ист. наук. Тюмень. 1999.

[5] *Галкина Н. И.* Институт тюремного попечительства в Российской Империи и его особенности на Кубани : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.

[6] *Детков М. Г.* Развитие системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в России : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1994. *Его же.* Наказание в царской России. Система его исполнения. Москва, 1994.

[7] *Жабский В. А., Куликова С. Г.* Тюремная система Российской империи в первой половине XIX в. // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 4(63) ; *Жабский В. А.* Сравнительное тюрьмоведение в трудах ученых // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1(9).

[8] *Казаченок В. В.* Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715–1917 гг.): историко-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2014.

[9] *Аладьина Л. С., Ковалев О. Г., Шабанов Г. Х.* Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования : монография. Москва, 2007.

[10] *Коломенцев Д. В.* Тюремная система России в 50–80-е годы XIX века и ее реформирование : автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2004.

[5]*Колосок С. В.* История пенитенциарной системы Иркутской губернии: начало 80-х гг. XIX в. – февраль 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000.

[12] *Коняев А. Е.* Тюремные учреждения Европейской России в 1879–1917 гг.: социально-экономический аспект деятельности (по материалам Ярославской и Владимирской губерний) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Иваново, 2010.

[13] *Осипов М. В.* Тюремная реформа 1879 года и ее реализация в Оренбургской губернии : дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2010.

[14] *Остапенко Д. П.* Система пенитенциарных учреждений в России в XIX – начале XX в. (историко-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.

[15] *Пертли Л. Ф.* Правовое регулирование условий содержания заключенных в Российской империи: 1879 г. – февраль 1917 г. : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2011.

Е. Э. Поповой[1], Ю. Ф. Соцкого[2], С. Н. Ушакова[3], И. В. Упорова[4], А. М. Фумм[5], А. А. Чеснокова[6], И. В. Четвертаковой[7], Г. Х. Шабанова, в которых рассматривалось становление тюремных органов и учреждений России как на общегосударственном, так и на региональном уровне, раскрывались многие аспекты организации и деятельности системы в целом и ее отдельных элементов, в том числе контроля.

---

[1] *Попова Е. Э.* Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных: историко-правовые аспекты и современные тенденции развития : монография. Москва, 2015 ; *Ее же.* К вопросу о реализации общественного воздействия как средства исправления осужденных в деятельности Общества Попечительного о тюрьмах // Политика и общество. 2015. № 3(123) ; *Ее же.* Участие представителей общественности в устройстве тюремных учреждений Российской империи (на примере Бутырского тюремного замка) // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 31 окт. – 1 нояб. 2024 г. Рязань, 2024.

[2] *Соцкий Ю. Ф.* Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 1998 ; Его же. История и законодательство тюремных учреждений дореволюционной России : монография. Черновцы, 2006.

[3] *Ушаков С. Н.* Организационно-правовое обеспечение системы исполнения наказаний России: 1862–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.

[4] *Упоров И. В.* Исторический аспект формирования и реализации пенитенциарной политики России в XVIII–XIX вв. : дис. … д-ра ист. наук. Краснодар, 2001.

[5] *Фумм А. М.* Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской Империи: конец XVII–70-е годы XIX века : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2004.

[6] *Чесноков А. А.* Пенитенциарная система в механизме Российского государства (историко-теоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.

[7] *Четвертакова И. В.* Реформа органов исполнения наказания в России в конце XIX – начале XX века : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2012.

История функционирования отдельных мест заключения и ссылки в Российской империи отражена в работах А. А. Бочарова[1], А. А. Демичева и В. А. Илюхиной[2], Д. А. Ерина[3], А. А. Островского[4] и других ученых.

Особый интерес представляют работы Н. И. Петренко[5] и А. П. Печникова[6], посвященные исследованию вопросов управления тюремной системой дореволюционного периода существования Российского государства, в частности, причин ее централизации, специфики взаимосвязи развития управленческого аппарата мест заключения с внутриполитическими и экономическими процессами.

Исследуемая проблематика отчасти затронута в рамках монографического исследования О. В. Воронина[7]. Его научный труд посвящен истории пенитенциарного надзора, осуществляемого преимущественно органами прокуратуры. При этом общая характеристика контроля представлена кратко, а ряд вопросов, таких как: сущность понимания содержания контроля применительно к исследуемому периоду, формы и средства осуществления контрольной деятельности, субъектный состав общественного контроля, остался неизученным.

---

[1] *Бочаров А. А.* Создание и деятельность исправительных учреждений морского ведомства России (1864–1916 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2005.

[2] *Илюхина В. А., Демичев А. А.* Кадаинская тюрьма Нерчинской каторги (по воспоминаниям политического заключенного И. К. Ройтмана) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2026. Т. 1, № 73 ; *Их же.* Карийская женская тюрьма в 1885–1888 годы (по воспоминаниям политзаключенной П. Ивановской) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2025. № 1 ; *Их же.* Коммунальная организация жизни политкаторжан в Зерентуйской тюрьме в 1907–1910 годы (по воспоминаниям Г. М. Крамарова) // Там же. № 2 ; *Их же.* Отношения политкаторжан и уголовных заключенных в тюрьмах Нерчинской каторги в начале XX века (по воспоминаниям современников) // Там же. № 3.

[3] *Ерин Д. А.* Владимирская арестантская рота гражданского ведомства в системе исполнения наказаний Российской империи в конце 30-х – 40-х гг. XIX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2(3) ; *Его же.* Тюремные учреждения Владимирской губернии в XIX в. (вопросы организации и функционирования) // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2024. № 2(40).

[4] *Островский А. А.* Правовые основы деятельности арестантских рот в Российской империи : дис. … канд. юрид. наук. Симферополь, 2018.

[5] *Петренко Н. И.* Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России : дис. … д-ра юрид. наук. Рязань, 2002.

[6] *Печников А. П.* Главное тюремное управление Российского государства: 1879 – октябрь 1917 гг. : дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2002.

[7] *Воронин О. В.* Становление пенитенциарного надзора в России: исторические аспекты : монография / науч. ред. А. Г. Халиулин. Томск, 2010.

Таким образом, как показал анализ научной литературы по заявленной проблематике, преимущественное число работ носит обобщающий характер. Авторы раскрывают лишь отдельные аспекты контрольной деятельности, а комплексное исследование контроля в сфере исполнения уголовных наказаний в Российской империи XIX – начала XX вв. с определением его содержания и анализом специфики его организационно-правовых основ отсутствует. Данное обстоятельство еще раз подчеркивает актуальность исследуемой темы.

Объект диссертационного исследования – совокупность общественных отношений, складывавшихся в сфере контрольной деятельности государственных учреждений и общественных организаций в Российской империи XIX – начала XX вв.

Предметом диссертационного исследования выступают организация и правовая регламентация деятельности государственных учреждений и благотворительных обществ Российской империи XIX – начала XX вв., наделенных контрольными полномочиями в сфере исполнения уголовных наказаний.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе комплексного анализа широкого круга источников сформировать целостное научное представление о контрольной деятельности органов государственной власти и общественных институтов Российской империи исследуемого периода, выявить закономерности становления ее организационно-правовых основ в сфере исполнения уголовных наказаний, которые представляются актуальными в современных условиях совершенствования контроля со стороны отечественных органов государственной власти и общественных институтов.

Достижению поставленной цели способствовали постановка и решение следующих **задач:**

– определить понятийно-категориальный аппарат, используемый для исследования контроля в сфере исполнения уголовных наказаний в Российской империи;

– предложить авторскую периодизацию становления организационно-правовых основ контроля в указанной сфере применительно к заявленным хронологическим рамкам исследования;

– установить специфику эволюции норм о контроле государственных учреждений и благотворительных обществ в сфере исполнения уголовных наказаний в законодательстве Российской империи исследуемого периода;

– выявить содержание контрольной деятельности высших органов власти, центральных и местных государственных учреждений, общественных объединений Российской империи в сфере исполнения уголовных наказаний;

– обосновать приоритет и наибольшую эффективность ведомственного контроля со стороны Главного тюремного управления за исполнением уголовных наказаний в контексте развития пенитенциарной системы Российской империи;

– определить и дать характеристику основных направлений контрольной деятельности губернаторов, губернских правлений и присутствий в сфере исполнения уголовных наказаний на местном уровне;

– выявить сущность контрольных полномочий благотворительных обществ в сфере функционирования мест заключения Российской империи в исследуемый исторический период.

Хронологические рамки исследования охватывают период XIX – начала XX вв. Выбор указанных хронологических рамок обусловлен процессом формирования с сентября 1802 г. системы министерств в Российской империи, генезисом их полномочий и компетенции, в том числе в сфере тюремного дела, вплоть до марта 1917 г., который ознаменовался крушением самодержавия и становлением новой демократической власти и ее органов, следствием чего стало видоизменение контрольных полномочий государственных учреждений и должностных лиц в сфере тюремной системы России.

Методы и методологическая основа исследования. Методологическую основу исследования составил комплекс методов всеобщего, общенаучного, частнонаучного характера.

Диалектический метод познания, как всеобщий и универсальный, позволил изучить развитие организационно-правовых основ контроля в динамике, во взаимосвязи с общим ходом государственных преобразований. В качестве неотъемле-

мой части данного метода был использован принцип историзма, который подразумевает рассмотрение контрольной деятельности в контексте конкретных историко-правовых условий с учетом понимания закономерностей ее развития.

Существенное значение в процессе исследования имели общенаучные методы, такие как анализ (позволил детально изучить отдельные направления контрольной деятельности) и синтез (послужил инструментом формулирования понятия контроля применительно к проблематике исследования), индукции (способствовал на основе конкретных примеров сделать выводы относительно специфики контроля на конкретном этапе своего становления) и дедукции (позволил на основе общего анализа уголовно-исполнительной политики оценить характер контроля в сфере исполнения уголовных наказаний).

Частнонаучные методы познания также нашли свое применение в рамках настоящего исследования. При помощи формально-юридического метода в сочетании с методом качественного контент-анализа проанализированы нормативные правовые акты Российской империи, регламентировавшие осуществление контроля, а также материалы ведомственной дореволюционной периодики. Историко-типологический метод позволил выделить этапы развития системы исполнения уголовных наказаний дореволюционной России. Использование системно-структурного метода помогло структурировать организацию контроля, определив при этом уровни и связи между субъектами контроля. Метод юридической герменевтики способствовал толкованию текстов нормативных правовых актов дореволюционного периода с учетом понимания их смысла применительно к современной общественной действительности. На основе метода диахронного анализа была разработана авторская периодизация становления организационно-правовых основ контроля в сфере исполнения уголовных наказаний с учетом специфики заявленного хронологического периода. Применение сравнительно-правового метода позволило выявить закономерности становления и совершенствования правовой регламентации контрольной деятельности в исследуемой сфере на различных этапах ее существования.

Теоретическую основу диссертации составили выводы и положения, содержащиеся в научных трудах отечественных специалистов в области теории и истории государства и права, теории управления, отечественной истории, таких как С. С. Алексеев, Д. Н. Бахрах, В. П. Беляев, А. Б. Венгеров, Р. Б. Головкин, А. А. Демичев, М. Г. Детков, А. Е. Епифанов, Н. П. Ерошкин, Н. А. Жильцов, С. М. Зубарев, Е. А. Кочерин, А. В. Малько, А. С. Минаков, Р. С. Мулукаев, А. П. Печников, Д. В. Пожарский, С. В. Познышев, Т. Н. Радько, И. В. Упоров, О. И. Чердаков, К. Л. Яковлев, и других ученых.

Источниковая база исследования представлена комплексом опубликованных и неопубликованных исторических источников, классифицированных следующим образом: 1) дореволюционные нормативные правовые акты как общеимперского, так и ведомственного характера применительно к проблематике исследования, «неофициальные инкорпорации» (Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части, изданный В. Н. Коковцовым и С. В. Рухловым в 1894 г., справочник Т. М. Лопато «Законы и правительственные распоряжения по тюремной части» от 1898 г.,), уставы и правила отдельных благотворительных обществ; 2) материалы официального делопроизводства Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Военного министерства и других, документация отдельных благотворительных обществ, содержащиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее: ГАРФ) (Ф. 109. 3-е Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; Ф. 122. Главное тюремное управление при Министерстве юстиции. 1879–1917; Ф. 123. Общество Попечительное о тюрьмах; Ф. 1188. Постоянное Бюро съездов русских исправительных заведений); особое место в данной группе занимают материалы отдельных фондов Государственного архива Владимирской области (далее: ГАВО), конкретно Канцелярии Владимирского губернатора (Ф. 14); Владимирского Губернского правления (Ф. 40); Владимирского губернского попечительного о тюрьмах комитета (Ф. 90); Прокурора Владимирского Окружного суда (Ф. 107); 3) материалы ведомственной периодической печати, в частности, «Тюремный вестник», Журнал Министерства юс-

тиции, в которых публиковалось значительное количество информации о деятельности Главного тюремного управления, губернских тюремных инспекций, тюремных отделений губернских канцелярий, материалов проверок и отчетов с мест о состоянии тюремного дела в Российской империи, причем многие из них еще не подвергались анализу отечественных исследователей; 4) труды практического характера, представленные правоприменительной практикой директоров комитетов Общества Попечительного о тюрьмах, начальников Главного тюремного управления, тюремных надзирателей, общественных деятелей и благотворителей (Д. А. Дриля, П. А. Кашкарова, Ф. Н. Малинина, В. В. Микляшевского, К. Р. Руковишникова, А. П. Саломона, В. А. Соллогуба, А. М. Стремоухова, Дж. Кеннана и других). Ценность данных трудов в том, что они насыщены фактологическими данными об отдельных аспектах реализации контрольной функции государственных учреждений и благотворительных обществ.

Нормативно-правовая основа исследования наряду с дореволюционными нормативными правовыми актами по проблеме исследования дополнена действующим законодательством и подзаконными нормативными правовыми актами современного Российского государства, в частности, Конституцией РФ, Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Федеральными законами от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», от 20 марта 2024 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и другими актами.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней сформулировано авторское определение понятия контроля, которое отсутствовало в действовавшем имперском законодательстве применительно к исследуемому историческому периоду, и раскрыто его содержание. Выявлены и обоснованы закономерности эволюции нормативного закрепления контроля в деятельности государственных учреждений и отдельных должностных лиц. Установлены особенности контроля, осу-

ществляемого главой государства, высшими, центральными и местными государственными учреждениями, а также губернаторами и общественными организациями в сфере исполнения уголовных наказаний.

На основе проведенного исследования раскрыты особенности организационных и правовых форм контрольной деятельности государственных учреждений за деятельностью тюремной системы Российской империи.

В ходе исследования в значительной степени были переосмыслены уже известные нормативные правовые акты, касающиеся деятельности государственных учреждений Российской империи. При анализе материалов впервые акцентировано внимание на контрольных полномочиях всех уровней вертикали власти в сфере исполнения уголовных наказаний.

Впервые введен в научный оборот комплекс источников, ранее не использованных в научных исследованиях историко-правовой тематики, к числу которых относятся делопроизводственная документация Владимирской губернской канцелярии и губернского правления, губернской тюремной инспекции, отчетная документация Общества Попечительного о тюрьмах.

Разработаны практические рекомендации об использовании исторического опыта в части совершенствования отечественного законодательства в сфере контроля органов государственной власти субъектов, местного самоуправления, институтов общественности современного Российского государства.

Научная новизна исследования нашла отражение в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Установлено, что в законодательстве Российской империи исследуемого периода не существовало нормативно-правового закрепления понятия контроля. Его содержание соответствовало законодательно закрепленным обязанностям государственных учреждений и благотворительных обществ по осуществлению наблюдения, надзора, заведования, ревизии, попечения и патроната во всех сферах жизнедеятельности государства. Применительно к сфере исполнения уголовных наказаний, функционировавшей в заявленных хронологических рамках, предложено рассматривать контроль в качестве собирательного понятия и представить его

как одну из функций деятельности широкого круга субъектов (государственных учреждений и благотворительных обществ), реализуемую посредством их нормативно закрепленных обязанностей по осуществлению наблюдения, надзора, заведования, ревизии, попечения и патроната.

2. Выделено три последовательных взаимосвязанных этапа формирования организационно-правовых основ контроля в сфере исполнения уголовных наказаний, каждый из которых отражал внутреннюю политику Российского государства в целом и уголовно-исполнительную политику в частности:

1-й этап – с сентября 1802 г. по февраль 1861 г. – обусловлен становлением и укреплением системы центральных учреждений – министерств, поиском их оптимальной организации, а также развитием нормативного закрепления их полномочий, в том числе контрольных, и компетенции как общего, так и отраслевого характера;

2-й этап – с февраля 1861 г. по февраль 1879 г. – характеризуется проведением буржуазных реформ, включая подготовку тюремных преобразований, постепенным сужением полномочий местных органов управления и расширением предметов ведения министерств;

3-й этап – с февраля 1879 г. по март 1917 г. – связан с совершенствованием организации и деятельности государственного аппарата Российской империи в условиях контрреформ и последующего кризиса, а также падения самодержавия в России, в ходе которого контрольные полномочия во всех сферах, в том числе тюремной, постепенно сосредоточивались в одном ведомстве.

3. Определена специфика норм, содержавшихся в законодательстве Российской империи и устанавливавших компетенцию органов государственной власти и управления всех уровней, неотъемлемой частью которой являлись полномочия по контролю, в том числе за исполнением уголовных наказаний. Данные нормы отличались общеправовым характером и возможностью универсального применения.

4. Установлено, что не только государственные учреждения, как центральные, так и местные, в силу своей общей компетенции, но и отдельные благотворительные общества наряду со своими основными (отраслевыми) полномочиями наделялись контрольными функциями, в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний.

Однако вопросам контроля за деятельностью тюремных органов и учреждений уделялось недостаточное внимание, что негативно отражалось на всех направлениях деятельности тюремной системы Российской империи.

5. Контрольная деятельность высших органов власти и министерств до тюремной реформы 1879 г. не носила централизованного характера и состояла в основном в получении и проверке отчетов, представляемых в различных формах, рассмотрении жалоб, претензий и прошений от заключенных, инспектировании мест заключения и ссылки, утверждении финансовой документации, контроле за расходованием бюджетных средств, надзоре за порядком исполнения уголовных наказаний и представления ежегодных Всеподданнейших отчетов о деятельности подведомственных учреждений, а также за прохождением службы чинами гражданского, военного и морского ведомств, в подчинении которых находились места заключения.

6. Длительный период времени (с февраля 1879 по март 1917 г.) формально полномочия по контролю за исполнением уголовных наказаний были возложены на Главное тюремное управление (далее: ГТУ) Министерства внутренних дел / Министерства юстиции. Однако, исходя из специфики устройства государственного аппарата Российской империи, ГТУ не было наделено правами полного контроля за направлениями деятельности всех мест заключения в Империи, так как подобными полномочиями обладали иные структуры и должностные лица, состоявшие в ведении Министерства внутренних дел, Военного министерства и непосредственно подчиненные императору, что негативно отражалось на деятельности подведомственных органов и учреждений.

7. Установлено, что формирование на местах губернских тюремных инспекций происходило медленно. В большей части губерний руководство осуществлялось тюремными отделениями губернских правлений, подчинявшихся непосредственно губернаторам, обладавшим в силу закона контрольными полномочиями во всех сферах жизнедеятельности подведомственных губерний. Без санкции губернаторов не принималось ни одно решение, касавшееся деятельности мест заключения, расположенных на территории губернии, что, в свою очередь, нивелировало многие решения ГТУ в части ведомственного контроля.

8. К началу XX в. контрольная деятельность благотворительных обществ в сфере исполнения уголовных наказаний постепенно ограничивалась. Если в течение XIX в., преимущественно во второй его половине, отделения и комитеты Общества Попечительного о тюрьмах и иные благотворительные общества выполняли некоторые возложенные на них государством функции по контролю за деятельностью мест заключения, в частности, они имели административно-хозяйственные и финансово-распорядительные полномочия, а также обязанности в вопросе нравственно-религиозного воспитания заключенных, то к началу XX в. их контрольная деятельность ограничилась надзором за правильностью расходования финансовых средств благотворителей, обеспечением постпенитенциарного сопровождения вышедших на свободу заключенных и патронатом их семей, в решении всех остальных вопросов исполнения уголовных наказаний мнение благотворительных обществ носило только рекомендательный характер.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что представленные в нем теоретические положения и выводы, ставшие результатом комплексного и многоаспектного анализа различных исторических источников, включая архивные, во многом расширяют и дополняют сферу научного знания историко-правовой науки. Настоящее исследование вносит определенный вклад в приращение научных знаний в области истории государства и права России в целом и отечественных правоохранительных органов в частности. Отдельные его результаты могут быть использованы для последующего научного анализа проблем, связанных с формированием организационно-правовых основ контроля органов государственной власти и управления в иных сферах жизни Российского государства в заявленный исторический период его существования.

Практическая значимость работы характеризуется двумя важными аспектами. Во-первых, исторический опыт организационного и правового регулирования контроля в сфере исполнения уголовного наказания может быть востребован при законодательном закреплении полномочий высшего должностного лица субъекта Федерации в вопросе координации деятельности и сотрудничества с федераль-

ными органами исполнительной власти, их территориальными ведомствами; в законодательстве, устанавливающем статус и полномочия органов местного самоуправления Российской Федерации, а также при взаимодействии представителей общественности с органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы. Во-вторых, результаты исследования могут найти применение как в научной, так и в образовательной деятельности – при преподавании истории государства и права России и других дисциплин историко-правового профиля.

Апробация результатов исследования. Итоги диссертационного исследования излагались автором в докладах и сообщениях на научно-теоретических и научно-практических мероприятиях международного, всероссийского и регионального уровней, а именно: «Право и общество: эволюция во взаимодействии» (Москва, 28–29 марта 2014 г.), «Научное пространство Европы – 2014» (Перемышль, 7–15 апреля 2014 г.), «Актуальные проблемы теории и истории государства и права» (Рязань, 31 октября 2014 г.), «Профессия юриста в современном мире: теория и практика юридической ответственности и исполнения наказаний» (Владимир, 3–5 декабря 2014 г.), «Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву» (Москва, 27–28 марта 2015 г.), «Интересы в праве. Жидковские чтения – 2016» (Москва, 25–26 марта 2016 г.), «Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей» (Улан-Удэ, 31 марта – 1 апреля 2016 г.), «Ломоносов – 2016» (Москва, 11–15 апреля 2016 г.), Петербургские пенитенциарные конференции (Санкт-Петербург – Пушкин, 17–19 мая 2023 г.), «Российская государственность: вызовы XXI века» (Владимир, 8 апреля 2025 г.), Петербургские пенитенциарные конференции (Санкт-Петербург – Пушкин, 15–16 мая 2025 г.). По теме диссертации опубликовано 28 научных статей, из них 9 размещены в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Выводы и материалы диссертационного исследования внедрены в образовательную деятельность ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказа-

ний», ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», прошли апробацию в рамках проведения занятий по дисциплинам «История государства и права России», «История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции».

Отдельные положения работы внедрены в деятельность Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Владимирской области.

Структура диссертации изложена с учетом целей и задач исследования и состоит из введения, двух глав, объединяющих в совокупности семь параграфов, заключения, библиографического списка.

Глава 1 ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX вв.

1.1 Теоретико-методологические аспекты проблемы исследования контроля за исполнением уголовных наказаний

Ключевыми дефинициями исследования выступают «контроль» и «контроль в сфере исполнения уголовных наказаний». Именно установление содержания данных понятий и экстраполяция их в исторические условия исследуемого периода с использованием междисциплинарного теоретического потенциала отечественной юриспруденции, играют важную роль для познания историко-правовой сущности исследуемой проблемы.

В общеупотребительном смысле понятие контроля встречается в энциклопедической литературе. Например, В. И. Даль определяет контроль как учет, проверка счетов, проверка отчетности[1]. В словаре С. И. Ожегова это понятие представляется более емким и кроме проверки включает в себя постоянное наблюдение в целях надзора или проверки[2].

Научное истолкование данное понятие получило в предметных областях социологии, экономики и юриспруденции.

В социальном аспекте контроль рассматривается как разновидность управленческой работы, которая обеспечивает реализацию целей общественной регуляции, создавая необходимые для этого условия при помощи совокупности приемов и способов, предупреждающих девиантное поведение[3].

В экономическом аспекте контроль исследуется как элемент социального

---

[1] Контроль. – Текст : электронный // Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля : [сайт] – 2026. – URL: https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=13737 (дата обращения: 03.02.2026).

[2] *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; Под. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование, 2019. С. 447.

[3] *Кузнецова Е. М.* Социальный контроль: сущность и методы реализации : монография. Саарбрюккен, 2012. С. 53, 54.

управления, точнее, как функция управления[1]. Причем, как отмечает Е. А. Кочерин, функции социального контроля в процессе управленческой деятельности могут быть присущи не только государственным органам, но и иным любым социальным институтам, в частности, общественным организациям[2].

В отечественной юридической науке присутствует плюрализм мнений относительно понятия контроля.

В частности, юридическая энциклопедическая литература выражает наиболее общее представление о контроле как о форме реализации полномочий государственных органов по обеспечению законности и правопорядка[3].

В. П. Беляев, исследуя юридический аспект контрольной деятельности, выделяет её среди иных видов (форм) профессиональной юридической практики (правотворческой, правоприменительной и др.). Контроль как специфическая деятельность, по мнению автора, характеризуется такими признаками как: особый субъект реализации – уполномоченные лица и органы; подконтрольный объект; содержание – получение сведений об исполнении законодательства; реализация мер превентивного характера[4]. Целью контроля является конкретное правовое последствие и фактический полезный эффект от него.

А. Е. Епифанов видит сущность контроля в деятельности государства, реализуемой его органами и членами гражданского общества и направленной на осуществление наблюдения, выявления, анализа полученной информации о происходящих процессах, имеющих государственно-правовое значение, на установление отклонения от социальных норм, представление предложений по корректировке норм и целей управления[5].

---

[1] *Сюзюмова Д. А.* Категория «Контроль» в системе функций управления // Вестник университета. 2012. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-kontrol-v-sisteme-funktsiy-upravleniya (дата обращения: 03.02.2026).

[2] *Кочерин Е. А.* Контроль как функция управления. Москва, 1982. С. 21.

[3] *Борисов А. Б.* Большой юридический словарь. – Москва : Книжный мир, 2010. С. 132.

[4] *Беляев В. П.* Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 11.

[5] *Епифанов А. Е.* К вопросу о сущности и правовой природе государственного контроля и надзора // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2014. № 2. С. 13–17.

В теории государства и права контроль фигурирует как функция государства, и в данном случае следует говорить о государственном контроле. Например, Д. В. Пожарский наряду с другими функциями рассматривает контрольно-надзорную функцию государства, при этом отмечая ее универсальность, специфичность и самостоятельность[1]. Контроль как управленческую функцию государства рассматривает в своих научных трудах А. А. Адыев. По его мнению, контроль обладает властностью, суть которой состоит: в обязательных для исполнения подконтрольными объектами указаниях об устранении выявленных недостатков; постановке вопроса об ответственности органов, нарушающих нормативные предписания; непосредственном применении мер государственного принуждения[2].

Д. Н. Бахрах дефинирует понятие контроля как «установление соответствия фактического состояния системы государственного управления требуемому стандарту … установление соотношения намечаемого и сделанного в государственном управлении»[3], т. е. представляет контроль в качестве функции государственного управления.

С. Г. Нистратов рассматривает контроль как гарантию законности[4], профессор А. Е. Лунев – форму обеспечения законности[5], Л. Л. Попов – способ обеспечения законности, которому присущи такие признаки, как наличие отношений соподчиненности между субъектом и подконтрольным объектом; оказание влияния субъектом контроля на административно-хозяйственную деятельность объекта; наличие у субъекта права отмены юридических решений подконтрольного объекта, а также права применения мер ответственности к объекту[6].

Анализ научных мнений о сущности контроля позволяет сделать вывод о

---

[1] *Пожарский Д. В.* Контрольно-надзорная функция современного государства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2004. С. 5.

[2] *Адыев А. А.* Контрольно-надзорная функция современного Российского государства: политико-правовое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 8.

[3] *Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н.* Административное право : учеб. для вузов. Москва, 2007. С. 40, 41.

[4] *Нистратов С. Г.* Контроль и надзор как гарантии законности (теоретико-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 8.

[5] Административное право / под ред. А. Е. Лунева. Москва, 1970. С. 230.

[6] Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. Москва, 2008. С. 389.

многозначности данного понятия в юриспруденции, обусловленной сферой его употребления, и определить субъектный состав контрольной деятельности в лице государственных органов.

Комплексно рассматривает контроль профессор А. В. Малько, который формулирует его определение, наделяя его указанными выше характеристиками. Кроме того, он обращает внимание на свойство обеспечения законности и государственной дисциплины, особую компетенцию контролирующих субъектов по систематическому наблюдению и присмотру за деятельностью объектов контроля[1].

Следует отметить, что приведенные выше дефиниции и научные взгляды не исчерпывают всего спектра вопросов, связанных с подходами к формулировке понятия «контроль» в отечественной юридической науке, поскольку данное понятие эволюционировало и представляет собой сложное, многокомпонентное явление, имеющее значения формы юридической деятельности, функции государства и гарантии законности.

Смежным, но не подменяющим понятие контроля выступает надзор. В юридической науке существуют две точки зрения по проблеме соотношения этих категорий: первая заключается в общности данных понятий, их взаимозамещении[2]; авторы, придерживающиеся второй позиции, разграничивают данные понятия либо полностью, либо в соотношении целого и части[3].

В научных трудах, посвященных соотношению контроля и надзора, встречается мнение о том, каким образом следует их разграничивать. Так, А. А. Любчик, Р. В. Мавлиханова, Н. А. Нарыжный считают целесообразным или исключить понятие «надзор» из российского законодательства, или оперировать этой категорией

---

[1] Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. Москва, 2009. С. 157.

[2] Напр.: *Шорина Е. В.* Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР. Москва, 1981. С. 110 ; *Авакян С. А., Барабашев Г. В*. Советы и совершенствование деятельности местных контрольных органов // Вестник МГУ. Право. 1984. № 1. С. 16–24 ; *Ефремов А. Ф.* Проблемы совершенствования контроля и надзора за соблюдением законов // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 4. С. 89.

[3] Напр.: *Ефимова В. В.* Контроль в арбитражном процессе как способ устранения судебных ошибок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 12 ; *Беляев В. П.* Указ соч. С. 11 ; *Нетесова М. С.* О разграничении функций контроля и надзора в государственном управлении // Власть. 2007. № 2. С. 99.

только применительно к деятельности прокуратуры, или дать легальное толкование обоим понятиям[1].

Вместе с тем в рамках настоящего исследования разграничения понятий контроля и надзора проводиться не будет, поскольку применительно к деятельности системы исполнения уголовных наказаний обозначенного периода они рассматривались в единстве и носили взаимозаменяющий и дополняющий характер.

Применительно к уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) понятие контроля следует рассмотреть в двух аспектах: с позиции анализа положений уголовно-исполнительного законодательства и с позиции изучения мнения научного сообщества.

Концептуальные основы развития УИС провозглашают совершенствование ведомственного контроля в целях обеспечения безопасности деятельности системы и ее объектов[2], но при этом не раскрывают дефиницию контроля в уголовно-исполнительной сфере.

Так, Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»[3] не закрепляет термин «контроль», соответственно не раскрывает его содержание, однако, данный нормативно-правовой акт перечисляет ряд субъектов, наделенных контрольными полномочиями.

В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее: УИК РФ), Положении о ФСИН России[4], законодательстве об общественном контроле в сфере исполнения уголовных наказаний[5] термин «контроль» употребляется многократно,

---

[1] *Любчик А. А., Мавлиханова Р. В., Нарыжный Н. А.* Контроль и надзор: особенности законодательного закрепления терминов и проблемы правоприменения // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 6. С. 67.

[2] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апр. 2021 г. №1138-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 20, ст. 3397.

[3] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33, ст. 1316

[4] Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : указ Президента Рос. Федерации от 13 окт. 2004 г. №1314 // Российская газета. 2004. 19 окт.

[5] Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания : Федер.

говорится и о тех видах контроля, которые существуют в деятельности УИС России. Но и в этих документах толкование смысла данного понятия отсутствует.

В ведомственных нормативных актах Минюста России и ФСИН России дается легальное определение зонального контроля, состоящего в систематической деятельности кураторов – сотрудников УИС, осуществляемой путем сбора и анализа информации о функционировании подконтрольных объектов и оказании им содействия как в практическом, так и методическом аспектах[1], а также ведомственного контроля за соблюдением законодательства о службе в УИС, реализуемого в виде «проверок законности осуществления служебной деятельности и принятых решений учреждений и органов УИС»[2], а также их соответствия требованиям отечественного законодательства.

Отсутствие универсального понятия контроля за деятельностью УИС детерминирует активность научно-теоретических разработок в рамках этой проблематики.

Обратимся к доктринальной литературе с целью оценки современного состояния изученности данного вопроса.

Анализ научной литературы показал, что в доктрине современного уголовно-исполнительного и административного права существует несколько подходов к формулированию понятия контроля применительно к деятельности по исполнению уголовных наказаний. Соответственно, отраслевая наука выделяет описательный и институциональный подходы.

Описательный подход заключается в понимании контроля не только как средства, способа обеспечения неукоснительного соблюдения действующих правовых

закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ // Российская газета. 2008. 18 июня.

[1] Об утверждении Порядка организации контроля в уголовно-исполнительной системе по зональному принципу и рекомендаций по ведению контрольно-наблюдательного дела территориального органа ФСИН России : приказ ФСИН России от 28 авг. 2010 г. № 378 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 1. С. 66.

[2] Об утверждении Порядка осуществления ведомственного контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : приказ Минюста России от 22 авг. 2019 г. № 185 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: http://www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 05.06.2025).

норм, регулирующих процесс исполнения уголовных наказаний; но и как эффективного метода реализации исправительного воздействия на осужденных и соблюдение прав и законных интересов как осужденных, так и сотрудников[1].

Институциональный подход при формулировании определения указанного понятия использовал профессор С. М. Зубарев. Он исследует контроль как особый общественно-правовой институт, включающий в себя не только специализированные государственные структуры, но и формирования гражданского общества, которые наделены функцией выявления соответствия работы сотрудников уголовно-исполнительной системы нормативным предписаниям, а также исправления обнаруженных недостатков при помощи мер административно-правового принуждения[2].

Кроме того, в литературе исследованы отдельные виды контроля за деятельностью системы исполнения уголовных наказаний в зависимости от субъектов, его реализующих, а именно: общественный контроль[3], государственный контроль[4], включающий в себя судебный контроль[5], ведомственный, финансовый контроль[6] и прокурорский надзор[7].

Резюмируя обзор научных подходов к характеристике понятия контроля при-

---

[1] *Романов А. К.* Уголовно-исполнительное право Российской Федерации : лекции. Москва, 2014. С. 153.

[2] *Зубарев С. М.* Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2006. С. 11-12.

[3] Напр.: *Федоров В. В.* Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы как форма взаимодействия гражданского общества с государством : дис. … канд. юрид. наук, Владимир, 2006 ; *Колодин Р. В.* Правовые и организационные аспекты общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний : дис. … канд. юрид. наук. Вологда, 2010.

[4] Напр.: *Борсученко С. А.* Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных к лишению свободы уполномоченным по правам человека в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук, Москва, 2004 ; *Зубарев С. М.* Указ. соч.

[5] Напр.: *Давыдова И. А.* Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний : дис. … канд. юрид. наук, Рязань, 2005.

[6] Напр.: *Карпов Э. С.* Государственный финансовый контроль в уголовно-исполнительной системе: финансово-правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2009.

[7] Напр.: *Сопнева Е. В.* Актуальные проблемы прокурорского надзора и расследования преступлений в местах лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук, Москва, 2000 ; *Рассказчикова О. А.* Прокурорский надзор за соблюдением законов при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы : автореф. дис. … канд. юрид. наук, Москва, 1995.

менительно к системе исполнения уголовных наказаний, обозначим собственную позицию относительно данного концепта. На наш взгляд, определение, данное в рамках институционального подхода, наиболее приближено к полному интенсионалу контроля в рассматриваемой сфере, поскольку в его содержание включены юридически значимые признаки контрольной деятельности, выделенные нами выше. Использование такого подхода позволит оценить содержание контрольной деятельности, ее эффективные и негативные стороны. Однако для таких субъектов, как суд, прокуратура, федеральные органы государственной власти, органы в сфере финансов, общественных институтов, контроль за функционированием пенитенциарной системы является не основной деятельностью, предусмотренной для них законодательством Российской Федерации, а лишь реализуется в качестве одной из функций. В этой связи в теоретическом аспекте контроль за функционированием УИС следует рассматривать преимущественно как одну из функций, присущую широкому кругу субъектов как государственного, так и общественного характера, которую они реализуют посредством исполнения закрепленных нормативно обязанностей по установлению соответствия деятельности УИС отечественному законодательству.

Предмет диссертационного исследования предопределил научный интерес к определению сущности контроля в сфере исполнения уголовных наказаний в рамках заявленного хронологического периода.

Нормы уголовного и пенитенциарного законодательства, а также научные труды дореволюционного периода, пресвященные различным аспектам функционирования тюремной системы, не раскрывали содержание понятия «контроль», при этом данный термин не нашел собственно упоминания в них.

Однако данная лексема употреблялась в словосочетании «государственный контроль». Такое название получил орган государственной власти, выступавший в качестве «отдельного независимого установления в составе российского управления»[1] и имевший целью проведение проверок и ревизий движения как казенных средств, так и общественных капиталов.

[1] Государственный контроль 1811–1911: обзор деятельности. Санкт-Петербург, 1911. С. 7.

Анализ дореволюционного законодательства, регулировавшего деятельность пенитенциарной системы, позволяет включить в абрис содержания понятия контроля такие терминологические единицы, как «управление», «надзор», «наблюдение», «ревизия», «заведование», «попечение», «патронат». Их употребление в нормах права прослеживается на протяжении всего исследуемого периода, но наиболее регулярное упоминание они нашли, к примеру, в Общем Наказе Гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г., в Правилах и Уставе Общества Попечительного о тюрьмах, в Уставе о содержащихся под стражей 1890 г., Уставах о ссыльных 1822 и 1909 гг. и иных актах[1].

Так, гражданские губернаторы осуществляли наблюдение за исполнением уголовных наказаний во вверенных им губерниях. В положениях Общего Наказа имелись нормы, предусматривавшие данную обязанность, например: «губернаторы должны были наблюдать, чтобы распоряжения губернского начальства и других ведомств … были известны в свое время тем, до коих оные относятся», «Губернаторы обращают особое внимание на получаемые Правлением срочные ведомости о содержащихся арестантах для лучшего наблюдения за течением дел в губернии», «Гражданские Губернаторы наблюдают, чтобы осужденные были снабжаемы кормовыми деньгами и одеждою», «они обращают тщательное внимание на места заключения гражданского ведомства … наблюдая, чтобы все эти места были всегда содержимы в совершенной исправности»[2].

Прокурорам вменялось в обязанность вести наблюдение и надзор за процессом исполнения наказаний. Уставом о содержащихся под стражей на них возлага-

---

[1] Напр.: О беспрепятственном допущении губернских прокуроров к осмотру со-держащихся в рабочих и смирительных домах разного звания людей // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Санкт-Петербург, 1830. Т. 31, № 24086; Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Санкт-Петербург, 1881.Т. 54, № 59360; Об учреждении губернской тюремной инспекции // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Санкт-Петербург, 1893. Т. 10, № 6653.

[2] Общий Наказ Гражданским губернаторам, Высочайше утв. 3 июня 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Санкт-Петербург, 1830–1885. Т. 12, № 10303.

лись «прием, просмотр и отправление бумаг, исходящих от арестантов, и наблюдение за их размещением и успешным разрешении дел в их отношении»[1]. Надзор органы прокуратуры осуществляли по двум направлениям: за размещением заключенных в зависимости от пола, возраста, тяжести совершенного деяния, а также за ведением хозяйственной деятельности администрацией мест заключения[2].

В настоящее время в юридических исследованиях в большей степени склоняются к мнению о том, что «целью надзора является проверка точного и неуклонного исполнения закона…»[3]. Однако в указанный исторический период понятие «надзор» имело более широкое толкование. Надзор рассматривали и как проверку законности деятельности поднадзорных учреждений, и как наблюдение за общим функционированием мест заключения и содержанием в них заключенных. Равным образом «наблюдение» проводилось путем проверки «точного исполнения всех постановлений закона о порядке содержания арестантов»[4].

Также примечательным явился факт употребления понятий надзора и наблюдения применительно к деятельности одного и того же органа. В качестве исторического примера стоит привести наблюдательные комиссии, которые одновременно были наделены как полномочиями наблюдать за местами лишения свободы, так и осуществлять надзор за порядком управления и ведения хозяйства в них[5]. Допускаем, что с учетом изложенного «наблюдение» и «надзор» могли употребляться в одинаковом значении, поскольку объем данных понятий составляли одни и те же действия: проверка ведения хозяйственной деятельности пенитенциарных учреждений; проверка размещения заключенных согласно их половой принадлежности и степени тяжести совершенных ими деяний; работа с жалобами и заявлениями арестантов; проверка неукоснительного соблюдения нормативных предписаний

---

[1] Свод законов Российской империи. Санкт-Петербург, 1832–1892. Кн. 5, Т. 14.

[2] *Муравьев Н. В.* Указ. соч. С. 471.

[3] *Мецаев Б. К.* Юридическая природа контрольной деятельности (теоретико-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук, Москва, 2004. С. 112.

[4] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 21 марта 1890 г. «Об учреждении губернской тюремной инспекции» : // Полное собрание законов Российской империи. Собрание. 3. Санкт-Петербург, 1885–1916. Т. 10, № 6653.

[5] Устав о содержащихся под стражей от 1890 г.// Свод законов Российской империи. Кн. 5, Т. 14.

администрацией мест заключения.

Частое употребление лексем «управление» и «заведование» в нормах пенитенциарного законодательства связано с учреждением ГТУ и тюремных инспекций.

ГТУ было наделено функцией управления не только местами лишения свободы, подчиненными гражданскому ведомству, но и арестантской пересыльной частью[1]. Администрирование начальство ГТУ проводило посредством ревизионных мероприятий, направленных на осуществление контроля за бюджетными поступлениями для развития тюремных учреждений; надзора за руководящим составом тюремного персонала; издания приказов, необходимых для эффективного исполнения законодательных предписаний. Тюремные инспекции осуществляли наблюдение за работой мест заключения гражданского ведомства, в частности контролировали порядок содержания арестантов в пенитенциарных учреждениях губерний, попечительствовали над исправительными арестантскими отделениями[2].

Таким образом, экстенсионал понятия «заведование» включил в себя смысловое содержание таких терминов как «наблюдение», «ревизия», «надзор», «попечение», что следует из анализа функций ГТУ и подведомственных ему субъектов.

Понятие «управление» в исследуемый исторический период не включало в свой объем совершение каких-либо действий. Его понимание ограничивалось организационным аспектом, и под управлением подразумевалось существование определенного органа, реализовывавшего руководящую функцию по отношению к тюремным учреждениям на местах. В структуру управления могли входить отдельные тюремные служащие, начиная с руководства – начальников мест заключения и их

---

[1] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 27 февраля 1879 г. «Об утверждении в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления» : // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 54, № 59360.

[2] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 21 марта 1890 г. «Об учреждении губернской тюремной инспекции» : // Там же. Собрание 3. Т. 10, № 6653.

помощников, заканчивая иными лицами, составляющими тюремную администрацию, а также тюремными врачами, священниками[1]. Необходимо отметить, что в качестве членов управления можно определить также президента Общества Попечительного о тюрьмах, комитеты и отделения (как женские, так и мужские) данной организации, учрежденные в губерниях и уездных городах[2].

Подводя итог рассмотрения таких понятий как «управление» и «заведование» в контексте нашего исследования, мы приходим к выводу об их соотношении как определенной организационной структуры (органа) и его компетенции, включающей нормативно установленные предметы ведения и полномочия (функции). Отсюда можно предположить, что «управление» не выступало направлением контрольной деятельности, а характеризовало субъектный состав органов, осуществлявших контроль.

Термин «ревизия» в законодательстве исследуемого периода употреблялся в значении проверки делопроизводства. Предметом ревизии являлись хозяйство и делопроизводство в местах лишения свободы. Например, Устав о ссыльных 1822 г. предусматривал годовую ревизию тюрем и острогов. В рамках ее проведения осуществлялся пересмотр всех списков заключенных, а также ведомостей по арестантским делам, не получившим своего завершения[3]. Ревизию мест ссылки осуществляли экспедиции о ссыльных. Устав об этапах в Сибирских губерниях от 1822 г. предписывал экспедициям осуществлять ревизию порядка документального сопровождения заключенных[4]. Ревизия делопроизводства входила в обязанности и Главного Инспектора по пересылке арестантов, о чем сказано в Уставе конвойной службы[5].

Попечение являлось функцией благотворительной организации Общества Попечительного о тюрьмах.

---

[1] Устав о содержащихся под стражей от 1890 г. // Свод законов Российской империи. Кн. 5, Т. 14.

[2] Устав Общества попечительного о тюрьмах от 7 нояб. 1851 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 26, № 25725.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 38, № 29128.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 38, № 29129.

[5] Там же. Собрание 3. Т. 27, № 29272а.

В нормативных актах, регламентировавших его деятельность, неоднократно повторяется термин «попечение», но при этом суть его не раскрывается: «Снабжение книгами Священного писания … предоставляется попечению комитета Общества»[1], «попечение комитета распространяется на все тюрьмы…»[2]. В Уставе данного благотворительного общества содержание попечения раскрывалось через достаточно широкий функционал, представленный полномочиями в вопросах воспитания нравственности арестантов с целью их исправления, поиска средств к увеличению капиталов организации, заботы о судьбе подопечных[3].

Учитывая в совокупности приведенные выше нормы законодательства и значение общеупотребительного понятия «попечение»[4], представляется возможным определить содержание попечения применительно к предмету настоящего исследования следующим образом: осуществление деятельности по оказанию материального и духовного содействия и помощи заключенным в целях исправления их нравственности.

Наряду с попечением как основной своей функцией в сфере исполнения уголовных наказаний Общество Попечительное о тюрьмах могло осуществлять наблюдение за различными аспектами работы подконтрольных учреждений на местах, например, за материально-бытовым оснащением помещений тюрем, за размещением заключенных согласно нормам пенитенциарного законодательства, за исполнением обязанностей как персоналом мест заключения, так и арестантами. Тем самым наблюдение преимущественно осуществлялось в целях решения задач материально-бытового характера.

Понятие «патронат» в исследуемый период не получило легального толкования, однако ученые-юристы и практики того времени Е. М. Баранцевич, С. В. Познышев, И. Я. Фойницкий и другие уделяли ему внимание в своих публикациях.

---

[1] Там же. Т. 36, № 27895.

[2] Там же. Т. 36, № 27895.

[3] Там же. Собрание 2. Т. 26, № 25725.

[4] Попечение – забота, покровительство. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/959098?ysclid=mt3k8koeg532027754 (дата обращения: 04.03.2026).

Патронат выступал ключевой функцией такой благотворительной организации как Общество покровительства лицам, освобожденным из мест заключения.

И. Я. Фойницкий рассматривал патронат как социальное сопровождение, представлявшее собой «организованную благотворительность для освобожденных, осуществляющуюся совместными усилиями многих лиц, заключающуюся в применении мер материальной и духовной поддержки»[1]. По мнению ученого, главная цель патроната состояла в личном благе освобожденных[2].

Профессор С. В. Познышев представлял патронат как деятельность, заключавшуюся в руководстве освобожденными из мест лишения свободы, в помощи им своим попечительным надзором, материальными средствами, в оказании содействия в переселении в другую местность[3].

Е. М. Баранцевич, являясь учредителем первого общества патроната в Томске в начале XX в., стал активно внедрять понятие патроната в пенитенциарную практику, наделяя его смыслом оказания всесторонней помощи заключенным по возвращению их в общество[4].

Таким образом, анализ представленных нормативных актов позволяет утверждать, что рассмотренные выше термины обозначали функции, присущие отдельным органам и учреждениям, существовавшим в Российском государстве в исследуемую историческую эпоху.

Взяв во внимание тот факт, что термин «контроль» употребительно к пенитенциарной системе в заявленных хронологических рамках не получил законодательного закрепления, а также учитывая анализ употребления обозначенных выше лексем в нормах отечественного законодательства, представляется возможным считать понятие контроля собирательным, в объем которого вошли такие категории, как наблюдение, надзор, заведование, ревизия, попечение и патронат.

Итак, в настоящем исследовании *контроль в сфере исполнения уголовных наказаний будет рассмотрен как одна из функций деятельности широкого круга*

---

[1] *Фойницкий И. Я.* Указ соч. С. 491.
[2] Там же. С. 493.
[3] *Познышев С. В.* Основы пенитенциарной науки. Москва, 1923. С. 270.
[4] Напр.: *Баранцевич Е. М.* Патронат в жизни России (средства борьбы с преступностью).

субъектов (государственных учреждений и благотворительных обществ), реализуемая посредством их нормативно закрепленных обязанностей по осуществлению наблюдения, надзора, заведования, ревизии, попечения и патроната.

На основе экспликации указанных категорий можно выделить в содержании контроля в сфере исполнения уголовных наказаний в заявленный исторический период следующие направления:

1) наблюдение за работой администрации мест заключения и ссылки с целью установления ее соответствия нормам пенитенциарного законодательства;

2) надзор за законностью и содержанием заключенных;

3) ревизия хозяйственных дел, расходно-доходной части, делопроизводства;

4) попечение о воспитании заключенных и их нравственном исправлении;

5) патронат лиц, вышедших на свободу по отбытии уголовного наказания, а также членов их семей.

В качестве ключевых признаков контроля целесообразно отметить следующие:

1) осуществление как государственными учреждениями, так и благотворительными обществами;

2) урегулирование нормами общеимперского, в том числе пенитенциарного, законодательства;

3) комплексный характер, заключающийся в сочетании различных направлений контрольной деятельности.

Логика говорит о том, что сущность предмета выражается в его содержании. Как отмечает профессор Т. Н. Радько, «рамки сущности – не раз и навсегда данные, не статичны, а динамичны и изменяются, развиваясь под воздействием различных причин, движущих сил»[1]. Так и сущность контроля в сфере исполнения уголовных наказаний носила изменчивый характер в процессе эволюционирования его организационно-правовых основ.

Историко-правовое исследование какого-либо явления требует детализации вопроса периодизации его истории, выделения характерных признаков каждого из

[1] *Радько Т. Н.* Актуальные проблемы права : учеб. для магистров. Москва, 2012. С. 35.

периодов. Как справедливо отметил профессор А. А. Демичев, «использование метода периодизации позволяет уяснить закономерности и логику развития изучаемого объекта, а также дать его сущностную характеристику на разных исторических этапах»[1].

Анализ научной литературы показывает, что в отечественной историко-правовой и исторической науках присутствует плюрализм мнений относительно проблемы периодизации развития системы органов государственной власти в Российской империи в XIX – начале XX в., в том числе системы исполнения уголовных наказаний.

Одни ученые периодизируют эволюцию государственных учреждений в целом в России дореволюционного периода. Например, Н. П. Ерошкин в «Истории государственных учреждений дореволюционной России»[2] положил в основу периодизации развития отечественных органов и учреждений государственной власти хронологический принцип и формационный подход. В результате в истории развития органов и учреждений XIX – начала XX в. автор выделил четыре этапа: дореформенный (первая половина XIX в., кризис феодальной монархии), пореформенный (1861–1904 гг., становление буржуазной монархии), революционный (1905–1914 гг.), этап мировой (империалистической) войны (1914 – октябрь 1917 г., кризис царской монархии). В периодизацию были заложены идеи проведения «Великих буржуазных реформ» второй половины XIX в., а также трансформации монархической формы правления в зависимости от внутренней и внешней политики Российской империи.

В. И. Щепетев, исследуя основные тенденции развития российской государственности в заявленный исторический период, прослеживает эволюцию системы органов государственной власти и институтов гражданского общества на основе

---

[1] *Демичев А. А.* Методологически-когнитивный коллапс в современной истории государства и права // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3(77). С. 19.

[2] *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. Москва, 2008.

подготовки и проведения государственно-правовых реформ в XIX в[1].

И. Е. Барыкина изучает становление системы органов государственного управления во второй половине XIX в., отталкиваясь от периодов разработки основных проектов ее усовершенствования (1855–1865 гг., вторая половина 1860-х – первая половина 1880-х гг.)[2].

В. П. Каленский рассматривает развитие государственной системы управления, используя цивилизационный подход на основе генезиса права и геополитических процессов. В этой связи исследователь выделяет два этапа, одним из которых является период XIX в., когда реформы государственного управления протекали в условиях духовного общественного подъема, формирования новых политических ценностей[3].

Ряд ученых исследуют периодизацию становления органов исполнительной власти в Российской империи, в частности, эволюцию деятельности министерств. Например, развитию отечественных органов исполнительной власти в XIX – начале XX в. посвящено диссертационное исследование А. А. Дахиной, в котором она предлагает трехэтапную периодизацию становления органов отраслевого управления (первая половина XIX в., вторая половина XIX в., начало XX в.)[4].

И. В. Михеева изучала формирование системы министерств и их нормотворческой компетенции. Она рассматривает эволюцию отраслевых органов в контексте протекания реформы государственного управления в указанный исторический отрезок времени, выделив при этом пять периодов организационно-правового и структурного становления министерской системы на основе отраслевого и функционального принципов организации министерств[5].

---

[1] *Щепетев В. И.* Основные тенденции развития российской государственности в XIX – начале XX в. и их правовые основы : дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002.

[2] *Барыкина И. Е.* Государственное управление России второй половины XIX века (особые формы и специальные институты). Санкт-Петербург, 2018.

[3] *Каленский В. П.* Государственное управление в России в период абсолютной монархии (историко-правовой аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2010.

[4] *Дахина А. А.* Эволюция отечественных органов исполнительной власти в Российской империи (XIX – начало XX вв.) : дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2016.

[5] *Михеева И. В.* Указ. соч.

Созданию министерской системы управления посвящено также исследование М. А. Приходько. За стадиальную основу изучения процесса становления министерств автор берет ключевые даты принятия правовых актов, закрепляющих статус данных органов отраслевого значения (1802–1811 гг., 1811–1835 гг.)[1].

Отдельную группу исследований составляют труды, посвященные формированию и деятельности конкретных органов государственной власти Российской империи, включая органы исполнения уголовных наказаний.

Так, интересной представляется позиция Л. А. Тарасовой относительно проблемы становления Министерства юстиции в системе органов государства Российской империи. Эволюция органов юстиции, включая данное Министерство, прослеживается автором на протяжении трех периодов: первой четверти XIX в., второй четверти XIX в., периода подготовки и проведения судебной реформы 1864 г.[2]. Таким образом, в основу периодизации закладываются критерии реформирования органов отраслевого управления и проведения буржуазных реформ середины XIX в.

К. Л. Яковлев исследовал статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.), в рамках которого им были выделены шесть этапов его становления: 1-й этап (1802–1811 гг.) – создание данного министерства в качестве органа отраслевого управления; 2-й этап (1811–1819 гг.) – параллельное функционирование Министерства внутренних дел и Министерства полиции; 3-й этап (1819–1826 гг.) – отправление полномочий Министерства внутренних дел как единственного органа, выполнявшего функцию обеспечения внутренней безопасности государства; 4-й этап (1826–1840 гг.) – проведение политики военизации и централизации всего государственного аппарата; 5-й этап (1840–1855 гг.) – системные изменения Министерства внутренних дел, основанные на укреплении просвещенной бюрократии; 6-й этап (1855–1861 гг.) – разработка проектов буржуазных реформ[3].

Эволюцию организационно-правовой структуры пенитенциарной системы

---

[1] *Приходько М. А.* Указ. соч.
[2] *Тарасова Л. А.* Указ. соч.
[3] *Яковлев К. Л.* Указ. соч.

России во второй половине XIX – начале XX в. исследовал также А. В. Балала. В процессе реформирования системы исполнения уголовных наказаний им выделено три этапа: первый относится к 1840-м гг. и связан преимущественно с предпосылками систематизации пенитенциарного законодательства; второй – обусловлен кодификацией отечественного права, в том числе уголовного и уголовно-исполнительного, осуществлявшейся во второй половине XIX в.; третий этап, который начинается с 1870-х гг. и продолжается вплоть до начала XX в., исследователь связывает с практической реализацией результатов детальности правотворчества[1].

С. Н. Ушаков периодизировал развитие системы исполнения уголовных наказаний на основе тюремной реформы, выделив при этом дореформенный и период реформирования[2]. Аналогично исследуется эволюция органов управления местами заключения Российской империи в диссертации А. П. Печникова[3].

Следует отметить, что представленные выше периодизации имеют как концептуальный смысл (те периодизации, в основу которых заложен процесс проведения государственных реформ), так и хронологический (поэтапный, стадийный, основанный на формационном подходе).

Содержание проанализированных научных подходов позволило заключить, что большинство авторов, изучавших становление органов государственной власти Российской империи, за основание периодизации берут в целом процесс государственно-правовых реформ XIX в.

Исходя из того, что контроль как самостоятельный институт в рассматриваемой сфере не имел законодательного оформления, а существовал лишь как отдельная функция органов государственного управления и благотворительных обществ, применительно к проблематике настоящего исследования синтезируем приведенные выше научные мнения и представим периодизацию организационно-правовых основ контроля в пенитенциарной сфере в условиях преобразования государственного аппарата в целом и органов тюремной системы, в частности, с учетом общих

---

[1] *Балала А. В.* Указ. соч.
[2] *Ушаков С. Н.* Указ. соч.
[3] *Печников А. П.* Указ. соч.

тенденций проведения значимых для заявленного исторического периода реформ социально-экономического и политического характера.

Итак, в процессе формирования организационно-правовых основ контроля в сфере исполнения уголовных наказаний в Российской империи в период XIX – начала XX вв. целесообразно выделить три взаимосвязанных этапа:

1-й этап –сентябрь 1802 г. – февраль 1861 г. – обусловлен становлением и укреплением системы центральных учреждений – министерств, поиском их оптимальной организации, а также развитием нормативного закрепления их полномочий, в том числе контрольных, и компетенции как общего, так и отраслевого характера;

2-й этап – февраль 1861 г. – февраль 1879 г. – характеризуется проведением буржуазных реформ, включая подготовку тюремных преобразований, постепенным сужением полномочий местных органов управления и расширением предметов ведения министерств;

3-й этап – февраль 1879 г. – март 1917 г. – связан с совершенствованием организации и деятельности государственного аппарата Российской империи в условиях контрреформ и последующего кризиса, а также падения самодержавия в России, в ходе которого контрольные полномочия во всех сферах, в том числе тюремной, постепенно сосредоточивались в одном ведомстве.

Первый этап – это время с правления трех императоров: Александра I, Николая I, Александра II, каждый из которых имел свое понимание государственной и общественной политики. Александр I выступил инициатором реформы государственных органов, основанной на разделении властей. Николай I проводил политику полной регламентации всех сторон российской жизни, в связи с чем систематизировал и кодифицировал законодательство, а также создал ряд государственных органов «специального назначения». Александр II был сторонником либеральных реформ, которые реализовались во второй половине XIX в. Политические взгляды императоров объединяла идея создания централизованного управления во всех отраслях государства, включая систему исполнения уголовных наказаний.

В данный период во многом благодаря деятельности М. М. Сперанского осуществлялась кардинальная реформа центральных государственных учреждений

(1802 г., 1810–1811 гг.), получил закрепление принцип отраслевого управления, на основе которого формируется и организационно оформляется система министерств. В первых правовых актах, регламентировавших деятельность данных органов (манифесты от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств»[1], от 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению подлежащих», от 25 июня 1811 г. «Об общем учреждении министерств»[2]) были определены предметы их ведения.

В силу того, что в первой половине XIX в. ещё не сложилась централизованная система тюремных учреждений, и отсутствовала их строгая иерархия в плане ведомственного подчинения, наблюдались значительные коллизии в управленческой деятельности в целом и контрольной деятельности, в частности. Полномочиями по исполнению уголовных наказаний, в том числе по контролю за деятельностью пенитенциарных органов и учреждений, были наделены одновременно несколько министерств: Министерство полиции (до 1819 г.), Министерство внутренних дел, Главное управление путей сообщения и публичных зданий (с 1865 г. – Министерство путей сообщения), Военное и Морское министерства. Значительный объем полномочий по исполнению уголовных наказаний, включая контроль в данной сфере, был передан Министерству внутренних дел, так как под управлением последнего находились места заключения гражданского ведомства. Кроме того, политические тюрьмы находились под контролем Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, каторжные тюрьмы в Сибири – в ведении генерал-губернатора.

Для местного управления в первой половине XIX в. характерно укрепление власти губернаторов, усиление их влияния на деятельность местных органов власти и учреждений, включая пенитенциарные. Это было связано с общеимперской административно-полицейской реформой 1837 г., результатом которой стало принятие пяти законодательных актов[3], в том числе Общего Наказа Гражданским губернаторам. Последний укрепил вертикаль государственной власти и определил

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 27, № 20406.

[2] Там же. Т. 31, № 24686.

[3] «Общий Наказ Гражданским губернаторам», «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях», «Положение о земской полиции», «Наказ чинам и служителям земской

правовой статус губернаторов на правах «непосредственных начальников вверенных им Высочайшей Государя Императора волею губерний, первых в оных блюстителей неприкосновенности верховных прав Самодержавия, польз Государства и повсеместного, точного исполнения законов, указов Правительствующего Сената и предписаний начальства». Данный правовой акт предписал губернатору осуществление «высшего надзора за скорым отправлением правосудия и немедленным исполнением всех законных постановлений и требований»[1].

В указанный период юридическое оформление получила контрольная деятельность первых благотворительных обществ, в связи с учреждением в 1819 г. их уставов (Общество Попечительное о тюрьмах, Санкт-Петербургские мужской и дамский попечительные о тюрьмах комитеты). Позднее, в 1851 г., Устав Общества Попечительного о тюрьмах расширил полномочия его губернских комитетов.

В организации контроля в сфере исполнения уголовных наказаний отсутствовал принцип единоначалия, что подтверждается существенным объемом нормативных актов, принятых государственными органами разного уровня власти, часто носивших дублирующий характер, а сам контроль отличался многообразием субъектного состава.

Второй этап характеризуется проведением масштабных буржуазных реформ, которые укрепили аппарат самодержавной власти. Их опыт активно исследовался в отечественной юридической науке[2]. Подобный научный интерес во многом объясняется тем, что реформы отражают диалектическую конвергенцию переустройства и стабильности, права и политики, выступают ключевым инструментом управления развитием общества.

полиции», «Положение о земской почте». См. подробнее: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 12, № 10303–10307.

[1] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 14. Д. 44. Л. 19 об.

[2] Напр.: *Андреева И. А.* Реформирование как вид социальных изменений // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3(59) ; *Дорская А. А.* О методологии изучения российских правовых реформ // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2015. № 1(17) ; *Петров К. В.* Понятия «правовая реформа» и «реформа» в юридической науке // Государство и право. 2020. № 4 ; *Головкин Р. Б., Трофимова Н. Н.* Понятие «юридическая реформа» // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1(30).

Одним из основных значений государственных реформ периода второй половины XIX – начала XX в. было совершенствование органов центрального и отраслевого управления.

Отмена крепостного права как следствие крестьянской реформы 1861 г. усилила роль Министерства внутренних дел. Административно-хозяйственные функции Министерства минимизировались, и на первый план вышло исполнение административно-полицейских полномочий, в результате чего основная нагрузка легла на Департамент общественных дел и Департамент полиции исполнительной, который, собственно, выполнял контрольную функцию в пенитенциарной сфере.

Военное ведомство также претерпело существенные преобразования в ходе решения крестьянского вопроса, связанные с изменением центрального управленческого аппарата Военного министерства, а именно с учреждением в 1865 г. в его составе Главного штаба как органа управления войсками, наделенного в том числе и функцией по контролю за исполнением наказаний в отношении военнослужащих. В 1868 г. был принят Воинский устав о наказаниях[1]. В 1869 г. вступил в силу Свод военных постановлений[2], уточнивший компетенцию и структуру Военного министерства и закрепивший перечень военно-тюремных заведений.

В 1865 г. Главное управление путей сообщения и публичных зданий было упразднено в связи с появлением Министерства путей сообщения, впоследствии осуществлявшего контроль за деятельностью арестантских рот гражданского ведомства.

В результате проведения судебной реформы 1864 г. обретает правовую регламентацию судебный контроль в сфере исполнения уголовных наказаний, а также актуализируется прокурорский надзор.

Буржуазные преобразования внесли изменения в организацию управления на местах. В 1866 г. губернаторы были наделены полномочиями по осуществлению

---

[1] Воинский устав о наказаниях (С[вод] в[оен.] п[остановлений] 1869 г., кн. 22, изд. 3-е 1900 г.) и Устав дисциплинарный (С. В. П. 1869 г., кн. 23, изд. 3-е 1900 г.) со всеми изменениями по 15-е мая 1906 года / сост. П. Заустинский. Санкт-Петербург, 1906.

[2] Свод военных постановлений 1869 года. Санкт-Петербург, 1869–1911. Ч. 1 : Военные управления. Кн. 1, 2 : По 1 янв. 1893 г. 1893 ; Ч. 4 : Военные заведения. Т. 2, кн. 15–17. 1870.

ревизии всех учреждений губернии, включая места заключения, независимо от их ведомственной принадлежности.

Важно отметить, что именно в рамках проведения Великих буржуазных реформ второй половины XIX в. проходили преобразования, получившие в современной исторической и историко-правовой науках название «тюремная реформа». Установившийся еще на первом этапе принцип многоначалия тормозил развитие тюремного дела сложной организацией органов управления местами заключения. По мнению директора Санкт-Петербургского комитета Общества Попечительного о тюрьмах П. А. Кашкарова, отсутствие единоначалия и так называемая множественная подведомственность приносили значительные финансовые потери по причине лишних расходов на необоснованно большую штатную численность, а также оказывали негативное влияние на межведомственное взаимодействие и порождали антагонизм между властями[1]. Именно отсутствие централизации управления процессом исполнения уголовных наказаний предопределило во многом проведение тюремной реформы, а также актуализировало создание общего порядка управления и контроля в пенитенциарной сфере.

Подготовка к поведению тюремной реформы проходила в период с 1862 г. по 1877 г. и была связана с деятельностью пяти правительственных комиссий по разработке преобразований в указанной сфере (комиссии графа К. И. Палена[2], комиссии князя А. Б. Лобанова-Ростовского, комиссии В. А. Соллогуба[3], особого комитета П. А. Зубова, комиссии К. К. Грота[4]). По свидетельству исторических источников, именно в результате деятельности последней комиссии были достигнуты значительные результаты по созданию единой централизованной тюремной си-

---

[1] Общая разработка вопроса о необходимости коренного тюремного преобразования в России / сост. П. А. Кашкаров. Санкт-Петербург, 1883. С. 10, 11.

[2] Комиссия графа К. И. Палена от 1862 года // ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 294. Л. 20–21.

[3] Комиссия графа В. А. Соллогуба от 1872 года // История и современное состояние карательных учреждений за границей и в России / под ред. В. А. Соллогуба. Санкт-Петербург, 1872.

[4] Подробнее об этом см.: Материалы Комиссии под председательством статс-секретаря Грота о преобразовании тюремной части и о пересмотре 2-й главы I раздела Уложения о наказаниях. Санкт-Петербург, 1879 ; Комиссия К. К. Грота от 1877 года // ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 294. Л. 20, 27.

стемы в Российской империи посредством создания ГТУ в структуре Министерства внутренних дел – самостоятельного органа центрального тюремного управления и принятия Закона от 11 декабря 1879 г.[1], который положил начало разработке Уголовного уложения 1903 г.[2].

Таким образом, в ходе данного этапа была проведена большая работа по совершенствованию деятельности органов отраслевого управления, а также системы управления в сфере исполнения уголовных наказаний посредством ее централизации, что позволило сосредоточить больший объем контрольных полномочий в одном управляющем органе и тем самым усилить ведомственный контроль в исследуемой сфере.

Третий этап связан с повышением эффективности организации и деятельности государственного аппарата Российской империи в условиях контрреформ и последующего кризиса, вызванного свержением самодержавия и установления власти Временного правительства.

После реализации буржуазных преобразований деятельность пореформенных органов власти характеризовалась некоторым ослаблением бюрократического централизма, а также делегированием местным органам управления исполнительных и части распорядительных полномочий. При этом за центральным аппаратом власти сохранялись общее руководство и надзор.

Следует отметить, что период с февраля 1879 г. по март 1917 г. характеризуется ростом революционных движений. В связи с проведенными руководством империи карательными мероприятиями в отношении революционных деятелей возникла необходимость создания крупных тюрем, так называемых централов, состоявших в ведении ГТУ. Интенсивный характер революционных выступлений способствовал усилению роли каторги в районах Сибири и о. Сахалин, в этой связи

---

[1] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 11 декабря 1879 года «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 54, № 60268.

[2]Тюремное преобразование / Особ. комис. для разраб. мероприятий, вызываемых изд. нов. уголов. уложения ; Отд. тюрем. вопр. Санкт-Петербург, 1905. Т. 1 : Исправительный дом, заключение в крепости и тюрьма. С. 11, 12.

возникла необходимость активизации деятельности местных органов управления в вопросе осуществления контроля за исполнением данного вида наказания.

После упразднения Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии места заключения для политических преступников перешли в ведение Министерства внутренних дел, что привело к расширению его полномочий в сфере контроля за исполнением уголовных наказаний.

Законодательно была определена вертикаль управления данными местами заключения: общеимперское руководство осуществлял министр внутренних дел через организационные структуры ГТУ. Он являлся главным руководителем пенитенциарной системы того времени. На местном же уровне заведование местами заключения осуществлял губернатор[1].

В рассматриваемый период в ведении ГТУ и его органов на местном уровне состояли как общеуголовные, так и политические места заключения. Как отмечают исследователи, к концу данного периода в ведении ГТУ было сосредоточено 895 тюрем[2]. На фоне преобладания среди мест заключения губернских и уездных тюрем существенно выросла роль местного управления в реализации контрольных полномочий в отношении их функционирования. С целью заведования пенитенциарными учреждениями в губерниях в 1890 г. были учреждены должности тюремных инспекторов, состоявших при тюремных инспекциях губерний. Последние имели двойное подчинение: с одной стороны – губернатору, с другой – начальнику ГТУ.

В связи с реорганизацией собственного центрального управления в 1895 г. система исполнения уголовных наказаний сменила ведомственную принадлежность и была отнесена к ведению Министерства юстиции. В современной исто-

---

[1]Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 15 июня 1887 г. «Об устройстве управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 7, № 4593.

[2] *Пертли Л. Ф.* Тюремная политика Российской империи (1879–1917 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 9(196). С. 29.

рико-правовой науке подобное преобразование во многом связывают «с приближением исполнения наказания к судебному ведомству»[1].

Кроме того, в рамках рассматриваемого этапа произошло делегирование государством части полномочий по реализации тюремно-хозяйственных и воспитательной функций в исследуемой сфере созданным под влиянием международных пенитенциарных конгрессов благотворительным обществам (Обществу исправительно-воспитательных земледельческих колоний и ремесленных приютов, Обществу покровительства лицам, освободившимся из мест заключения (патроната), Обществу попечения о семьях ссыльно-каторжных, наблюдательным комиссиям). Тем самым отмечалось усиление контроля общественности в сфере исполнения уголовных наказаний.

Таким образом, контрольные полномочия в сфере исполнения уголовных наказаний постепенно сосредоточивались в одном ведомстве (ГТУ при Министерстве внутренних дел / Министерстве юстиции) с делегированием их части местному губернскому управлению и благотворительным обществам.

В заключение параграфа сформулируем следующие выводы:

1. Современные доктринальные подходы к пониманию сущности контроля позволяют говорить о многозначности данного понятия в юриспруденции и в других отраслях научного знания, а также свидетельствуют о его эволюционировании как сложного, многокомпонентного явления, обозначавшего форму юридической деятельности, функцию государства и гарантию законности.

2. Понятие контроля применительно к проблематике диссертационного исследования в действовавшем законодательстве и материалах пенитенциарной практики Российской империи заявленного периода не было закреплено, а его объем соответствовал нормативно закрепленным обязанностям государственных учреждений и благотворительных обществ по осуществлению наблюдения, надзора, заведования, ревизии, попечения и патроната.

3. Контроль как самостоятельный институт не был обособлен, а существовал

---

[1] *Печников А. П.* Указ. соч. С. 20.

в качестве одной из функций широкого круга субъектов (государственных учреждений и благотворительных обществ).

4. Становление организационных и правовых основ контроля в сфере исполнения уголовных наказаний осуществлялось на фоне реформирования общегосударственного отраслевого управления в целом и пенитенциарной системы, в частности. Данные процессы естественно отражали социальные запросы того времени, а также соответствовали политической и экономической ситуации.

5. Организация контрольной деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний была основана на принципе усиления централизованной власти и включала в себя следующую трехуровневую иерархию: первый уровень – министерский (в зависимости от исторического периода: Министерство внутренних дел (до 1895 г.), Министерство юстиции (после 1895 г.), второй уровень – ГТУ, третий – местный (губернатор, органы ему подчиненные, а также тюремные инспекции губерний, образованные в 1890 г.).

1.2 Эволюция норм о контроле в сфере исполнения уголовных наказаний в законодательстве Российской империи

В контексте исследуемого вопроса необходимо отметить, что пенитенциарная (тюремная) политика Российской империи являлась достаточно весомой частью политики уголовной и развивалась в тесной взаимосвязи с общегосударственными преобразованиями того времени[1]. Действительно, на протяжении всего своего многовекового существования система исполнения уголовных наказаний эволюционировала в унисон с политическими изменениями всей отечественной общественно-государственной структуры. Мы видим, что нормотворческая деятельность, в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний была значительно активизирована в период реформ XIX века, вместе с общественно-экономическими и

[1] *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 1. 1762-1825 гг.: Изд. 2. доп. и перераб. – Москва : Государственное издательство юридической литературы. 1951. С. 7.

политическими отношениями дополнительной регуляции и унификации подвергались и пенитенциарные. Однако, законодательство, призванное регламентировать процедуры лишения свободы, зачастую носило неструктурированный характер и требовало значительной систематизации[1].

Становление норм о контроле в сфере исполнения уголовных наказаний не было стихийным, оно происходило постепенно. Можно проследить взаимосвязь формирования нормативно-правовой базы с ключевыми этапами реализации государственной политики империи. Исходя из этого, классифицируем законодательство, содержавшее нормы о контроле в рассматриваемой сфере, в следующие группы по хронологическому принципу и с учетом проведения государственно-правовых реформ:

1) законодательство, принятое в период реформы государственного управления и становления системы министерств (сентябрь 1802 г. – февраль 1861 г.);

2) законодательство периода буржуазных преобразований, в том числе проведения тюремной реформы (февраль 1861 г. – февраль 1879 г.);

3) законодательство периода контрреформ, последующего кризиса и падения самодержавия (февраль 1879 г. – март 1917 г.).

Законодательство, принятое в период реформы государственного управления и становления системы министерств, включало:

1) нормативные правовые акты, регламентировавшие образование и правовой статус государственных учреждений и благотворительных обществ, в том числе документы, определявшие объем контрольных полномочий в исследуемой сфере;

2) акты, изданные министерствами и их департаментами в целях реализации собственной контрольной функции, в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний.

К первой группе относятся учредительные акты высших органов государственной власти и центрального отраслевого управления, Общества Попечительного о тюрьмах, Тобольского приказа о ссыльных, экспедиций о ссыльных, органов

[1] *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 2. 1825–1870 / М. Н. Гернет. – Москва : Юрид. изд-во М-тва юстиции СССР, 1946. С. 36.

местного управления, а также акты, содержавшие нормы о полномочиях отдельных учреждений и должностных лиц в сфере исполнения уголовных наказаний.

Ключевыми нормативными правовыми актами реформы государственного аппарата являются Указ Императора Александра I от 8 сентября 1802 г. «О правах и обязанностях Сената»[1], Манифест от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств» и Манифест от 25 июня 1811 г. «Об общем учреждении министерств».

Первый из указанных актов наделил Сенат статусом «верховного места Империи, имевшего себе подчиненными все присутственные места… он как хранитель законов печется о повсеместном наблюдении правосудия…»[2], а названные манифесты определили правовой статус Министерства полиции[3], Министерства внутренних дел (далее: МВД), Главного управления путей сообщения и публичных зданий (с 1865 г. – Министерства путей сообщения), Военного и Морского министерств, а также Министерства юстиции (далее: МЮ) как органов центрального отраслевого управления, наделенных широкими контрольными полномочиями, в том числе в рамках функционирования пенитенциарной системы.

В 1819 г. были приняты Правила для Попечительного Общества о тюрьмах[4], которые определили правовой статус, структуру, цели, задачи, в том числе обязанности, данного благотворительного общества по контролю за местами заключения. Позднее был учрежден его Устав[5]. Большой объем нормативных актов был принят по вопросу образования на территории империи попечительных о тюрьмах комитетов и отделений[6]. Позднее издание Указа Императора Александра II от 26 августа

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 27, № 20405.

[2] Там же. № 20405.

[3] Министерство полиции просуществовало до 1819 г. и было ликвидировано в связи с присоединением его к Министерству внутренних дел.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 36, № 27895.

[5] Устав Общества Попечительного о тюрьмах от 7 ноября 1851 г. // Там же. Собрание 2. Т. 26, № 25725.

[6] Напр.: Доклад Председателя Комитета Общества Попечительного о тюрьмах «Об учреждении в Калуге Комитета Общества Попечительного о тюрьмах» от 5 апреля 1826 г. // Там же. Т. 1, № 234 ; Доклад Председателя Комитета Общества Попечительного о тюрьмах «Об учреждении в городе Перми Тюремного комитета» // Там же, № 246 ; Положение Сибирского комитета от 25 декабря 1862 г. «Об учреждении в городе Омске женского тюремного отделения» // Там же. Т. 37, № 39096 ; Положение Комитета Министров «Об учреждении в г. Серпухов, Московской губернии женского попечительного о тюрьмах отделения» // Там же. Т. 38, № 39379 ; Положение

1855 г. «О причислении к Министерству внутренних дел Общества Попечительного о тюрьмах и существующего при нем комитета о разборе нищих»[1] расширило полномочия попечительных о тюрьмах комитетов в сфере контроля за местами заключения гражданского ведомства.

В связи с прогрессивным ростом численности ссыльно-каторжного населения в начале XIX в.[2] и активным применением такого вида уголовного наказания, как ссылка, назрела необходимость контроля за его исполнением. Деятельность по контролю за ссылкой первоначально регламентировалась различными правительственными актами, часто носившими разрозненный, случайный характер[3]. В целях упорядочения управления ссылкой был издан Устав о ссыльных[4] от 22 июля 1822 г. В качестве отдельной главы в него вошел Устав об этапах. Данный документ легально учредил деятельность Тобольского приказа о ссыльных и подчиненных ему экспедиций, а также определил ряд контрольных полномочий со стороны губернского правления. Позднее вступили в силу Указ Сената от 31 августа 1824 г. «О непременном доставлении Губернскими правлениями годовых счетов о ссыльных в Тобольский Приказ, в назначенное время»[5], Указ Сената от 11 июня 1842 г. «О доставлении в Тобольский Приказ о ссыльных особых извещений о преступниках, приговоренных на каторгу, и о лицах, ссылаемых на поселение»[6], Указ Сената от

Кавказского комитета от 23 апреля 1865 г. «Об учреждении Кавказского Общества Попечительного о тюрьмах» // Там же. Т. 40, № 42034 и др.

[1] Там же. Т. 30, № 29614.

[2] Во времена Александра I в период с 1807 по 1823 г. количество сосланных в Сибирь достигло 45 476 чел. (в среднем 2 675 чел. в год). В дальнейшем применение этого вида наказания все больше распространялось, и общее число сосланных с 1807 по 1898 г. составило 864 823 чел. (Органы и войска МВД России : крат. ист. очерк / под общ. ред. В. Ф. Некрасова. Москва, 1996. С. 70).

[3] Напр.: Указ Сената от 29 сентября 1802 г. «О наблюдении со стороны губернаторов и губернских правлений должного попечения при пересылке осужденных на поселение, чтобы они не претерпевали в продовольствии недостатка» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 27, № 20437 ; Указ Сената от 26 марта 1800 г. «О предписании всем Губернским правлениям, дабы они ежемесячно рапортовали Сенату о назначенных на поселение в Сибирь отставных солдатах, преступниках и помещичьих людях» // Там же. Т. 26, № 19342 ; Указ Сената от 6 июня 1804 г. «О доставлении в Сенат ведомостей об отправляемых на поселение преступниках не помесячно, а в то время, когда оные будут из какой губернии посылаемые» // Там же. Т. 28. № 21333.

[4] Там же. Т. 38, № 29128.

[5] Там же. Т. 39, № 30044.

[6] Там же. Собрание 2. Т. 17, № 15739.

28 августа 1847 г. «О своевременном доставлении Тобольскому приказу о ссыльных сведений о лицах, ссылаемых в Сибирь»[1]. На формальное исполнение контрольных полномочий в процессе исполнения наказания в виде ссылки указывает минимальный объем текста данных указов (до одной страницы), а также размытый характер требований, в них излагаемых.

В первой четверти XIX в. Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, созданное по Указу Императора Николая I от 3 июля 1826 г. «О присоединении Особенной Канцелярии Министерства внутренних дел к Собственной Его Императорского Величества Канцелярии», получило право на «заведование наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в кои заключены государственные преступники»[2]. Деятельность этого Отделения осуществлялась параллельно с МВД, что приводило к дублированию некоторых их функций относительно управления государственными делами, в том числе и контроля в пенитенциарной сфере.

Во время преобразования государственного управления получила оформление правовая основа контроля исполнения наказаний в отношении военнослужащих. Так, 21 августа 1818 г. императором было утверждено Положение о военно-рабочих ротах для инженерного корпуса, находившихся в введении инженерных окружных командиров, «которые и суть частные их инспекторы»[3]; 23 февраля 1823 г. был издан Указ, регламентировавший порядок отправления в Сибирскую губернию преступного контингента вместо отдачи таких лиц на службу, согласно которому «преступников и бродяг, коим назначалась отдача в военную службу, отсылались в порты, в горные и соляные заведения, на работу в ведение Главного управления путей сообщения, Военного министерства и Морского»[4]; 26 сентября

[1] Там же. Т. 22, № 21496.

[2] Там же. Т. 1, № 449.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 35, № 27491.

[4] Именной указ, данный Сенату, от 23 февраля 1823 г. «Об отсылке в Сибирь на поселение бродяг и преступников, вместо отдачи их в военную службу и в крепостные работы» // Там же. Т. 38, № 29328.

1826 г. вступило в силу Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты[1], состоявшие под контролем крепостного коменданта (в дополнение к этому акту 29 сентября 1826 г. Сенат издает Указ «Об отсылке содержавшихся по 22 августа 1826 г. арестантов, не имеющих права на прощение, в крепостные арестанты»[2]); 31 декабря 1826 г. утвержден штат одной арестантской роты, в примечаниях к которому отмечалось, что «арестантские роты состоят в полной зависимости крепостного коменданта, находясь под управлением плац-майора»[3]; 11 октября 1827 г. получило юридическую силу Положение «Об издержках и сумме на содержание арестантских рот, формируемых из содержимых в городских тюрьмах арестантов»[4], утвердившее создание в каждом городе губерний арестантских рот гражданского ведомства, состоявших под руководством Главного управления путей сообщения и публичных зданий; 5 февраля 1830 г. принято Высочайше утвержденное Положение о сформировании морских арестантских рот Балтийского флота[5], состоявших в ведении капитанов портов. Позднее были учреждены арестантские роты Черноморского флота приказом начальника Главного морского штаба от 2 декабря 1831 г.[6] Высочайше утвержденными 15 мая 1831 г. Правилами об управлении военно-рабочею и арестантскими ротами относительно производства работ данные места заключения формировались в столице и Московской губернии и состояли в ведении Московского военного генерал-губернатора и инспекторского департамента Военного министерства[7].

В 1831 г. изменился субъектный состав контроля за функционированием арестантских рот Балтийского и Черноморского флотов, о чем свидетельствуют приказы начальника Главного морского штаба от 19 августа 1831 г. «О подчинении

---

[1] Там же. Собрание 2. Т. 1, № 598.
[2] Там же. Т. 1, № 602.
[3] Там же. Т. 1, № 792.
[4] Там же. Т. 2, № 1455.
[5] Там же. Т. 5, № 3468.
[6] Приказ начальника Главного Морского штаба от 2 декабря 1831 г. «Об учреждении в черноморских портах вместо арестантских батальонов арестантских рот» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 6, № 4979.
[7] Там же. № 4574.

рабочих экипажей и арестантских рот флота генерал-интенданту»[1] и от 18 ноября 1831 г. «О подчинении рабочих экипажей и арестантских батальонов Черноморского флота обер-интенданту того флота»[2]. Десятого мая 1833 г. были учреждены «Правила на счет производства инспекторских смотров ластовым и рабочим экипажам Черноморского флота»[3]. С 1830 г. повсеместно стали функционировать арестантские роты гражданского ведомства. В положениях данных мест заключения[4] указывалось, что управление ими осуществляют совместно начальники соответствующих губерний и Инспекторский департамент Военного министерства. Двадцать шестого апреля 1841 г. издан Указ Сената «О предоставлении военным и гражданским губернаторам утверждать ротных командиров арестантских рот гражданского ведомства»[5]; 10 марта 1845 г. Сенат издал Указ «О подчинении арестантских рот гражданского ведомства ведению Главного управления путей сообщения и публичных зданий»[6], а 15 августа 1845 г. утвердил Положение об исправительных арестантских ротах гражданского ведомства. Указанные нормативные акты изменили управленческую принадлежность данных мест заключения. Заведование ротами предписывалось осуществлять Главному управлению путей сообщения и публичных зданий. Непосредственно же ими управляли начальники губерний и строительные комиссии (комитеты)[7]. Субъектный состав контроля за исполнением уголовных наказаний арестантскими ротами гражданского ведомства дополнился

[1] Там же. № 4763.

[2] Там же. № 4951.

[3] Там же. Т. 8, № 6196.

[4] Напр.: Положение о Казанской арестантской роте гражданского ведомства от 10 июля 1837 г. // Там же. Т. 12, № 10438 ; Положения об арестантских ротах гражданского ведомства: Саратовской, Ярославской и Владимирской // Там же. Т. 13, № 11046, № 11779, № 11882 ; Положение о Курской арестантской роте гражданского ведомства // Там же. Т. 14, № 11997 ; Положения об арестантских ротах гражданского ведомства: Пензенской, Рязанской, Пермской // Там же. № 12426–12428.

[5] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 15, № 14492.

[6] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 20, № 18819.

[7] Там же. Т. 19, № 19285.

новыми органами вследствие Высочайшего утверждения 28 апреля 1849 г. Положения о губернских строительных и дорожных комиссиях[1]. Двадцать второго января 1850 г. был издан приказ Главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями «О представлении Его Величеству ведомостей об арестантах арестантских рот гражданского ведомства, к каким работам они употребляются»[2]. Положение об управлении арестантскими ротами морского ведомства, принятое 16 июля 1851 г., определило структуру органов управления данными местами заключения[3]. На рубеже 1856–1857 гг. произошло постепенное упразднение морских арестантских рот Балтийского и Черноморского флотов с последующим переименованием их в арестантские роты военно-сухопутного и гражданского ведомства, что послужило изменению их ведомственной подчиненности[4].

Период с 1825 г. до середины 50-х гг. XIX в. был ознаменован масштабными преобразованиями армии и флота. Именно в это время формируется основной массив нормативных актов, регламентировавших вопросы контроля исполнения наказаний в отношении военнослужащих.

В 1832 г. был издан Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей (далее: Свод)[5], который определил круг субъектов контроля (МВД и МЮ, губернское начальство, прокуроры, стряпчие, Общество Попечительное о тюрьмах с комитетами и отделениями, прочие органы государственной власти), однако их полномочия не закреплял. В результате последующих изменений в Свода были включены Устав Общества Попечительного о тюрьмах и Положение об арестантских ротах, которое позволило дополнить перечень субъектов контроля Военным министерством, Главным управлением путей сообщения и публичных зданий, Морским министерством.

---

[1] Там же. Т. 24, № 23213.

[2] Там же. Т. 25, № 23859.

[3] Там же. Т. 26, № 25411.

[4] Об упразднении морских арестантских рот Балтийского ведомства : Им. Указ, объявл. Сенату Упр. Мор. м-вом от 15 сент. 1856 г. // Там же. Т. 31, № 30960 ; О передаче арестантских рот Черноморского ведомства в военно-сухопутное и гражданское ведомства : Им. Указ, объявл. Сенату Упр. Мор. м-вом от 31 июля 1857 г. // Там же. Т. 32, № 32127.

[5] Свод законов Российской империи. Кн. 5. Т. 14.

Отдельную группу составляют акты, регламентировавшие контроль МВД в сфере исполнения уголовных наказаний. В качестве примера можно привести указы Сената от 24 июля 1856 г. «О возложении на Товарища Министра внутренних дел ближайшего наблюдения за течением арестантских дел и за исполнением Высочайшего повеления о немедленном их окончании»[1], от 7 октября 1829 г. «О предоставлении в МВД сведений о тех подаяниях, которые завещаны будут в пользу тюрем и арестантов»[2], положения Комитета министров от 5 марта 1835 г. «О предоставлении МВД утверждать табель о деньгах на прокормление арестантов»[3], от 3 декабря 1848 г. «Об учреждении при Департаменте полиции исполнительной временного отделения для наблюдения за течением арестантских дел»[4].

Объемный массив нормативных правовых актов регулировал контрольную деятельность органов власти на местах (губернатор, губернское правление, прокуроры губернии, стряпчие, жандармерия и полицмейстеры). Эти документы можно объединить в следующие группы в зависимости от субъектов, реализовывавших контрольную функцию:

1) *касающиеся полномочий губернатора и губернского правления:* Указ Императора Александра I от 28 августа 1803 г. «Извлечение главнейших предметов из Высочайшей Инструкции, Саратовскому Гражданскому Губернатору данной»[5]; Общий Наказ Гражданским губернаторам, наделивший их широкими полномочиями по управлению вверенными губерниями; положения Комитета Министров от 18 января 1827 г. «О кормовых деньгах для арестантов и других издержках, на них употребляемых»[6], от 27 апреля 1826 г. «Об ускорении разрешения всех дел, а иначе таковых, по коим есть арестанты»[7]; Учреждение для управления Закавказским краем[8] от 10 апреля 1840 г., Учреждение Губернских правлений от 2 января

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 31, № 30760.
[2] Там же. Т. 4, № 3217.
[3] Там же. Т. 10, №7923.
[4] Там же. Т. 23, № 22785.
[5] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 27, № 20918.
[6] Там же. Собрание 2. Т. 2, № 824.
[7] Там же. Т. 1, № 281.
[8] Там же. Т.15, № 13368.

1845 г.[1], указы Сената от 21 сентября 1800 г. «О доставлении ведомостей о преступниках в Сенат из губерний по прошествии каждой трети года, по приложенной форме»[2], 28 февраля 1827 г. «Об обращении губернскому начальству особого внимания на участь людей, содержащихся под стражею»[3];

2) *определившие компетенцию прокуроров губерний и стряпчих:* указы Сената от 15 декабря 1802 г. «О доставлении губернским прокурорам ведомостей из присутственных мест о делах»[4], от 15 января 1810 г. «О беспрепятственном допущении губернских прокуроров к осмотру содержащихся в рабочих и смирительных домах разного звания людей»[5], от 5 июля 1837 г. «Об обязанности губернских прокуроров и уездных стряпчих доносить ежемесячно Государю Императору в собственные руки о содержащихся арестантах»[6], от 31 декабря 1827 г. «О порядке, коим содержащиеся под стражей могут высылать в присутственные места прошения по собственным делам»[7], 9 ноября 1828 г. «О дозволении губернским прокурорам просьбы и жалобы от содержащихся подсудимых вносить в Сенат при рапортах, а в присутственные места и к начальствующим лицам при отношениях»[8], от 13 сентября 1838 г. «Об арестантах, подлежащих надзору губернских прокуроров»[9], именной указ Статс-секретаря Танеева от 13 марта 1844 г. «О порядке предоставления Государю Императору от губернских прокуроров и уездных стряпчих донесений об арестантах»[10], Положение Комитета министров от 27 апреля 1826 г. «Об ускорении разрешения всех дел, а иначе таковых, по коим есть арестанты»[11];

3) *относящиеся к полномочиям полиции и жандармов*: Указ Сената от 19 сентября 1839 г. «О разрешении губернским штаб-офицерам Корпуса жандармов иметь

---

[1] Там же. Т. 20, № 18580.
[2] Там же. Собрание 1. Т. 26, № 19564.
[3] Там же. Собрание 2. Т. 2, № 932.
[4] Там же. Собрание 1. Т. 27, № 20553.
[5] Там же. Т. 31, № 24086.
[6] Там же. Собрание 2. Т. 12, № 10417.
[7] Там же. Т. 2, № 1671.
[8] Там же. Т. 3, № 2421.
[9] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 13, № 11535.
[10] Там же. Т. 19, № 13257а.
[11] Там же. Т. 1, № 281.

беспрепятственно вход в тюремные заведения»[1], Положение от 1 апреля 1838 г. «О порядке производства исполнительных дел полиции Санкт-Петербурга»[2].

Акты, изданные министерствами и их департаментами, преимущественно включали в себя указы министров и циркулярные предписания.

Так, акты МВД в основном содержали указания для губернских органов управления, в частности эти указания содержали требования к предоставлению отчетности (например, указы министра внутренних дел от 8 июля 1831 г. «О формах всеподданнейших рапортов гражданских губернаторов по ежегодному обозрению губерний»[3], от 30 апреля 1828 г. «О предоставлении гражданскими губернаторами в Министерство внутренних дел ежегодных отчетов о всех действиях по управлению губернией»[4]), а также требования по инспектированию вверенных губерний (например, указ министра внутренних дел от 18 октября 1827 г. «Об обязанности гражданских губернаторов объезжать ежегодно … губернии»)[5].

Нормативные предписания для прокурорского корпуса издавались МЮ (например, указ от 17 ноября 1827 г. «О соображении приговора над подсудимыми с высочайшими решениями в отметках на ведомостях от губернских прокуроров Его Величеству представленных о содержимых арестантах»)[6].

В отдельную группу следует выделить акты, регламентировавшие контроль за местами заключения военного ведомства., а именно: указ Военной коллегии 1803 г. «О строжайшем наблюдении за караулами, коим вверяется смотрение за невольниками»[7], приказ начальника Главного штаба от 23 февраля 1824 г. «Об осмотре военных арестантов в острогах Корпусным и Дивизионным командирами и Начальниками Главных Штабов»[8], приказ управляющего Главным штабом от 19

---

[1] Там же. Т. 14, № 12706.
[2] Там же. Т. 13, № 11109, § 5, 34, 218.
[3] Там же. Т. 6, № 4689.
[4] Там же. Т. 3, № 2007.
[5] Там же. Т. 2, № 1479.
[6] Там же. Т. 2, № 1542.
[7] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 27, № 21110.
[8] Там же. Т. 39, № 29807.

января 1830 г. «О наблюдении правил, относящихся до присмотра за арестантами»[1], указ Военного министра от 6 ноября 1835 г. «О впуске в городские тюремные замки и остроги местного начальства Корпуса Внутренней Стражи»[2].

Значимая роль в правовой регламентации контроля принадлежала циркулярным предписаниям. Они конкретизировали общеимперское законодательство, в них содержались указания на способы и порядок применения законов на практике. Однако основная масса циркуляров была издана и систематизирована в сборниках[3] в период проведения буржуазных реформ и тюремной реформы. В рамках же первого периода (сентябрь 1802 г. – февраль 1861 г.) количество циркуляров, регулировавших контрольную деятельность, было ограничено. Преимущественно это были акты Департамента полиции исполнительной (далее: ДПИ), циркуляры Инспекторского департамента Морского и Военного министерств. В качестве примера приведем следующие циркулярные распоряжения: циркуляры ДПИ от 5 ноября 1859 г. №197 «Об особом надзоре за всеми местами заключения и содержащимися арестантами», от 17 октября 1855 г. №221 об обязанности постоянного надзора за тюрьмами Вице-Губернаторов, циркуляр Инспекторского департамента Военного министерства от 30 апреля 1817 г., в котором предписывалось «из каких губерний в какие крепости должны быть присылаемы разного звания люди»[4], циркуляр Инспекторского департамента Морского министерства от 17декабря 1856 г. №314 об облегчении участи арестантов морских рот, участвовавших в защите Севастополя[5].

---

[1] Там же. Собрание 2. Т. 5, № 3431.

[2] Там же. Т. 10, № 8549.

[3] Напр.: Сборник циркуляров по тюремной части. Санкт-Петербург, 1883 ; Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел с 1859 по 1879 г. Санкт-Петербург, 1880 ; *Соловьев Н. Н.* Сборник узаконений, циркулярных распоряжений и разъяснений по тюремно-арестантской и арестантско-пересыльной части, относящихся к ведению полиции. Орел, 1911 ; *Лопато Т. М.* Законы и правительственные распоряжения по тюремной части : справ. кн. для тюрем. инспекторов, тюрем. ком. и отд-ний, начальников тюрем, зем. управ, попечителей, зем. арест. домов и др. должност. лиц губерн., уезд. и непосредственно управляющих местами заключения. Полтава, 1898 ; Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. В. Н. Коковцов, С. В. Рухлов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Санкт-Петербург, 1894.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 4, № 2765.

[5] Морской сборник. Т. 27, № 2. С. 7.

Анализ законодательства, принятого в указанный выше период реформы органов государственного управления, подтвердил тот факт, что формирование норм о контроле в сфере исполнения уголовных наказаний проходило параллельно нормативному оформлению правового статуса государственных учреждений и благотворительных обществ, реализовывавших в том числе контрольную функцию. И поскольку система исполнения уголовных наказаний еще не обрела централизации, нормы о контроле содержались в общеимперском законодательстве, преимущественно издаваемом высшими органами власти.

Как было отмечено выше, существенный объем нормативных правовых актов, принятых различными государственными органами и часто носивших дублирующий и случайный характер, подчеркнул отсутствие принципа единоначалия в организации контроля в исследуемой сфере.

С положительной стороны следует оценить тот факт, что представленная законодательная база отразила организационную основу контроля, характеризующуюся многообразием субъектного состава, основной единицей которого выступили местные органы власти. Именно в их руках сосредоточились основные контрольные полномочия относительно исполнения уголовных наказаний.

Законодательство периода буржуазных преобразований, в том числе проведения тюремной реформы (февраль 1861 г. – февраль 1879 г.) свидетельствует о постепенном расширении предметов ведения министерств параллельно с сужением полномочий местных органов управления. Отмечается тенденция увеличения контрольных полномочий у МВД.

В связи со вступлением в силу 12 декабря 1863 г. Указа Сената «О передаче арестантских рот гражданского ведомства в заведование местных губернских правлений»[1] под руководство МВД переходят арестантские роты гражданского ведомства, причем непосредственное управление ими предписывалось осуществлять местным губернским правлениям. Позднее во исполнение данного указа было утверждено 28 февраля 1864 г. Положение Комитета министров «О Временных

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 38, №40369.

правилах для управления арестантскими ротами гражданского ведомства»[1], а также собственно Правила, впредь до преобразования сих рот от 16 декабря 1864 г.[2] Тридцать первого марта 1870 г. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета арестантские роты гражданского ведомства были переименованы в исправительные отделения[3], но продолжали состоять под контролем МВД.

В ходе тюремной реформы посредством учреждения Главного тюремного управления[4] была расширена структура МВД. Данное решение Государственного совета, состоявшееся 27 февраля 1879 г., законодательно оформило создание централизованного механизма ведомственного контроля за исполнением уголовных наказаний. Такая реорганизация положила начало централизации управления пенитенциарной системой.

В 1869 г. в процессе военной реформы был введен в действие Свод военных постановлений, уточнивший компетенцию и структуру Военного министерства, в том числе в вопросах контроля в сфере исполнения уголовных наказаний. Полномочия Военного министерства дополнились контролем за исполнением ссылки, что было связано с учреждением Главного инспектора по пересылке арестантов[5], а также третьего инспектора по пересылке арестантов[6], инспектора пересылки арестантов в Восточной Сибири[7].

Итоги преобразований судебной системы в контексте ее реформирования оказали влияние на статус суда и прокуратуры. С момента реализации судебной

---

[1] Там же. Т. 39, № 40643.

[2] Там же. № 41590.

[3] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 31 марта 1870 г. «О переименовании арестантских рот гражданского ведомства в исправительные отделения и о введении в них гражданского управления и вольнонаемного надзора» // Там же. Т. 45, № 48206.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 54, № 59360.

[5] Положение Комитета министров от 27 января 1867 г. «Об учреждении на время должности Главного инспектора по пересылке арестантов» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 42, № 44178.

[6] Положение Комитета министров от 26 июня 1870 г. «Об учреждении должностей: третьего инспектора по пересылке арестантов и делопроизводителя при Главном Инспекторе этой части» // Там же. Т. 45, № 48520.

[7] Положение Комитета министров от 5 апреля 1874 г. «Об учреждении должности Инспектора пересылки арестантов в Восточной Сибири» // Там же. Т. 49, № 53341.

реформы отмечалось увеличение объема правовой регламентации контрольной деятельности данных органов в сфере функционирования пенитенциарной системы, о чем свидетельствует принятие ряда ключевых нормативных актов: Указа Императора Александра II от 20 ноября 1864 г. «Об Учреждении судебных установлений»[1], Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.[2], Указа Императора Александра II от 15 марта 1872 г. «О впуске лиц местного прокурорского надзора в тюремные замки и остроги»[3], Положения Комитета министров от 25 сентября 1862 г. «О порядке предоставления отчетности смотрителями губернских тюремных замков»[4], указа МЮ от 3 февраля 1872 г. «О праве на беспрепятственный вход в тюремные помещения без предъявления особых на то билетов лиц прокурорского надзора»[5].

В контексте буржуазных преобразований отмечается тенденция увеличения циркулярных распоряжений отдельных ведомств.

При этом основная масса циркуляров, изданных в рассматриваемый период, принадлежала МВД и ДПИ, который непосредственно контролировал, с резолюции МВД, исполнение уголовных наказаний. Но встречаются и циркулярные распоряжения МЮ относительно контрольных полномочий прокуроров.

Циркулярами указанных ведомств регламентировались[6]:

1) *надзор за пенитенциарными учреждениями и ссылкой* (циркуляры ДПИ от 24 июля 1862 г. № 100 «Об усилении надзора за местами содержания арестантов»; от 30 ноября 1870 г. № 394 «Об учреждения должности Особого Инспектора для наблюдения за пересылкой арестантских партий южных железных дорог и о порядке сношения с инспекторами»; от 8 июля 1867 г. № 151 «По обозрению Дирек-

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 39, № 41475.

[2] Устав уголовного судопроизводства от 20 нояб. 1864 г. Новочеркасск, 1913. – 1107 с.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 47, № 50631.

[4] Там же. Т. 37, № 38712.

[5] Там же. Т. 47, № 50504.

[6] Сборник циркуляров по тюремной части ; Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел с 1859 по 1879 гг. ; *Соловьев Н. Н.* Указ. соч. ; *Лопато Т. М.* Указ. соч. ; Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части.

тором Департамента полиции исполнительной Действующим Статским советником Бароном Велио мест заключения и пересыльной части в некоторых губерниях»; от 15 января 1870 г. № 8 «По обозрению Директором Департамента полиции исполнительной мест заключения в некоторых губерниях»; от 30 ноября 1871 г. № 289 «О том, чтобы перевод нерешенных арестантов из одной тюрьмы в другую совершался бы по сношению с прокурорским надзором» и др.);

2) *контроль, осуществляемый руководством губерний* (циркуляр ДПИ от 8 марта 1867 г. № 2417, предписывавший губернским начальникам докладывать о беспорядках в местах содержания арестантов; от 7 июля 1867 г. № 6408, касавшийся донесений о побегах; от 22 января 1862 г. № 11, вменивший Вице-Губернаторам обязанность надзора за тюрьмами; циркуляры МВД, утвердившие процедуру рассмотрения прошений арестантов (от 31 октября 1867 г. № 241 и от 27 марта 1868 г.№ 5));

3) *надзор по линии прокуратуры* (циркуляр МВД от 11 ноября 1868 г. № 2867, закрепивший полномочия прокурорских органов проверять основания содержания под стражей; циркуляр МВД от 30 ноября 1871 г. № 289 о результатах ревизии мест содержания под стражей; циркуляр МВД от 28 февраля 1877 г. № 30, утвердивший перечень лиц, беспрепятственно посещавших места заключения; циркуляр МЮ 1869 г. № 179, определивший регламент инспектирования тюрем);

4) *контроль полиции, жандармского корпуса и воинских начальников* (циркулярные распоряжения МВД от 8 июля 1867 г. № 151 о контрольных полномочиях полицмейстеров и начальников полиции уездов; от 28 февраля 1877 г. № 30 «О лицах тюремного надзора, имеющих право беспрепятственного и безбилетного посещения мест заключения»; от 3 июня 1869 г. № 141, от 14 августа 1864 г. № 6457 о полномочиях воинских начальников при осмотре военных арестантов, содержащихся в городских тюрьмах);

5) *контроль комитетов и отделений Общества Попечительного о тюрьмах* (циркуляр МВД от 20 марта 1864 г. № 57, утвердивший направления взаимодействия комитетов и отделений с МВД и губернским начальством; циркуляр ДПИ от 24 июля 1862 г. № 100 о требовании усилить наблюдение за местами заключения);

6) *ревизия инспектируемых мест на предмет ведения хозяйства и отчетности* (циркулярные распоряжения ДПИ от 18 сентября 1863 г. № 161, от 23 августа 1867 г. № 181, от 11 марта 1870 г. № 67, от 2 октября 1874 г. № 116, утвердившие требования предоставления на регулярной основе данных о количестве пенитенциарных учреждений, о точных списках арестантов, о затраченных средствах на тюремную часть, циркуляры ДПИ от 19 сентября 1863 г. № 162, от 10 августа 1871 г. о доставление планов зданий мест заключений, а также статистических сведений.

Таким образом, в ходе буржуазных реформ продолжился процесс формирования законодательства, содержавшего нормы по закреплению контрольных полномочий в сфере исполнения уголовных наказаний за отдельными министерствами, в частности МВД, МЮ и Военным министерством. Отчасти это позволило ограничить самостоятельность органов местного управления в осуществлении контрольной функции в данной области. В период *с февраля 1861 г. по февраль 1879 г.* выросло число циркулярных распоряжений МВД и МЮ относительно порядка осуществления контроля за пенитенциарными учреждениями и местами ссылки, специфики контроля со стороны прокурорского корпуса, органов полиции, жандармов, подразделений Общества Попечительного о тюрьмах, губернского начальства. Указанные обстоятельства во многом свидетельствуют о зарождении принципа единоначалия в организации контроля в исследуемой сфере.

В *феврале 1879 г. – марте 1917 г.* нестабильная политическая обстановка и кризис государственного управления не позволили в полной мере осуществить программу тюремной реформы, однако были приняты нормативные правовые акты как общегосударственного, так и ведомственного значения, представлявшие ценность для эффективного функционирования пенитенциарной системы.

Акты, вступившие в силу на этапе практической реализации идей тюремной реформы, упорядочивали структуру тюремной системы с учетом ее централизации и обособления отдельного ведомственного органа управления – ГТУ. Среди ключевых из них следует выделить Мнение Государственного совета от 11 декабря

1879 г. «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях»[1], Положения Комитета министров от 13 июня 1880 г. «Об определении отношения Инспекции пересылки арестантов к Главному Тюремному Управлению»[2], от 30 января 1881 г. «Об изменении в порядке высшего управления тюремной частью»[3], Мнение Государственного совета от 26 июня 1889 г. «Об изменениях в штате управления Санкт-Петербургскими местами заключения, состоящими в непосредственном ведении Главного тюремного управления»[4], указ Военного министра от 30 января 1890 г. «О предоставлении права входа в арестантские вагоны чинам Главного тюремного управления, командируемым по делам службы»[5], Мнение Государственного совета от 21 марта 1890 г. «Об учреждении губернской тюремной инспекции»[6], указ императора от 13 декабря 1895 г. «О присоединении к составу Министерства юстиции Главного тюремного управления»[7].

Были расширены полномочия МВД в связи с передачей ему функций упраздненного Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Тем самым МВД стало контролировать процесс отбывания наказания политическими преступниками[8]: «Высший надзор за содержанием в тюрьмах государственных преступников возлагался на Товарища Министра внутренних дел»[9].

Устав о содержащихся под стражей также подвергся в 1890 г. некоторым коррективам. В него вошли нормы, подробно регламентировавшие организационно-управленческие вопросы в части функционирования мест заключения.

После передачи ГТУ из МВД в ведение МЮ увеличилось количество актов,

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 54, № 60268.
[2] Там же. Т. 55, № 61078.
[3] Там же. Собрание 3. Т. 1, № 61814.
[4] Там же. Т. 9, № 6140.
[5] Там же. Т. 10, № 6563.
[6] Там же. № 6653.
[7] Там же. Т. 15, № 12272.
[8] Указ Императора Александра II от 15 ноября 1880 г. «О соединении Департамента государственной полиции и Департамента полиции исполнительной в одно учреждение – Департамент государственной полиции» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 55, № 61550.
[9] Там же. Т. 7, № 4340.

относившихся к деятельности Общества Попечительного о тюрьмах, в частности, посвященных расширению сети комитетов и отделений в городах: высочайшие повеления, объявленные министром юстиции 16 февраля 1900 г. «Об открытии в г. Екатеринославле дамского отделения Общества Попечительного о тюрьмах[1]; от 10 мая 1900 г. «Об открытии в г. Витебске и Новочеркасске дамских отделений Общества Попечительного о тюрьмах»[2]; от 5 июля 1900 г. «Об открытии в г. Харькове дамского отделения Общества Попечительного о тюрьмах[3]; от 13 октября 1904 г. «Об открытии в г. Белостоке и Ельце дамских отделений Общества Попечительного о тюрьмах»[4]; от 27 января 1911 г. «Об открытии в г. Нижнем Новгороде дамского отделения Общества Попечительного о тюрьмах»[5].

В этот же период стал актуальным контроль за местами заключения, состоявшими в ведении Военного министерства. В феврале 1911 г. на временных началах был создан военно-тюремный отдел, предназначением которого явилось заведование военно-тюремной частью[6]; В октябре 1913 г. получила нормативное обоснование военно-тюремная реформа[7], предусмотревшая учреждение в структуре Военного министерства органа, наделенного обязанностью контролировать работу пенитенциарных учреждений военного ведомства. Таким органом явилось Главное военно-судное управление по военно-тюремному отделу.

Кроме того, получили правовую регламентацию ряд аспектов контрольной деятельности относительно исполнения уголовных наказаний в исправительных арестантских отделениях. В частности, 28 апреля 1881 г. было утверждено Мнение Государственного совета «О порядке свидетельствования арестантов относительно способности их к работам в исправительных арестантских ротах и отделениях»[8], 26 ап-

[1] Там же. Собрание. 3. Т. 20, № 18155.
[2] Там же. №18575.
[3] Там же. № 19049.
[4] Там же. Т. 24, № 25191.
[5] Там же. Т. 31, № 34690.
[6] Там же. № 34757.
[7] Там же. Т. 33, № 40446.
[8] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 1, № 107.

реля 1883 г. – «О порядке заготовления материалов одежды и обуви, и продовольственных припасов для содержащихся в исправительно-арестантских отделениях»[1].

Подвергся реорганизации и контроль за исполнением ссылки. В 1904 г. с упразднением Тюменского приказа о ссыльных изменились правила распределения, регистрации и сопровождения ссыльных[2]. Контрольные полномочия в вопросах ссылки перешли к губернскому правлению, а также тюремным инспекторам. Общее руководство ссылкой осуществляло ГТУ.

Актуализировалось законодательство по введению в действие тюремных инспекций в преобладающем числе губерний, о чем свидетельствуют законы от 7 июня 1909 г. «О введении тюремной инспекции в губерниях Владимирской, Вятской, Гродненской, Курской, Орловской, Пензенской, Санкт-Петербургской, Смоленской и Николаевском градоначальстве и о передаче состоящих в непосредственном заведовании Главного тюремного управления мест заключения г. Санкт-Петербурга и Царскосельской тюрьмы в ведение Санкт-Петербургского губернатора»[3], от 10 июня 1910 г. «О введении тюремных инспекций в некоторых губерниях и о присвоении тюремному инспектору при Николаевском градоначальстве некоторых прав и обязанностей в отношении мест заключения Одессы и Одесского комитета Общества Попечительного о тюрьмах»[4], от 28 июня 1912 г. «О введении тюремной инспекции в губерниях: Калужской, Курляндской, Минской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Симбирской, Тверской, Тульской и Эстляндской»[5].

Отдельные положения относительно контрольных полномочий органов местной власти (губернатора, губернского правления, прокуратуры, жандармерии) нашли отражение в Общей тюремной инструкции[6], утвержденной МЮ в 1915 г.

---

[1] Там же. Т. 3, № 1523.

[2] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 23 февраля 1904 г. «Об упразднении Тюменского приказа о ссыльных и дополнении штата Главного тюремного управления, а также об изменении правил относительно распределения, регистрации и препровождения ссыльных» // Там же. Т. 24, № 24084.

[3] Там же. Т. 29, № 32006.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 30, № 33693.

[5] Там же. Т. 32, № 37563.

[6] Общая тюремная инструкция : утв. министром юстиции 28 дек. 1915 г. Петроград, 1916.

Первое десятилетие XX в. ознаменовалось интенсивным развитием законодательства об общественном контроле в сфере исполнения уголовных наказаний. Так, в 1908 г. был принят Нормальный устав Общества патроната, который регламентировал полномочия данной общественной структуры, а также уставы благотворительных обществ, а именно Общества исправительно-воспитательных земледельческих колоний и ремесленных приютов от 15 декабря 1901 г. и Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных от 6 июня 1891 г. Позднее патронат заручился финансовой поддержкой государства, основанием этому послужило принятие в 1912 г. закона «О государственной помощи обществам покровительства лицам, освобожденным из мест заключения»[1].

Следует отметить, что в процессе реализации тюремной реформы произошло существенно выросло число циркуляров, изданных ГТУ.

Перечень регулируемых циркулярами вопросов относительно организации контроля за исполнением уголовных наказаний пополнился распоряжениями, касающимися надзорных полномочий тюремных инспекторов. Например, в 1879 г. для данных лиц были учреждены «Временные правила»[2].

Как было отмечено выше, часть циркуляров ГТУ была систематизирована в сборники и закреплена в ведомственном пенитенциарном печатном издании ГТУ – «Тюремном вестнике».

Положениями циркуляров ГТУ регламентировались такие аспекты как:

1) *порядок координации деятельности подведомственных органов, а равно и управление ими в части реализации контрольных полномочий*: циркуляр от 16 июня 1879 г. № 48, регламентировавший вопросы взаимодействия по пенитенциарной части[3], от 24 июля 1879 г. № 1204, закрепивший порядок управления местами заключения и надзора за содержавшимися там лицами[4]; от 24 июля 1879 г. № 104[5] –

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 32, № 38585.

[2] Временные правила для первоначального руководства тюремным инспекторам во время командировок с целью осмотра и ревизии учреждений, входящих в состав карательной системы // Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 7–10.

[3] Сборник циркуляров по тюремной части. С. 1.

[4] Там же. С. 4.

[5] Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг.

о степени участия в контроле за местами заключения разных органов власти, от 31 ноября 1881 г. № 30 «О доставлении Главному тюремному управлению срочных сведений по тюремной части»[1], от 2 марта 1904 г. № 6 «Об упразднении Тюменского приказа о ссыльных и о передаче дел в Главное тюремное управление»[2] и др.;

2) *проверка финансово-статистической отчетной документации*: циркуляр от 7 августа 1879 г. № 1530, содержавший требование отправки в ГТУ квитанций[3], циркуляр от 16 ноября 1879 г. № 4458, предписывавший доставление данных для формирования общей сметной финансовой документации[4], циркуляр от 27 октября 1881 г. № 26, изменивший порядок отправления статистических материалов[5], циркуляр от 30 января 1881 г. № 6, утвердивший порядок расходования средств, выделенных на ремонт мест заключения[6];

3) *итоги контрольной деятельности*: ряд циркуляров отражали проблему переполнения мест лишения свободы[7], другие были посвящены наиболее важным проблемам, например, таким как пронос запрещенных предметов надзирателями[8], выпуск заключенных из острогов на базары[9] и др.;

4) *кадровые вопросы*: циркуляры от 17 марта 1900 г. № 3 «О доставлении губернаторами сведений о прохождении службы чинами тюремного ведомства вверенных губерний», от 27 ноября 1900 г. № 18761–18889 «О доставлении губернаторами сведений о составе надзора в местах заключения вверенных губерний», от 6 марта

Санкт-Петербург, 1911. Ч. 1 : 1879–1895 гг. С. 91, 92.

[1] Сборник циркуляров по тюремной части. С. 218.

[2] Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. С. 91, 92.

[3] Циркуляр ГТУ от 7 августа 1879 г. № 1530 «О высылке казначействами и казенными палатами талонов квитанций непосредственно в Главное тюремное управление» // Сборник циркуляров по тюремной части. С.194.

[4] Циркуляр ГТУ от 16 ноября 1879 г. № 4458 «О ежегодном сообщении сведений для внесения в смету по сборному тюремному капиталу» // Там же. С. 207.

[5] Циркуляр ГТУ от 27 октября 1881 г. № 26 «Об изменении порядка сообщения сведений по тюремной статистике» // Там же. С. 157.

[6] Циркуляр ГТУ от 30 января 1881 г. № 6 «О порядке расходования ассигнуемых на ремонт тюрем сумм из сборных тюремных капиталов» // Там же. С. 144.

[7] Напр.: Циркуляр от 28 ноября 1879 г. № 4560 // Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. С. 104.

[8] Напр.: Циркуляр от 8 марта 1882 г. № 8 // Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. С. 179.

[9] Напр.: Циркуляр от 17 марта 1882 г. № 58 // Там же. С. 185.

1901 г. № 3 «О доставлении в Главное тюремное управление сведений о лицах, претендующих на замещение должностей губернских тюремных инспекторов, его помощников», от 1 августа 1905 г. № 12 «О сообщении сведений о числе лиц, состоящих на действительной государственной службе по тюремному ведомству» и др.[1];

5) *устранение недостатков организации исполнения наказаний в местах заключения*: циркуляры от 6 марта 1901 г. № 4 «О доставлении в ГТУ сведений о происшествиях и побегах в местах заключения», от 2 ноября 1902 г. № 9 «О требовании вменить в обязанность руководству мест заключения неуклонно соблюдать инструкции и правила об организации тюремного быта», от 16 декабря 1906 г. № 27, содержавший сведения по обозрению мест заключения империи на предмет нарушения тюремного режима администрацией мест заключения, от 22 ноября 1907 г. № 35 «О наведении губернским начальством надлежащего порядка в тюремных учреждения империи в переживаемое тяжелое время», от 12 марта 1908 г. № 19 «О недопущении побегов в местах заключения», от 15 марта 1908 г. № 22 «О принятии самых решительных мер в борьбе с побегами арестантов», от 5 апреля 1908 г. № 34 «Об упрочении надлежащего порядка в тюремных учреждениях империи с целью предотвращения массовых побегов из мест заключения» и др.[2];

6) *содержание политических заключенных в части исполнения Положения о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия*[3]: циркуляры от 5 марта 1901 г. № 2 «О ежемесячном доставлении именных статистических ведомостей о политических арестантах», от 18 ноября 1904 г. № 23 «О введении в действие Правил о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов», от 15 июля 1906 г. № 14 «О мерах к предотвращению организации и совершения побегов наиболее важных политических арестантов из

---

[1] Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 2 : 1896–1910 гг.

[2] Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 2. : 1896–1910 гг.

[3] Указ Правительствующему сенату «О введении в действие Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», Положение о мерах к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия. Тифлис, 1881.

мест заключения», от 31 августа 1906 г. № 15 «О порядке доставления статистических сведений о политических арестантах»[1];

7) *организация деятельности обществ патроната, воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних, обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов, приютов для содержания семей и детей арестантов*: циркуляры от 2 октября 1902 г. № 7 «О доставлении отчета о деятельности воспитательно-исправительных заведений, учреждений для призрения семейств и детей арестантов и обществ патроната», от 6 марта 1907 г. № 5 «О некоторых правилах учреждения обществ патроната, обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов», от 11 сентября 1908 г. № 68 «О распространении Нормального устава Общества покровительства лицам, освобожденным из мест заключения (патроната) в губерниях, о доставлении сведений о принятых мерах к правильной организации патронируемых лиц», от 8 мая 1909 г. № 22 «О созыве совещания по вопросу распространения Обществ патроната на территории империи», от 25 июня 1910 г. № 27 «О составлении ведомостей о числе призреваемых в патронатских обществах, о видах патронатных обществ в целях систематизации отчетности о деятельности таких обществ» и др.[2];

8) *формирование статистической отчетности*: циркулярные распоряжения от 4 сентября 1900 г. № 8 «О доставлении ежемесячной статистической отчетности о деятельности заведений исправительно-воспитательных для несовершеннолетних по установленным формам», от 23 августа 1904 г. № 12 «О доставлении в ГТУ ежегодных отчетов о деятельности приютов для арестантских детей и арестных помещениях», циркуляр от 21 декабря 1906 г. № 29 «Об утверждении правил об условиях и порядке приема и освобождения арестантов в местах заключения губерний», содержавший формы статистической отчетности о движении и составе тюремного

[1] Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 2.

[2] Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879 – 1910 гг. Ч. II. 1896-1910 гг. Санкт-Петербург : тип. Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы. 1911.

населения, от 24 февраля 1910 г. № 8 «Об изменении форм статистической отчетности» и др.[1];

9) *практическое разъяснение администрацией мест заключения и руководством губерний*[2] *порядка применения законодательства об условно-досрочном освобождении лиц*[3].

Количество циркуляров ДПИ, изданных в рассматриваемый период, существенно сократилось, преимущественно они касались вопроса содержания политических заключенных в части исполнения Положения о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия: циркуляр от 21 декабря 1911 г. № 90511[4], утвердивший процедуру отправки государственных преступников посредством железнодорожного сообщения, и циркуляр от 8 октября 1911 г. № 108292, определивший порядок взаимодействия жандармских управлений и руководства губерний в вопросах предотвращения побегов политических ссыльно-каторжных арестантов» и др.[5].

Таким образом, на заключительном этапе формирования законодательства, содержавшего нормы о контроле в сфере исполнения уголовных наказаний, превалировали нормативные правовые акты, закреплявшие контрольную функцию преимущественно за конкретным ведомством – ГТУ МВД/МЮ. О широте контрольных полномочий ГТУ свидетельствуют и изданные им циркулярные предписания по различным вопросам функционирования отечественной пенитенциарной системы.

На основании изложенного сформулируем следующие выводы:

1. Специфика норм, содержавшихся в законодательстве Российской империи и устанавливавших компетенцию органов государственной власти и управления

---

[1] Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879 – 1910 гг. Ч. II. 1896-1910 гг. Санкт-Петербург : тип. Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы. 1911.

[2] Напр.: Циркуляр ГТУ от 4 июля 1909 г. № 34 // Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 2.

[3] Высочайше утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон от 22 июня 1909 г. «Об условном досрочном освобождении : // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 29, № 32241.

[4] Россия. Департамент полиции. Хронологический указатель циркуляров Департамента полиции. Б.м., Б. г. С. 99, 100.

[5] Россия. Департамент полиции. Хронологический указатель циркуляров Департамента полиции. С. 97, 98.

всех уровней, неотъемлемой частью которых являлись полномочия по контролю, в том числе за тюремной системой, была определена допустимостью универсального их использования, а также их общеправовым характером.

2. Нормы, определившие специфику и порядок реализации контрольной функции в пенитенциарной сфере, получили свое закрепление в отечественном законодательстве периода XIX – начала XX вв. Развитие этих норм происходило поэтапно в симбиотическом взаимодействии с выработкой нормативно-правовой базы, обеспечивавшей проведение как реформ государственного управления в целом, так и тюремной реформы в частности.

3. В рамках начального этапа преобразования органов государственного управления в период сентября 1802 г. – февраля 1861 г. формирование норм о контроле в сфере исполнения уголовных наказаний проходило параллельно нормативному оформлению правового статуса министерств, иных государственных учреждений и благотворительных обществ, исполнявших, в том числе, контрольные полномочия. Однако нормативные правовые акты в силу их принятия различными органами власти часто носили дублирующий характер, что подтверждало многоначалие в управлении тюремной системой, а равно и в реализации контрольной функции.

4. В период с февраля 1861 г. по февраль 1879 г. продолжился процесс разработки законодательной базы, содержавшей нормы по закреплению контрольных полномочий в пенитенциарной сфере за отдельными министерствами, в частности, МВД, МЮ и Военным министерством. Отчасти это позволило ограничить самостоятельность органов местного управления в осуществлении контрольной функции в данной области. В это же время выросло число циркулярных распоряжений МВД и МЮ относительно порядка осуществления контроля за всеми местами заключения и ссылки. Указанные обстоятельства во многом свидетельствуют о зарождении принципа единоначалия в организации контроля в исследуемой сфере.

5. Общеимперское и пенитенциарное законодательство в период февраля 1879 г. – марта 1917 г., регламентировавшее порядок организации и функциониро-

вания системы исполнения уголовных наказаний, существенно расширило контрольные полномочия ГТУ как ведомственного органа управления.

1.3 Государственные учреждения и благотворительные общества, осуществлявшие контроль за исполнением уголовных наказаний в дореволюционный период

Структура органов, наделенных контрольными полномочиями в исследуемой сфере в пределах заявленных хронологических рамок существования Российского государства, была представлена разнообразной совокупностью государственных учреждений и благотворительных обществ.

Организационная основа контроля формировалась также поэтапно – по мере становления законодательства в данной сфере.

В ходе первого этапа (сентябрь 1802 г. – февраль 1861 г.) выстраивалась определенная вертикаль субъектов контроля, во главе которой находились высшие органы власти Российской империи в лице императора, управлявшего государством; Сената, выступавшего «верховным местом Империи… и, имея в подчинении все присутственные места, он, как хранитель закона, заботился о повсеместном наблюдении правосудия…»[1], Государственного совета как высшего законосовещательного органа, а также Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Следует отметить, что в современных историко-правовых исследованиях, посвященных отечественной пенитенциарной системе дореволюционного периода, управление ею отождествляют преимущественно с деятельностью министерств[2], не затрагивая при этом роль высших руководящих органов государства. Однако наличие абсолютной монархии как формы правления в Российской империи того времени свидетельствует о ключевой роли данных органов во всех сферах жизни

---

[1] Именной указ, данный Сенату, от 8 сентября 1802 г. «О правах и обязанностях Сената» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 27, № 20405.

[2] Напр.: *Осипов М. В.* Указ. соч. ; *Славинский Н. В.* Становление и развитие института тюремных инспекций Российской империи и его специфика на Кубани : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009 ; *Упоров И. В.* Указ. соч. ; *Петренко Н. И.* Указ. соч.

государства и общества, включая систему исполнения наказаний.

Роль высших государственных органов в рамках исполнения контрольной деятельности в области тюремного дела, главным образом выражалась в формировании нормативно-правовых основ функционирования системы исполнения уголовных наказания и определении путей реформирования пенитенциарной политики. Реализуемые этими органами контрольные полномочия были основаны на принципе единоначалия.

Среди органов высшего уровня власти особое место отводилось Собственной Его Императорского Величества Канцелярии в силу того, что она объединяла «все стихии державного права, соединяющиеся в лице Русского Государя»[1]. В структуре этого органа необходимо выделить первое отделение, осуществлявшее работу по систематизации нормативного и правоприменительного материала, содержащего результаты контрольно-надзорной деятельности в сфере функционирования подчиненных гражданскому ведомству учреждений, исполнявших уголовные наказания. Особую роль выполняло третье отделение Канцелярии, которое непосредственно контролировало процесс реализации уголовной ответственности, применяемой к лицам, виновным в совершении политических преступлений, так как в его компетенции находились полномочия по управлению, наблюдению и надзору за соответствующими местами заключения[2]. Вторая экспедиция данного отделения контролировала места содержания политических заключенных, проводя сбор сведений об их функционировании. Преимущественно в поле зрения второй экспедиции на постоянной основе находились Петропавловская и Шлиссельбургская крепости, Одесская, Варшавская и Оршанская тюрьмы, Нерчинская каторга, Шварцгольмский дом, Спасо-Евфимиев монастырь.

Следующую ступень в вертикали субъектов контроля заняли министерства

---

[1] *Строев В. Н.* Столетие Собственной Его Императорского Величия Канцелярии. Санкт-Петербург, 1912. С. 16.

[2] Именной указ, данный управляющему Министерством внутренних дел от 3 июля 1826 г. «О присоединении особенной канцелярии Министерства внутренних дел к Собственной Его Величества Канцелярии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 1, № 449.

как органы центрального отраслевого управления. Согласно Общему наказу министерствам, они имели «надзор над действиями всех подчиненных мест и лиц»[1].

Функцией контроля в сфере исполнения уголовных наказаний наряду со своими основными функциями, определенными Общим наказом, были наделены МВД, МЮ, Военное министерство, Главное управление путей сообщения и публичных зданий (с 1865 г. – Министерство путей сообщения), Морское министерство.

Основной спектр контрольных полномочий в сфере исполнения уголовных наказаний был возложен на МВД, в ведении которого находились все места заключения гражданского ведомства, причем по сравнению с другими местами заключения их было большинство.

Непосредственно же контролировал деятельность пенитенциарных учреждений ДПИ, одно из отделений которого – Полиция дел судных и уголовных ведала устройством общеуголовных тюрем и их стражей, а также всеми делами по пересылке арестантов.

Особое место в системе распределения контрольных полномочий занимал министр внутренних дел, который был наделен координационным функционалом, тогда как товарищ министра решал задачи по непосредственному наблюдению за движением арестантских дел и организации переписки по ним[2].

Реализация контрольной функции в рамках МЮ была возложена прежде всего на таких должностных лиц как министр юстиции, который совмещал и должность генерал-прокурора, товарищ министра, прокуроры губернского уровня и уездные стряпчие[3]. В основные обязанности министра как генерал-прокурора входило руководство прокуратурой. На товарища министра юстиции возлагалась обязанность по высшему наблюдению за движением арестантских дел[4]. Губернские прокуроры и

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 31, № 24686.

[2] Указ Сената, объявленный по Высочайшему повелению от 24 июля 1856 г. «О возложении на Товарища министра внутренних дел ближайшего наблюдения за течением арестантских дел и за исполнением Высочайших повелений о немедленном их окончании» // Там же. Собрание 2. Т. 31, № 30760.

[3] *Муравьев Н. В.* Указ. соч. С. 328.

[4] Там же. С. 329.

стряпчие составляли так называемый «ближайший надзор»: их основная функциональная обязанность состояла в осуществлении надзора за исполнением законов о порядке содержания арестантов в местах заключения губерний.

В ведении Военного министерства находились военные рабочие роты и военные арестантские роты инженерного ведомства. С момента учреждения арестантских рот гражданского ведомства в 1830 г. контроль за их деятельностью сосредоточился в руках Инспекторского департамента Военного министерства вплоть до 1845 г., когда данные места заключения были переданы под контроль Главного управления путей сообщения и публичных зданий.

Субъектный состав контроля за функционированием мест заключения военного ведомства был представлен следующим образом: на центральном уровне находились Инженерный и Инспекторский департаменты Главного штаба, Корпус внутренней стражи, состоявший из десяти округов, Главное военно-судное управление Военного министерства, Главный военно-тюремный комитет. В качестве исполнительных органов действовали инспекции и комиссии, осуществлявшие постоянный надзор за исправительными учреждениями военного ведомства, исполнявшие поручения по пересмотру приговоров, изменению режимов, рассмотрению прошений[1]. На местном уровне контроль осуществляли инженерные окружные командиры, подчинявшиеся инспектору инженерного корпуса, а также коменданты и плац-майоры. Все указанные органы находились в прямом подчинении императора и Военного министерства.

Как было отмечено выше, Главное управление путей сообщения и публичных зданий, функционировавшее на правах министерства, осуществляло контроль за арестантскими ротами гражданского ведомства с 1845 г.[2] Поскольку целью со-

---

[1] *Толкаченко А. А.* Правовые основы исполнения уголовных наказаний, применяемых к военнослужащим : дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 1997. С. 154.

[2] Указ Сената, объявленный по высочайшему повелению, от 10 марта 1845 г. «О подчинении арестантских рот гражданского ведомства ведению Главного управления путей сообщения и публичных зданий» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 20, № 18819.

здания данных мест заключения явилось содействие в проведении работ по городскому строительству, а также уменьшение расходов государственной казны на пересылку арестантов в Сибирь, непосредственный контроль за их функционированием осуществляла местная администрация того города, где эти роты располагались. Что касается контроля проведения работ по благоустройству городских улиц, то в данном вопросе арестантские роты гражданского ведомства состояли под управлением строительных комиссий, которые контролировали данные места заключения в хозяйственном отношении.

Морское министерство осуществляло общий контроль за порядком исполнения наказаний арестантскими ротами морского ведомства (Балтийского и Черноморского флотов). Как отмечает А. А. Бочаров, «создание морских арестантских рот было вызвано потребностью морского ведомства в дешевой рабочей силе для производства казенных работ»[1]. С 1831 г. роты Балтийского флота перешли под контроль генерал-интенданта, получившего статус инспектора, уравненного в правах с дивизионным начальником, а арестантские роты Черноморского флота – под контроль обер-интенданта данного флота в звании инспектора[2]. При генерал-интенданте, равно как и при обер-интенданте, учреждался особый штаб, 3-й стол которого осуществлял управление ротами флотов[3]. Непосредственно же роты находились в ведении капитанов портов на правах флотских бригадных командиров, а в Санкт-Петербурге – в ведении особого начальника[4]. Следует отметить, что управ-

---

[1] *Бочаров А. А.* Указ. соч. С. 36.

[2] Именной указ, объявленный в приказ начальника Главного морского штаба, от 18 ноября 1831 г. «О подчинении рабочих экипажей и арестантских батальонов Черноморского флота Обер-интенданту того флота» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 6, № 4951.

[3] Высочайше утвержденное 16 июля 1851 г. Положение об управлении ластовыми командами, рабочими экипажами и арестантскими ротами морского ведомства // Там же. Т. 26, № 25411.

[4] Высочайше утвержденное 5 февраля 1830 г. Положение о сформировании морских арестантских рот Балтийского флота // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 5, № 3468 ; Именной указ, объявленный в приказ начальника Главного морского штаба, от 19 августа 1831 г. «О подчинении рабочих экипажей и арестантских рот флота генерал-интенданту» // Там же. Т. 6, № 4763.

ление арестантскими ротами морского ведомства строилось аналогично управлению крепостными арестантскими ротами.

Арестантские роты морского ведомства прекратили свое существование в 1857 г. в связи с передачей их в военно-сухопутное и гражданское ведомство[1], соответственно – под контроль Военного министерства и Главного управления путей сообщения и публичных зданий.

Специфическим субъектом, наделенным контрольными полномочиями в исследуемой сфере, было Общество Попечительное о тюрьмах. Несмотря на то, что ему вменялись исключительно благотворительные функции, о чем свидетельствуют Правила для Попечительного Общества о тюрьмах, его роль как контролирующего органа была существенна, в первую очередь в связи с тем, что ему делегировалось решение вопросов по финансово-хозяйственной части всех мест заключения империи. Руководство Обществом осуществляли президент и вице-президент, назначаемые императором. Совещательным органом выступал Совет при президенте. В 1855 г. Общество Попечительное о тюрьмах «причислили к министру внутренних дел»[2], занявшему пост президента данной организации. Подотчетность МВД не лишала данное Общество статуса благотворительной организации, напротив, расширила его контрольные полномочия, наделив функцией распоряжения бюджетными средствами.

Местный уровень в вертикали органов, наделенных контрольной функцией в сфере исполнения уголовных наказаний, заняли: администрация губерний в лице губернатора, вице-губернатора, губернского правления[3]; полицейские учреждения и губернские жандармские управления; местные комитеты и отделения Общества Попечительного о тюрьмах.

Спектр контрольных полномочий администрации губернии был широким и

---

[1] Именной указ, объявленный Сенату Управляющим Морским министерством, от 31 июля 1857 г. «О передаче арестантских рот черноморского ведомства в военно-сухопутное и гражданское ведомства» // Там же. Т. 32, № 32127.

[2] Именной указ, данный Сенату, от 26 августа 1855 г. «О причислении к Министерству внутренних дел Общества Попечительного о тюрьмах и существующего при оном комитета для разбора нищих» // Там же. Т. 30, № 29614.

[3] Высочайше утвержденное Учреждение Губернских правлений от 2 января 1845 г.

включал: контроль ссылки арестантов в Сибирь, заведование этапами, контроль за местами заключения гражданского ведомства, находящимися в пределах управляемой губернии, ревизию финансов и делопроизодства.

Общее губернское учреждение дополнило перечень обязанностей руководства губернии в вопросах контроля за пенитенциарной частью. Губернатору предписывалось «наблюдать неослабно, чтобы для обуздания преступников не были употребляемы как недозволенные законом меры вообще, так и те, которых употребление воспрещено в отношении подсудимых, изъятых от телесного наказания»[1]. В подчинении у губернаторов находились вице-губернаторы, также осуществлявшие непосредственное «наблюдение за ходом арестантских дел» и принимавшие «живое участие в приведении тюрем в удовлетворительное состояние»[2].

К губернскому правлению относился и Тобольский Приказ о ссыльных, который был учрежден в начале XIX в. для контроля за исполнением ссылки в Сибирь. Его подразделениями в сибирских губерниях стали экспедиции о ссыльных. Приказ осуществлял контроль составления списков ссыльных, а также наблюдение за порядком их отправления, а экспедиции уже непосредственно надзирали за сосланными заключенными. Для этих целей в штат экспедиций вошли ревизоры. Позже Тобольский Приказ о ссыльных был упразднен, а его полномочия перешли к аналогичному, по сути, органу – Тюменскому Приказу о ссыльных[3].

Полной самостоятельностью руководство губерний относительно других учреждений не обладало. Отчетливо прослеживалось ограничение его деятельности губернской прокуратурой. Например, в положениях Общего губернского учреждения закреплялось право прокурора просматривать все без изъятия журналы губернских мест (ст. 2488), а циркуляром МВД от 30 ноября 1871 г. № 289 устанавливалась обязанность губернаторов при передвижении арестантов из одного места

---

[1] Свод общих губернских учреждений // Свод законов Российской империи. Т. 2, ч. 1, ст. 623.

[2] *Лопато Т. М.* Указ. соч. С. 21.

[3] Тюменский приказ о ссыльных был упразднен в 1904 г. в связи с отменой ссылки, его функции перешли к ГТУ.

в другое «входить в предварительное сношение с прокурорским надзором»[1].

Обер-полицмейстер с подчиненными ему полицмейстерами и уездными исправниками осуществляли «надзор за исправным состоянием в столице тюремного замка, арестантских помещений при полиции, в исправительном и рабочих домах, стражи при них»[2], оказывали содействие Обществу Попечительному о тюрьмах, а также контролировали правильность назначения наказаний[3].

Правовое положение губернских жандармских управлений, по мнению историков, было уникальным. Являясь составной частью органов полиции, жандармские подразделения были включены в структуру МВД, одновременно с этим они сохраняли организационную независимость от губернской администрации, возглавляемой губернатором. Правовым обоснованием такого специфического положения являлось наличие у жандармерии статуса воинской части, что давало ей возможность финансироваться за счет Военного министерства и одновременно находиться в системе МВД[4].

Качественный состав местных комитетов и отделений Общества Попечительного о тюрьмах был представлен широким кругом должностных лиц и мог включать в себя губернатора, служителей епархии, губернских предводителей дворянства, судей, представителей прокурорского корпуса губернии, врачей, служащих присутственных мест. Данный факт свидетельствовал о двойной подчиненности Общества как императору и МВД, так и местному аппарату власти.

Таким образом, в период с сентября 1802 г по февраль 1861 г. состав субъектов, наделенных контрольными полномочиями в исследуемой сфере, был представлен преимущественно государственными учреждениями и органами местного управления, организованными в трехуровневую структуру:

---

[1] *Лопато Т. М.* Указ. соч. С. 25.

[2] Высочайше утвержденное 1 апреля 1838 г. Положение о порядке производства дел исполнительных Санкт-Петербургской полиции» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 13, № 11109.

[3] Инструкция смотрителю Санкт-Петербургского тюремного замка. Санкт-Петербург, 1852. С. 3.

[4] Органы и войска МВД России. С. 59.

– на общегосударственном уровне функцию контроля реализовывали император, Сенат, Государственный совет, Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии;

– на уровне отраслевого управления функцией контроля были наделены МВД, МЮ, Военное министерство, Главное управление путей сообщения и публичных зданий, Морское министерство, Общество Попечительное о тюрьмах в роли благотворительной организации, наделенной государством распорядительными финансово-хозяйственными полномочиями;

– на местном уровне реализация контрольной функции курировалась министерствами. Губернатор совместно с губернским правлением, представители губернского корпуса жандармов, тюремные комитеты и уездные отделения контролировали деятельность мест заключения под общим руководством МВД. Губернские прокуроры и стряпчие осуществляли контроль по линии МЮ. По линии Военного министерства контролирующими субъектами выступали инженерные окружные командиры, коменданты и плац-майоры. Местные строительные комиссии и комитеты в вопросе реализации контрольных полномочий были подотчетны Главному управлению путей сообщения и публичных зданий. По линии Морского министерства контрольная деятельность была возложена на капитанов портов.

Такое оформление структуры субъектного состава контроля в сфере исполнения уголовных наказаний вполне объясняется отсутствием в указанный период централизации управления ею, вследствие чего наблюдалось дублирование контрольных полномочий, лишавшее контроля эффективности и оперативности.

Данные обстоятельства способствовали дальнейшему переосмыслению организационной структуры контроля в исследуемой сфере.

В период с февраля 1861 г. по февраль 1879 г. субъектный состав контроля существенно изменился в связи с проведением как общих буржуазных преобразований государственной сферы, так и тюремной реформы.

Структура субъектов контроля общеимперского уровня не претерпела изменений, в то время как отраслевой и местный уровни, напротив, были значительно реорганизованы.

По линии Военного министерства в связи с изменениями управления военно-арестантскими ротами по случаю их исключения из инженерного ведомства и поступления в непосредственное распоряжение начальников местных войск в округах, изменился и субъектный состав контроля за функционированием данных рот на местах. Согласно Временным правилам для управления арестантскими ротами гражданского ведомства, принятым в 1864 г., «ближайшее управление сими ротами поручается в местах расположения крепостных полков и батальонов – командирам полков и батальонов, а где их нет – губернским воинским начальникам»[1].

Арестантско-пересыльная часть на местах перешла под непосредственный контроль Главного инспектора по пересылке арестантов, который наделялся правами начальника местных войск, что позволяло ему управлять конвойными командами, сопровождавшими заключенных. Главный инспектор не подчинялся губернскому начальству, а состоял под руководством военного ведомства и Главного штаба. Позднее, как было отмечено выше, подобные должности были учреждены на линиях Южных железных дорог[2] и в Восточной Сибири[3].

С принятием Устава уголовного судопроизводства (далее: УУС) ряд контрольных полномочий прокуратуры перешел к судам. В рамках прокурорского надзора реализовывалась обязанность прокуратуры по наблюдению за соблюдением законности при содержании заключённых под стражей. В рамках межведомственного взаимодействия координация деятельности МВД и МЮ осуществлялась с помощью института губернских прокуроров, в том числе при рассмотрении ходатайств заключённых. В соответствии с межведомственным актом, оформившим совместное решение руководителей двух ведомств, был установлен определенный

---

[1] Высочайше утвержденные 16 декабря 1864 г. Временные правила для управления военно-арестантскими ротами впредь до преобразования сих рот // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 39, № 41590.

[2] Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату Министром внутренних дел, от 26 июня 1870 г. «Об учреждении должностей: третьего инспектора по пересылке арестантов и делопроизводителя пи главном инспекторе этой части» // Там же. Т. 45, № 48520.

[3] Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату Министром внутренних дел, от 26 апреля 1874 г. «Об утверждении должности инспектора пересылки арестантов в Восточной Сибири» // Там же. Т. 49, № 53341.

алгоритм, который заключался в следующем: прошения, которые поступали от лиц, содержащихся под стражей, губернские прокуроры направляли начальникам губерний, а последние рассматривали их, выносили заключение и отправляли все материалы в МВД[1].

В тех губерниях, где не были введены в действие Судебные уставы, надзор за местами заключения вменялся также прокурорам. В процессе судебной реформы 1864 г. прокуратура губерний была заменена прокуратурой судебных палат и окружных судов, которая и стала заниматься контролем исполнения уголовных наказаний; губернские и уездные стряпчие были упразднены, а их обязанности перешли к товарищам губернских прокуроров. Но эти преобразования не повлияли на правовой статус органов прокуратуры как субъектов контроля за деятельностью системы исполнения уголовных наказаний. На данные надзорные органы были возложены полномочия по наблюдению «за правомерностью заключения арестантов, за их размещением в назначенном месте заключения…»[2].

В 1863 г. создается новая система мест заключения морского ведомства в связи с отменой Александром II «в силу нравственного возвышения духа»[3] телесных наказаний в армии и на флоте. Как отмечают исследователи, ранее, в 1862 г., Морским министерством рассматривался вопрос о замене телесных наказаний тюремным заключением и началось проведение работ по устройству особых камер для нижних чинов, осужденных в дисциплинарном порядке[4].

Создание в Санкт-Петербурге 2 ноября 1864 г. военно-исправительной тюрьмы морского ведомства сопровождалось и установлением института ведомственного контроля. Первоначально данную функцию реализовывал инспекторский департамент соответствующего министерства посредством его руководителя, а в дальнейшем в связи с преобразованием департамента в Главный морской штаб,

---

[1] О порядке представления в министерство внутренних дел просьб, адресуемых на имя сего министерства лицами, содержащимися в местах заключения : циркуляр МВД от 31 окт. 1867 г. № 241 // Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1866, 1868 гг. / собр. и изд. с разрешения министра внутр. дел Д. Чудовский. Санкт-Петербург, 1874. С. 231.

[2] *Муравьев Н. В.* Указ. соч. С. 471.

[3] Всеподданнейший отчет по морскому ведомству за первое двадцатипятилетие царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880. Санкт-Петербург, 1880. С. 60.

[4] *Бочаров А. А.* Указ. соч. С. 42.

контрольные полномочия были переданы начальнику штаба[1].

В субъектном составе контроля по линии МВД появился ведомственный орган – ГТУ с подчиненными ему напрямую тюремными инспекциями[2], также на коллегиальных началах был образован Совет по тюремным делам в качестве совещательного органа.

Контрольные полномочия ГТУ распространялись в отношении мест заключения гражданского ведомства и пересылки арестантов[3], ему также были переданы отдельные дела из ДПИ[4]. С учреждением ГТУ МВД существенно расширило свои полномочия относительно контроля в сфере исполнения уголовных наказаний.

Контрольные полномочия в составе ГТУ исполняли начальник управления, его помощник, тюремные инспекторы. В обязанности начальника и помощника входило осуществление надзора за местными учреждениями тюремного управления. Тюремные инспекторы не были наделены правом непосредственного распоряжения на территории ревизуемых объектов, однако могли запрашивать всевозможные сведения о состоянии пенитенциарных учреждений, присутствовать на собраниях тюремных комитетов и отделений [5]. Итоги обозрения инспектируемых мест отражались в отчетах с последующей их передачей руководству ГТУ.

Пенитенциарная реформа оказала влияние на правовое положение Общества Попечительного о тюрьмах как субъекта контроля. Причем предлагалось два варианта определения его статуса: первый предполагал ограничение контрольных полномочий Общества деятельностью губернаторов и таких органов, как наблюдательные комиссии, второй – устранение многоначалия контрольной деятельности на

---

[1] Положение о Военно-исправительной тюрьме морского ведомства // Морской сборник. 1864. № 12. С. 74

[2] Ученые-юристы и историки отмечали, что тюремным инспекциям не было аналогов в зарубежных странах, они являлись совершенно новыми институтами в мировой пенитенциарной практике (например: *Петренко Н. И.* Указ. соч. С. 233 ; *Печников А. П.* Указ. соч.).

[3] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 1.

[4] О передаче некоторых дел из Департамента полиции исполнительной в Главное тюремное управление : циркуляр ДПИ от 14 июня 1879 г. № 68 // Сборник циркуляров и инструкций министерства внутренних дел за 1879 г. / собр. и изд. с разрешения министра внутр. дел Д. Чудовский. Санкт-Петербург, 1874. С. 132.

[5] ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Дел-во 1. Д. 138. Л. 20.

местах путем сосредоточения всего местного надзора в комитетах Общества с подчинением им тюремной администрации, и тем самым ограничение полномочий губернского правления[1]. Второй вариант не нашел своего практического воплощения, а вот первое предложение успешно реализовалось в контексте реорганизации управления местами заключения городов Санкт-Петербурга и Москвы.

В частности, одновременно с ограничением контрольных полномочий Общества Попечительного о тюрьмах были введены в действие наблюдательные комиссии. Их деятельность не имела масштабного значения, поскольку они функционировали локально, в пределах столиц. В объем полномочий данных структурных образований входили всесторонний надзор за столичными пенитенциарными учреждениями, принятие и скорейшее разрешение требований и жалоб, сношение с благотворительными обществами по вопросам дальнейшего присмотра за освобожденными лицами[2]. Как отмечал профессор Н. И. Петренко, «комиссия была коллегиальным органом с достаточным кругом полномочий и набором возможностей для осуществления полноценного контроля и надзора за деятельностью администрации мест заключения»[3]. Мы не совсем согласны с мнением ученого, поскольку, на наш взгляд, данный орган явился очередным дублирующим звеном наряду с уже существовавшими субъектами.

Губернское правление и органы местной полиции осуществляли контроль за вверенными местами заключения до момента образования тюремных инспекций в 1890 г. После тюремной реформы аппарат губернского управления перешел под юрисдикцию ГТУ в вопросах осуществления контрольной функции в деятельности местных пенитенциарных учреждений.

В целом в период с февраля 1861 г. по февраль 1879 г., несмотря на его непродолжительность (по сравнению с предыдущим этапом), был сделан существенный шаг в формировании организационной основы контроля посредством создания

---

[1] Подробнее об этом см.: Общая разработка вопроса о необходимости коренного тюремного преобразования в России. С. 20–23.

[2] Устав о содержащихся под стражей и ссыльных / Свод законов Российской империи. Т.14.

[3] *Петренко Н. И.* Указ. соч. С. 246.

единого ведомственного органа, управлявшего системой исполнения уголовных наказаний. Это государственное решение позволило установить централизованный характер управления пенитенциарной системой, а также актуализировать ведомственный контроль.

В пореформенный период с февраля 1879 г. по март 1917 г. в структуре Высших органов власти, осуществлявших контрольную функцию в сфере исполнения уголовных наказаний, произошли изменения, связанные с ликвидацией в 1880 г. Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Все места заключения, подконтрольные ему, перешли под высший надзор товарища министра внутренних дел, заведовавшего и полицейскими органами.

В этом же году расширились полномочия ГТУ в области контроля за пересылкой арестантов в связи с подчинением ему должности Главного инспектора по пересылке арестантов[1], но только в вопросах пересыльной части.

В продолжение темы становления системы военно-исправительных тюрем Морского министерства следует отметить, что в 1883 г. при Императоре Александре III была учреждена Военно-исправительная плавучая тюрьма морского ведомства в Севастополе[2]. Непосредственный контроль за ее функционированием осуществлял командир Севастопольского порта, а общее заведование возлагалось на главного командира Черноморского флота и портов Черного моря, находившегося в Николаеве[3]. После 1901 г. вследствие перевода Главного морского управления из Николаева в Севастополь данная тюрьма полностью перешла под контроль командира Черноморского флота[4].

С целью освобождения губернской администрации от обязанностей по контролю за местами заключения с 1890 г. постепенно учреждались тюремные инспек-

---

[1] Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 13 июня 1880 г. «Об определении отношений инспекции пересылки арестантов Главному тюремному управлению» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 55, № 61078.

[2] Отчет по морскому ведомству за 1879–1883 гг. Санкт-Петербург, 1885. С. 129.

[3] Положение о Военно-исправительной плавучей тюрьме морского ведомства // Морской сборник. 1883. № 8. С. 15.

[4] *Бочаров А. А.* Указ. соч. С. 94.

ции. В тех губерниях, где данные органы не были введены в действие, осуществляли работу тюремные отделения, состоявшие в структуре губернского правления. Основная цель деятельности тюремного отделения заключалась в заведовании тюремно-арестантской, пересыльной и ссыльной частями в пределах соответствующей губернии. Тюремный инспектор состоял в непосредственном ведении губернатора, причем он исполнял права и обязанности вице-губернатора.

Имея в своем арсенале контрольно-надзорные, а также распорядительные функции, губернские тюремные инспекции могли претендовать на роль прокуратуры в вопросе контроля за местами заключения. Но это могло привести к конфликтным ситуациям между данными самостоятельными органами, в связи с чем МЮ издало ряд актов, разграничивавших полномочия инспекторов и прокуроров, и они стали функционировать по принципу взаимозаменяемости[1].

Таким образом, учредив тюремные инспекции, МВД имело своей целью упорядочить организацию контроля на местном уровне. Как отмечал А. П. Печников, «тюремные инспекции были призваны служить проводниками новых начинаний центрального органа, который, в свою очередь, через них получал возможность контролировать процесс тюремной реформы на местах»[2].

Смена ведомственной принадлежности ГТУ путем передачи его в 1895 г. под руководство МЮ позволила «разгрузить» МВД, в ведении которого по-прежнему оставалось губернское правление, продолжившее контролировать деятельность тюремных инспекций, по новому законодательству подчиненных уже МЮ.

В рамках рассматриваемого этапа произошло существенное увеличение количества учреждений, реализовывавших функцию контроля со стороны общественности. Активизировалась работа столичных филантропических организаций частного характера в лице благотворительных тюремных комитетов, Постоянного бюро съездов представителей русских исправительных заведений для несовершеннолетних, патронатных обществ, наблюдательных комиссий.

---

[1] Подробнее об этом см.: *Верховской К. В.* Указ. соч. С. 263.

[2] *Печников А. П.* Указ. соч. С. 260.

Благотворительные тюремные комитеты были призваны содействовать освобожденным из мест заключения в адаптации к жизни вне их стен, заботиться о семьях лиц, отбывавших наказание, а также отправленных в ссылку. Эти комитеты находились под покровительством императора и организовались на добровольной основе. Структура их органов отличалась от попечительных комитетов. В ее основу легли такие организации, как общее собрание и правление. В полномочия комитетов входили надзор за нравственным воспитанием заключенных, посещения острогов на предмет ознакомления с условиями содержания арестантов, забота о семьях арестантов[1]. Существенно затруднял работу благотворительных комитетов тот факт, что их полномочия распространялись только на столичные города.

В начале XX в. активизировалась деятельность обществ патроната. Свои надзорные полномочия патронат распространял лишь на лиц, вышедших на свободу по отбытии наказания. Деятельность данных обществ была многоаспектной: снабжение лиц одеждой, пищей, лекарствами; выдача ссуд и денежных пособий; содействие в помещении освободившихся лиц в специализированные убежища; всяческое способствование в отправлении их домой и т. д.[2] Аппарат управления обществ патроната был представлен правлением, общим собранием, ревизионными комиссиями. Все они находились в непосредственном взаимодействии с тюремным отделением губернии и ГТУ.

По мнению отдельных исследователей дореволюционной юридической науки, целесообразным было бы создание на тот момент Всероссийского общества патроната, под эгидой которого следовало объединить местные патронатные организации. Для этого предлагалось издать единый (нормальный) устав Общества[3]. Его проект был разработан в 1905 г., но вступить в свою полную силу он смог только в 1912 г. Именно с этого момента началось распространение данных органов на территории

---

[1] Подробнее об этом см., напр.: *Горбунова М. М.* Постпенитенциарный патронат за лицами, освобожденными из мест заключения, в Российской империи конца XIX в. (на примере опыта Санкт-Петербургского мужского благотворительно-тюремного комитета) // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 4(69). С. 123–129.

[2] Нормальный устав Общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната). URL: https://нэб.рф/catalog/000199_000009_004573744/viewer/ (дата обращения: 12.02.2026).

[3] *Познышев С. В.* Очерки тюрьмоведения. С. 289–291.

Империи. Всего в России к 1912 г. насчитывалось 117 обществ патроната[1].

Кроме того, в число субъектов общественного контроля входили Общества исправительно-воспитательных земледельческих колоний и ремесленных приютов, а также Постоянное бюро съездов представителей русских исправительных заведений (далее: Бюро). Компетенция данного органа включала реальные полномочия, позволяющие обеспечивать контроль за учреждениями, исполняющими уголовные наказания в отношении малолетних преступников. Помимо надзора Бюро выполняло и организационно-содействующую функцию, которая заключалась в осуществлении помощи в процессе создания приютов и колоний для несовершеннолетних правонарушителей, а также обеспечивало материальную поддержку их деятельности, оказывало содействие в нравственном воспитании подопечных составляли основу деятельности данных благотворительных организаций.

Таким образом, специфика формирования органов, осуществлявших контроль в сфере исполнения уголовных наказаний, в рамках заключительного этапа была обусловлена существенной реорганизацией органов местного управления, процессом смены ведомственной принадлежности и подчиненности отдельных органов на уровне центрального отраслевого управления, а также расширением состава субъектов общественного контроля за счет создания новых благотворительных обществ.

Резюмируя все вышеизложенное, следует признать сложность структуры субъектов, реализовывавших контрольную функцию в сфере исполнения уголовных наказаний в исследуемый период отечественной истории.

Не только государственные учреждения, как центральные, так и местные, в силу своей общей компетенции, но и отдельные благотворительные общества наряду со своими основными (отраслевыми) полномочиями наделялись контрольными функциями в сфере исполнения уголовных наказаний. Однако, поскольку большинство указанных субъектов реализовывали собственные непосредственные функции, закрепленные за ними законодательно, вопросам контроля за деятельностью тюремных органов и учреждений уделялось недостаточное внимание, что

[1] Отчет по Главному Тюремному Управлению за 1915 год // Тюремный вестник. 1917. № 1. С. 90. Прил. к журн.

негативно отражалось на всех направлениях деятельности тюремной системы Российской империи.

Глава 2 РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИИ КОНТРОЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX вв.

2.1 Контрольная деятельность высших органов власти и отраслевого управления за исполнением уголовных наказаний в России периода XIX – начала XX вв.

Контроль со стороны органов и должностных лиц высшего аппарата управления империи, представленных в предыдущем параграфе, осуществлялся в пенитенциарной сфере наподобие реализации данной функции в иных областях государственной и общественной жизни.

Преимущественно контрольная деятельность сводилась к следующему:

1) к формированию нормативно-правовой базы, регламентировавшей ключевые направления развития сферы уголовно-исполнительных отношений;

2) к проведению кадрового управления и планирования. К примеру, назначение президента Общества Попечительного о тюрьмах[1], а также вице-президентов его территориальных комитетов[2] являлось прерогативой императора;

3) к утверждению уставов благотворительных учреждений и обществ. В качестве примера отметим Устав мужского и дамского благотворительно-тюремных комитетов, действовавших в Санкт-Петербурге, утвержденный совместным решением императора и Государственного совета[3];

4) к реорганизации управления местами заключения гражданского ведомства[4]. Преимущественно этим вопросом занимался Государственный совет[5];

---

[1] Правила для Общества Попечительного о тюрьмах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 36, № 27895.

[2] Отдел официальный. Высочайшие повеления. Движение по службе. По обществу Попечительному о тюрьмах // Тюремный вестник. 1893. № 10. С. 369.

[3] Устав состоящих под Высочайшим покровительством Санкт-Петербургских мужского и дамского благотворительно-тюремных комитетов // Там же. № 8. С. 283–289.

[4] Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1893. № 113, ст. 935.

[5] Напр.: Об управлении и надзоре в исправительных арестантских отделениях и об открытии

5) к установлению правил распоряжения бюджетными ассигнованиями. Например, собственным мнением Государственный совет предложил изменить порядок разрешения комитетам и отделениям Общества Попечительного о тюрьмах усиленной платы из казны за содержание и лечение больных арестантов при недостаточности экономических средств. Император Николай II одобрил осуществление данного предложения[1];

6) к мониторингу отчетности, поступавшей из органов, исполнявших наказания. Доставляемые отчеты в большинстве случаев выступали в качестве единственного информационного источника, отражавшего состояние деятельности мест заключения. От регулярности периодичной отчетности низших органов перед высшими, по мнению И. Я. Фойницкого, зависел успех тюремного надзора[2]. Обязанность отчитываться ежемесячно перед императором законодательно закреплялась за прокурорами и стряпчими губерний указом Сената от 5 июля 1837 г.[3]. Отправлять отчеты должна была и губернская администрация. В одном из указов было установлено, что в целях обеспечения учета лиц, содержащихся под стражей, губернским правлениям предписывалось представить в установленный срок ведомости о колодниках за 1800 год. В дальнейшем на правления была возложена обязанность направлять в оперативном порядке квартальные и годовые отчеты по утвержденной форме[4].

Следует отметить, что поступавшие в адрес руководства империи отчетность и донесения подлежали не только формальному учету, но и пристально изучались. Особый интерес вызывали случаи нарушения режима содержания заключенных, а

нового отделения в г. Вологде : мнение Гос. совета от 12 марта 1882 г. // Там же. 1882. № 23, ст. 141.

[1] Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1905. № 116, ст. 1034.

[2] *Фойницкий И. Я.* Указ. соч. С. 388.

[3] Указ Сената, объявленный по Высочайшему повелению, от 5 июля 1837 г. «Об обязанности губернских прокуроров и уездных стряпчих доносить ежемесячно Государю Императору в собственные руки о содержащихся арестантах» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 12, № 10417.

[4] Указ Сената от 21 сентября 1800 г. «О доставлении ведомостей о преступниках в Сенат из губерний о прошествии каждой трети года, по приложенной форме» // Там же. Собрание 1. Т. 26, № 19564.

также ведения арестантских дел. Например, Николай I, рассмотрев записку министра юстиции о причине долгого делопроизводства в отношении заключенного, вынес акт реагирования и повелел объявить выговор Смоленскому губернатору за «медленность разрешения» арестантских дел во вверенной ему губернии, а также поручил прокурорам взять под личное наблюдение исполнение своего решения[1]. Подобный случай не единичный в контрольной практике высших органов власти, что, безусловно, свидетельствует о наличии обратной связи в осуществлении контроля за ходом арестантских дел;

7) к работе со всякого рода обращениями, поступавшими из мест заключения империи. Механизм рассмотрения обращений, как жалоб, так и прошений, регламентировался нормами мнения Государственного совета от 21 марта 1890 г.[2] Вопросы помилования заключенных, а равно смягчения их участи решались только по воле императора. Отдельные исследователи отмечают, что жалобы в Российской империи выступали в качестве правозащитного средства[3]. Тем самым высшие органы власти, реализуя контрольную функцию посредством рассмотрения жалоб заключенных, гарантировали охрану правового положения арестантов в местах заключения.

В практике деятельности высших органов государственной власти наличествовали случаи непосредственного осуществления контроля за деятельностью отдельных мест заключения доверенными лицами от имени руководства империи. В качестве примера стоит привести командирование в 1831 г. по поручению Николая I флигель-адъютанта Гогеля с целью инспектирования на предмет состояния всех тюрем Сибири[4].

---

[1] Положение Комитета министров от 27 апреля 1826 г. «Об ускорении решения всех дел, а наипаче таковых, по коим есть арестанты» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 1, № 281.

[2] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 21 марта 1890 г. «О порядке принятия и направления прошений и жалоб, на Высочайшее Имя приносимых» //Там же. Собрание 3. Т. 10, № 6647.

[3] Напр.: *Ростовщиков И. В., Косолапов А. В.* Становление жалобы как правозащитного средства в царской России: историко-правовой аспект // Вестник Евразийской академии административных наук. 2024. № 1(66). С. 86–90.

[4] Подробнее об этом см.: *Соколовский М.* Русская тюремная старина. Состояние тюрем в 1831 году // Тюремный вестник. 1903. № 3. С. 284–286.

Императоры также могли лично посетить интересовавшие их места содержания заключенных. Популярный публицист того времени В. Н. Никитин в своем труде «Тюрьма и ссылка» описывал случай посещения в октябре 1824 г. Вологодского тюремного замка императором Александром I, акцентируя, что «…Император помнил тюрьмы … и проездом через Вологду … тщательно обозрел тамошний тюремный замок»[1]. При посещении тюрем императоры делали акцент на соблюдении законных предписаний и при обнаружении недостатков выносили личное решение. Так, Государь Николай I, проводя личный осмотр Псковского острога, заметил совместное содержание лиц разного возраста, «а потому повелел – малолетних не держать в тюрьмах, а отдавать в военно-сиротские отделения»[2].

Контроль Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии в большей степени сводился к сбору отчетов подведомственных учреждений с целью последующего их доставления государю. Преимущественно отчетная документация была представлена рапортами губернских прокуроров, подаваемых во исполнение Проекта «Об арестантах», объявляемого Высочайшим повелением управляющему Министерством юстиции[3]. Так, например, по сведениям I отделения Канцелярии к 1832 г. доставлено 2 278 рапортов об арестантах[4]. Интерес также представляла информация о земских повинностях на содержание тюремных помещений в губерниях. Хотя, как свидетельствуют исторические источники, далеко не все губернии присылали такие отчеты, ситуация стабилизировалась лишь после особого распоряжения Николая I местным властям, предписавшего «доставить немедленно отчеты за недостающие года и впредь присылать их неукоснительно под страхом строгой ответственности за это»[5].

Обозревание мест заключения губерний также проводилось чинами Канцелярии. Например, статс-секретарь А. С. Танеев по результатам личного посещения

---

[1] *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. С. 43, 44.
[2] Там же. С. 280.
[3] Указ от 18 февраля 1830 года № 381 // *Строев В. Н.* Указ. соч. С. 168.
[4] Там же. С. 170.
[5] Там же. С. 46.

острогов Житомира, Могилева и Витебска представил на Высочайшее имя расширенный доклад, в котором отметил антисанитарию помещений тюремных замков, нарушения в порядке размещения арестантов, отсутствие лечебниц[1]. Подобное неудовлетворительное состояние инспектор связал с недостатком материальных средств и отсутствием инструкции к руководству у губернского начальства. Стоит отметить, что контроль чинами Канцелярии осуществлялся не только с целью выявления существовавших недостатков в состоянии мест заключения, но и внесения предложений по совершенствованию условий отбывания наказания. Так, А. С. Танеев в своем докладе, упомянутом выше, ходатайствовал о постройке новых зданий тюрем, о замене нар кроватями, о составлении министерствами инструкций для должностных лиц губерний из уже существующих положений о местах заключения[2]. Данные донесения не оставались без внимания высшего руководства Империи. Напротив, императоры тщательно знакомилось с отчетной документацией и выносили на этот счет волеизъявления. Так, изучив доклад А. С. Танеева, император повелел следующее: «…чтоб немедленно приступлено было к исправлению замеченных упущений … чтоб было распоряжение о повсеместном подтверждении, дабы сила сего Указа неослабно наблюдалась»[3].

Осуществление контроля высшими органами государственной власти в пенитенциарной сфере имело фундаментальное значение для дальнейшего ее успешного функционирования, что обуславливалось наличием у данных органов нормотворческой компетенции. В подтверждение данной мысли стоит привести выдержку из положений Мнения Государственного совета «Об устранении отступлений в порядке издания законов» о том, что «Империя управляется на твердых основаниях положительных законов, … от Самодержавной власти исходящих»[4].

---

[1] *Строев В. Н.* Указ. соч. С. 254.

[2] Дело № 320 «О произведенном осмотре действительным статским советником Танеевым тюремных заведений и арестантских дел по тракту от Одессы до Санкт-Петербурга в 1828 году» // *Строев В. Н.* Указ. соч. С. 255.

[3] Там же. С. 257.

[4] Мнение Государственного совета от 6 июня 1905 г. «Об устранении отступлений в порядке издания законов» // Тюремный вестник. 1905. № 7. С. 437.

Как показал анализ правовой регламентации контроля, значимая часть нормативных актов была принята руководством империи и, в частности, касалась учреждения нижестоящих органов, наделенных контрольными полномочиями, установления порядка ведения и представления отчетности, общей организации контрольной деятельности.

Контроль в сфере исполнения уголовных наказаний со стороны центральных органов отраслевого управления осуществлялся МВД[1], МЮ, Военным министерством, Главным управлением путей сообщения и публичных зданий, Морским министерством.

Поскольку система исполнения уголовных наказаний в период 1819–1895 гг. находилась в подчинении МВД по линии ДПИ, данное министерство было наделено максимально широким спектром контрольных полномочий в вопросе ее функционирования.

В рамках заявленного периода был издан достаточно большой объем инструкций и циркуляров, установивших требования к порядку осуществления контроля за функционированием системы исполнения уголовных наказаний. Например, определен состав контролировавших органов и их полномочия[2], порядок отчетности по результатам инспектирований[3], и другие.

Контрольная функция осуществлялась ДПИ преимущественно посредством реализации перечисленных ниже полномочий:

---

[1] Здесь не названо Министерство полиции, поскольку под его руководством тюремная часть находилась незначительное время, впоследствии и сам орган был передан в ведение МВД.

[2] Напр.: Циркуляры ДПИ от 17 октября 1855 г. № 221 «О лицах, на которых возложен особый надзор за тюрьмами», от 30 ноября 1870 г. № 394 «Об учреждении деятельности Особого Инспектора для наблюдения за пересылкою арестантских партий по линии южных железных дорог и о порядке сношения с инспекторами» и др.

[3] Напр.: Циркуляры ДПИ от 18 сентября 1865 г. № 161 «О доставлении сведений о числе мест заключения и содержащихся в оных», от 23 августа 1867 г. № 181 «О доставлении ведомостей о числе мест в тюрьмах и других местах заключения и числе содержащихся в них», от 2 октября 1874 г. № 116 «О доставлении в Министерство через каждые два месяца сведений о числе содержащихся в местах заключения» и др.

1. Запрос и проверка отчетов подведомственных органов. В приоритете у департамента состояли сведения о расходах на арестантов[1], о происшествиях в местах заключения[2], о чем свидетельствовали выдержки из текстов циркуляров следующего содержания: «Из донесений командируемых в тюрьмы губерний чиновников … и из других сведений следует, что правила … совсем не исполняются»[3], «до министра на постоянной основе доходят сведения о беспорядках в тюрьмах…»[4].

Формы отчетной документации устанавливались непосредственно ДПИ, среди них наиболее информативными по содержанию были ведомости. В качестве примера можно привести ведомости по обороту капиталов тюремных комитетов губерний[5]. Для повышения эффективности контрольной деятельности и точности отчетов МВД могло устанавливать определенные сроки проверки, о чем свидетельствует, например, приказ министра внутренних дел «Об обязанности гражданских губернаторов объезжать один раз в году вверенные им губернии», предписывавший «по обозрению городов и уездов, ревизуя в них тюрьмы и прочие места управления, доносить каждый раз Министерству внутренних дел»[6].

С целью установления единообразия отчетной документации МВД определило форму «образцового отчета» для начальников губерний. Так, в циркуляре от 28 января 1844 г. № 514 министр отмечал следующее: «При рассмотрении предоставленных мне годовых отчетов начальников губерний я нашел, что хотя отчеты

---

[1] Напр.: указ Сената от 7 октября 1829 г. «О доставлении сведений Министерству внутренних дел о тех приношениях, которые впредь будут завещаемы в пользу тюрем и арестантов» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 4, № 3217.

[2] Напр.: Циркуляры ДПИ от 7 июля 1867 г. № 6408 «О предоставлении особых донесений о побегах арестантов», от 1 марта 1868 г. № 38 «О доставлении сведений о числе содержащихся в местах заключения и о количестве свободных в них помещений».

[3] Об особом надзоре за всеми местами заключения и содержащимися в оных арестантами : циркуляр ДПИ от 5 нояб. 1859 г. № 197 // Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел с 1859 по 1979 гг. С. 2.

[4] Об устранении беспорядков в тюремных замках : циркуляр ДПИ от 23 янв. 1862 г. № 11 // Там же. С. 20. ; О мерах к прекращению злоупотреблений этапных команд при пересылке арестантов : циркуляр ДПИ от 14 янв. 1864 г. № 8 // Там же. С. 58.

[5] Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург, 1854. Т. 1. С. 341.

[6] Именной указ, объявленный гражданским губернаторам Управляющим министерством внутренних дел, от 18 октября 1827 г. «Об обязанности гражданских губернаторов объезжать один раз в году вверенные им губернии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 2, № 1479.

в большинстве своем признаны удовлетворительными, но вместе с тем некоторые предметы и данные излагаются не вполне отчетливо, в одних только общих выражениях, о других предметах вовсе умалчивается»[1]. В данном циркуляре также содержались дополнения и пояснения ряда статей образцового отчета, включая статью о тюрьмах и этапах, при заполнении которой губернаторам предписывалось указывать «число содержавшихся в тюрьмах за разные наказания, предусмотренные новым Уложением, относительно же этапов объявлять, по каким трактам введена новая система препровождения арестантов»[2].

Следует отметить, что наиболее эффективно МВД использовало отчеты в середине XIX в. – в период проведения тюремной реформы. В 1862 г. был издан циркуляр, предписавший губернскому начальству доставить положительные сведения о состоянии пенитенциарного ведомства. Итогом собранных сведений стало издание «Материалов по вопросам преобразования тюремной части в России»[3].

2. Работа с обращениями арестантов. Причинами обращения зачастую становились нарушение надзирателями норм уголовно-исполнительного законодательства[4], недовольство заключенных питанием[5], требование отправки к арестантам их семейств, если речь шла о ссылке[6]. Порядок доставления прошений регулировался циркулярным распоряжением от 31 октября 1867 г. № 241 «О порядке предоставления в МВД просьб, адресуемых на имя сего министерства лицами, содержащимися в местах заключения»[7].

3. Посещение пенитенциарных учреждений и мест ссылки. О необходимости

---

[1] О доставлении образцового отчета для руководства при составлении вида отчетов о состоянии губернии : циркуляр МВД от 28 янв. 1844 г. № 514 // ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 118. Л. 14.

[2] ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 118. Л. 16–17.

[3] Материалы по вопросу преобразования тюремной части в России. Санкт-Петербург, 1865.

[4] Подробнее об этом см.: О соблюдении ст. 48 Т. 14 Устава о ссыльных при отправке в Сибирь ссыльных : циркуляр ДПИ от 4 окт. 1863 г. № 170 // Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел с 1859 по 1979 г. С. 36.

[5] О выдаче пересыльным арестантам во время постов вместо говядины рыбы : циркуляр ДПИ от 7 марта 1863 г. № 28 // Там же. С. 34.

[6] О соблюдении установленных правил при разрешении просьб ссыльных о высылке к ним семейств : циркуляр ДПИ от 22 мая 1865 г. № 3915 // Там же. С. 106, 107.

[7] Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел с 1859 по 1979 г. С. 216.

таких командировок заявлял министр внутренних дел А. Е. Тимашев, отмечая, что «беззаботность и невнимание к устроению быта мест заключения лишают их подлинного смысла»[1].

Инспектирование тюрем осуществляли как директор ДПИ в целях «ознакомления с настоящим положением дел в тюрьмах и с тем, каким образом применяются и насколько выполняются существующие по тюремной части постановления»[2], так и утвержденные министром внутренних дел лица. В качестве исторического примера приведем визит директора ДПИ Косаговского в 1869 г. в места содержания арестантов Владимирской губернии. По архивным сведениям, в итоге ревизии им были представлены следующие предложения: регламентация внутреннего режима должна предусматривать ряд обязательных требований, которые заключались в предоставлении доступа во внутреннюю часть учреждения только при наличии специального разрешения, выданного тюремными комитетами или соответствующими отделениями; обеспечении требований по строго раздельному содержанию арестантов различных категорий в разных и постоянно запертых камерах; соблюдении запрета на хранение и использование личного имущества заключенными[3].

Вместе с тем инспектирование использовалось редко, но позволяло объективно оценить обстановку на местах. Так, в 1842 г. по распоряжению МВД было проведено обозрение ряда губерний с целью осмотра мест заключения. Согласно донесениям проверяющих, в Архангельской губернии «тюрьма помещается в весьма тесном доме, чистота и опрятность неудовлетворительны, разные отчетные книги ведутся с упущением…»[4]. Аналогичная ситуация была установлена и в Ря-

---

[1] ГАВО. Ф. 798. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

[2] По обозрению Директором ДПИ, действующим статским советником бароном Велио, мест заключения и пересыльной части в некоторых губерниях : циркуляр ДПИ от 8 июля 1867 г. № 151 // Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел с 1859 по 1979 г. С. 193 ; По обозрению Директором ДПИ мест заключения в некоторых губерниях : циркуляр ДПИ от 15 янв. 1870 г. № 8 // Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел. Санкт-Петербург, 1870. С. 9.

[3] ГАВО. Ф. 798. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

[4] Выписка из донесений чиновников, командируемых для обозрения Архангельской губернии // Приложение к Сборнику циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел.

занской губернии: «Каменные остроги чрезвычайно сыры, в Касимове главное неудобство острога состоит в том, что все его части разбросаны»[1].

Результаты личного инспектирования выступали основанием для вынесения МВД циркулярных предписаний об устранении или корректировке недостатков[2].

4. Составление сметы расходов на содержание заключенных и утверждение ежегодных табелей о суммах на прокормление арестантов[3].

ДПИ контролировал организацию пересылки арестантов. Как свидетельствуют исторические источники, при обозрении делопроизводства Санкт-Петербургской управы благочиния было замечено, «что присылаемые по разным случаям арестанты остаются в пути слишком долгое время … и о причинах остановки не сообщается начальству; что распоряжения о некоторых присылаемых арестантах замедляются по несвоевременному доставлению о них дел теми местными начальствами, коими арестанты отправлены»[4]. В целях улучшения положения ссылочных партий министерство утвердило перечень инспекторов для координирования процесса пересылки арестантов.

Вся статистическая отчетность, касавшаяся расходов пересылки, специфики перевозки заключенных по железнодорожным маршрутам, впоследствии представлялась в ДПИ. Отчетные сведения могли носить как годовой характер (о состоянии конвойных команд; ночлежных и промежуточных зданиях; лошадях и повозках на станциях; ссыльных и пересыльных арестантах; состоянии оружия), так и полуго-

---

Санкт-Петербург, 1854. Т. 1. С. 72.

[1] Выписка из донесений чиновников, командируемых для обозрения Рязанской губернии // Там же. С. 81, 82.

[2] Циркуляры ДПИ от 8 апреля 1860 г. № 39 «О соблюдении правил относительно размещения арестантов в тюрьмах», от 3 сентября 1861 г. №110 «Об устранении неудобств внутреннего размещения арестантов в тюремных замках» от 23 января 1862 г. № 11 «Об устранении беспорядков в тюремных замках», от 24 июля 1862 г. № 100 «Об усилении надзора за местами содержания арестантов».

[3] Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 5 марта 1835 г. «О предоставлении министру внутренних дел утверждать составляемую ежегодно табель о деньгах на прокормление арестантов в местах их содержания» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 10, № 7923.

[4] Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел. Т. 1. С. 298.

довой (перечневый счет о числе арестантов и членов их семей; числе взятых подводах; кормовых деньгах; количестве выданных вещей)[1].

Контроль инспекторами пересыльной части исполнялся как посредством личного посещения этапных путей, так и через разбор поступивших от губернской администрации сведений. Имели место быть случаи непредоставления либо несвоевременного предоставления данных в распоряжение инспекторов пересыльной части[2], что нарушало регулярность реализации контрольных полномочий.

Надзор за исполнением наказаний в отношении государственных преступников с 1882 г. вошел в обязанности товарища министра внутренних дел[3].

Из вышеизложенного следует, что МВД контролировало деятельность всех мест заключения гражданского ведомства, мест заключения политических преступников, а также пересыльную часть.

МЮ контролировало процесс исполнения наказаний с целью «усугубления надзора, дабы дела в подчиненных ему местах, имели успешное течение, чтобы законы и указы повсюду неизменно исполнялись …»[4]. Для этого оно разработало в 1802 г. циркулярный ордер, утвердивший Инструкцию для лиц местного прокурорского надзора[5], которым вменялось в обязанность трижды за год доставлять руководству министерства рапорты о правонарушениях, справки по должностным проступкам и преступным деяниям, а также перечневые ведомости о заключенных, протесты[6].

Архивная документация свидетельствует о реальности проведения проверок поступивших в министерство сведений и принятия мер реагирования. Так, в цир-

---

[1] Циркуляр ДПИ от 9 февраля 1867 г. // Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел с 1859 по 1979 г. С. 168–170.

[2] О своевременном доставлении Главному Инспектору сведений о преступниках, подлежащих высылке в Сибирь : циркуляр ДПИ от 4 сентября 1873 г. № 135 // Там же. С. 459.

[3] Высочайше утвержденная Инструкция Товарищу министра внутренних дел, заведующему государственной полицией, от 16 июля 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 2, № 1022.

[4] Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902 : ист. очерк. Санкт-Петербург, 1902. С. 47.

[5] *Муравьев Н. В.* Указ. соч. С. 323–326.

[6] Свод законов Российской империи. Т. 2, ч. 1, ст. 2479.

куляре Департамента МЮ 1877 г. № 20062 предписывалось: «Признав необходимым в видах полученных точных сведений о числе арестантов и лиц, содержащихся под стражей, в местах заключения Европейской России, произвести однодневную перепись упомянутых лиц и установить в видах сего особой формы тюремных листков и ведомостей»[1]. На тот момент подобная перепись была вызвана необходимостью тюремной реформы и имела своей целью собрать точные и актуальные сведения об общем числе лиц, содержавшихся в местах заключения, «тем самым получить необходимые данные при проектировании различных заключительных мер, касающихся тюремного дела»[2]. Указанное обстоятельство еще раз доказывает первостепенную роль государственного контроля в процессе реформирования ведомства.

Министром юстиции также проводилось личное обследование пенитенциарных учреждений. Так в истории имел место факт посещения в 1903 г. министром Н. В. Муравьевым одиночной тюрьмы г. Санкт-Петербурга, в ходе которого им были отмечены позитивные изменения в деятельности указанного места заключения[3].

Детали контрольной деятельности по линии МЮ прослеживаются в практике работы прокуратуры и судебных органов.

Принятый в 1832 г. Свод законов Российской империи впервые в истории обособил прокурорский надзор в самостоятельное направление контрольной деятельности за местами заключения. По мнению С. М. Казанцева, органы прокуратуры, согласно данному кодифицированному акту, должны были контролировать охранение общего благоустройства в губернии, решение казенных дел, суд и расправу[4]. Наблюдение за законностью содержания в местах заключения, а также за условиями отбывания наказания входило в обязанности прокуроров в рамках первого направления.

---

[1] ГАВО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 75. Л. 22.

[2] ГАВО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 75. Л. 23.

[3] Подробнее об этом см.: Посещение господином Министром юстиции Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы // Тюремный вестник. 1903. № 7. С. 584–586.

[4] *Казанцев С. М.* История царской прокуратуры. Санкт-Петербург, 1993. С. 115.

Как было отмечено выше, в середине XIX в. органы прокуратуры претерпели изменения в своем субъектном составе, что было связано с претворением в жизнь идей судебной реформы. С учетом этого, контроль прокуратуры исследуемого периода разделился на два вектора: надзор, действовавший на основании прежнего судоустройства, и надзор, осуществляемый на основании Судебных уставов Императора Александра II. В результате проведения судебных преобразований 1864 г. прокурорский надзор за функционированием системы исполнения уголовных наказаний расширил свои полномочия. В частности, из так называемой судебной прокуратуры были выделены органы губернского прокурорского надзора. И если в дореформенный период прокурорское наблюдение осуществлялось в основном за предварительно заключенными лицами, в отношении которых велось производство по уголовному делу, то после реформы оно стало проводиться в отношении всех арестантов, независимо от вида заключения.

Согласно новому судебному законодательству, контрольные полномочия органов прокуратуры дополнились следующими позициями:

– проверять наличие у арестантов копии постановления о задержании[1]. На этот счет циркуляром МВД предписывалось: «В порядке наблюдения за правильностью оснований к содержанию под стражей лица прокурорского надзора, обязанные освобождать неправильно лишенных свободы, предварительно самого освобождения, должны удостовериться, имеется ли в данном месте заключения копия постановления о взятии под стражу»[2]. О практике подобных проверок на местах свидетельствует письмо прокурора Владимирского окружного суда от 14 марта 1916 г. № 140 со следующей просьбой: «Прошу начальника Владимирской губернской тюрьмы сообщить мне, имеется ли во вверенной Вам тюрьме копия постановления судебного следователя о содержании под стражей арестанта Савинского»[3];

---

[1] Циркуляр Департамента Министерства юстиции, адресованный прокурору Московской Судебной палаты // ГАВО. Ф. 107. Оп. 3. Д. 2. Л. 97, 98.

[2] Циркуляр МВД от 11 ноября 1868 г. № 2867 // Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 35.

[3] Наряд № 10 Прокурора Владимирского окружного суда «По наблюдению за местами заключения и вообще арестантской переписки», дело «О содержании заключенных в тюрьмах

– вести контроль над взысканием с арестантов судебных издержек. По этому поводу МЮ было дано циркулярное распоряжение прокурорам «озаботиться точным исполнением требований о том, чтобы о зачислении судебных издержек в недоимку за осужденными к лишению свободы сообщалось той казенной палате, в районе которой обвиненный имел постоянное место жительства до суда»[1].

Представляет интерес и возникшая в пореформенный период правовая составляющая контрольно-надзорной деятельности прокуратуры. Компетенция органов прокуратуры пополнилась более сложными по юридической природе полномочиями, например, такими как освобождение из-под стражи незаконно осужденных лиц, распоряжения в адрес представителей тюремной администрации. Справедливо подмечено, что «именно с обретением правового характера деятельность прокурора в рамках тюремного контроля начинает приобретать отдельные черты надзора – внешнего наблюдения с возможностью позитивного или негативного обязывания подконтрольных должностных лиц путем применения соответствующих правовых средств»[2]. В остальном же изменений не последовало.

Анализ исторических источников показал, что органы прокуратуры осуществляли контрольную функцию по двум направлениям: в первом случае они контролировали законность деятельности иных органов, наделенных контрольными полномочиями в исследуемой сфере правоотношений; во втором – надзирали за законностью уголовно-исполнительной деятельности непосредственно на местах.

Прокурорские работники принимали участие в заседаниях комитетов благотворительных обществ, а также комиссий по вопросам условно-досрочного освобождения[3]; осуществляли ознакомление с их документацией.

В пределах территориальных границ губерний прокуроры вправе были осуществлять:

Владимирской губернии, их прошения о переводе, освидетельствовании и оказании помощи семьям» // ГАВО. Ф.107. Оп. 2. Д. 79. Л. 13.

[1] О порядке взыскания с арестантов судебных издержек : циркуляр МЮ от 24 июля 1893 г. № 18702 // Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 36.

[2] *Воронин О. В.* Указ. соч. С. 42.

[3] Данная обязанность прокуроров появилась в начале XX в. в связи с принятием закона об условно-досрочном освобождении.

1. *Сбор данных о состоянии мест заключения, доставляемых тюремной администрацией.* Так, в циркуляре МЮ от 12 февраля 1913 г. № 1311 указывалось: «Поручаю вам собрать и иметь у себя наготове впредь до особого распоряжения самые точные сведения о всех лицах, содержащихся в местах заключения вверенного вашему надзору округа; о преступных деяниях, за совершение коих эти лица осуждены; о сроках, отбытых ими в заключении или остающихся до освобождения»[1]. По свидетельству архивных источников, запросы на представление сведений оформлялись в виде писем, отношений. Например, в письме прокурора Владимирского окружного суда от 13 января 1894 г. № 382, адресованном начальнику Юрьевской тюрьмы, сказано следующее: «Имею честь просить, согласно прилагаемой при сем ведомости, доставить ко мне сведения о содержащихся под стражею в 1893 году в вверенной Вам тюрьме не позднее 25 января 1894 года»[2]. Отношения, как правило, исходили от товарищей прокуроров и в целом были идентичны письмам. Например, в отношении товарища прокурора Владимирского окружного суда по Суздальско-Юрьевскому участку от 30 января 1885 г. № 52 отмечалось следующее: «Прошу Вас в самом непродолжительном времени предоставить мне ведомость об арестантах, заключенных под стражу ранее 17 апреля 1884 года»[3]. На имя лиц прокурорского надзора поступали докладные записки от тюремной администрации и рапорты от местной полиции. В основном они содержали сведения о происшествиях в местах заключения, наиболее частыми из них были побеги[4].

2. *Обозрение пенитенциарных учреждений*. В этом случае при еженедельном инспектировании тюремных замков лица прокурорского надзора были обязаны удостовериться посредством проверки билетов каждого из арестантов, где и с какого времени производятся дела о них, в каком они положении и не допускается ли в их производстве какой-либо остановки или медленности.

---

[1] ГАВО. Ф. 107. Оп. 2. Д. 39. Л. 1.

[2] ГАВО. Ф. 798. Оп. 1. Д. 138. Л. 88.

[3] Там же. Д. 5. Л. 8.

[4] Напр.: Докладная записка от начальника Гороховецкой тюрьмы Товарищу прокурора Владимирского окружного суда «О побеге арестанта М. М. Васина» // Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1307. Л. 11 ; Рапорт Судогодской уездной полиции о побеге арестанта Ф. Г. Джаркова-Джанко от 2 января 1917 года № 4641 // ГАВО. Ф. 107. Д. 1308. Л. 17.

Вся информация о количестве посещений тюрем лицами прокуратуры в пределах губернии сосредоточивалась в годовых ведомостях о деятельности прокуроров окружных судов. В качестве примера можно привести ведомость о деятельности прокурора Владимирского окружного суда за 1912 г. Согласно данному документу, за указанный период места заключения посещали: лично прокуроры Окружного суда – 9 раз; товарищи прокурора – 24 раза; участковые товарищи прокурора по участкам: Владимирскому – 10 раз, Покровскому – 16, Вязниковско-Судогодскому – 35, Ковровско-Гороховецкому – 32, Муромско-Меленковскому – 18, Шуйско-Суздальскому – 25 и др. В итоге всего по Окружному суду упоминается 209 посещений[1]. В среднем такое посещение можно назвать частым, практическим ежемесячным.

При посещении пенитенциарных учреждений обращалось пристальное внимание на заключенных как гражданского, так и военного ведомства, конкретно на то, «содержат ли их в состоянии человеколюбия»[2]. Прокуроры изучали жалобы и выслушивали прошения. Обязанность просматривать и отправлять «бумаги, писаные арестантами», была закреплена циркуляром МВД № 1024. Жалобы могли быть адресованы как лично прокурорам[3], так и в другие инстанции, например, прошение содержавшегося под стражей во Владимирской губернской тюрьме жителя г. Омска Сидорова Егора Васильевича на имя председательницы Омского благотворительного общества от 12 января 1916 г., в котором заключенный испрашивал помощи и покровительства его семье[4]. Через прокурора прошения также направлялись губернаторам и в губернское правление. В фондах регионального архива хранятся письма товарища прокурора Владимирского окружного суда с жалобами от арестантов, адресованные Владимирскому губернатору[5].

---

[1] ГАВО.Ф. 107. Оп. 2. Д. 22. Л. 1-6.

[2] О наблюдении гражданина прокурора за содержанием арестантов // ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 1. Л. 15.

[3] Прошение Прокурору Смоленского Окружного Суда от арестанта Фринца // Там же. Ф. 107. Оп. 2. Д. 79. Л. 50.

[4] Прошение Прокурору Смоленского Окружного Суда от арестанта Фринца // ГАВО. Ф. 107. Оп. 2. Д. 79. Л. 107.

[5] Напр.: Дело по отношению прокурора Владимирского окружного суда по Суздальско-Юревецкому участку с прошениями арестантов Юрьевской тюрьмы о неправомерных действиях начальника тюрьмы // Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20364. Л. 1-5.

Следует отметить, что прошения в адрес прокуратуры поступали часто и в большом объеме. Так, 20 ноября 1904 г. только от начальника Владимирской губернской тюрьмы было получено 9 рапортов о наличии жалоб от заключенных[1]. А всего в период с 20 по 25 ноября получено 16 рапортов[2].

Кроме того, существовала практика принятия жалоб от арестантов при личном инспектировании мест заключения. Например, при посещении 10 мая 1906 г. Владимирской губернской тюрьмы прокурору Владимирского окружного суда были заявлены жалобы арестантов по следующим вопросам: «на крайнее загрязнение всех камер и переполнение оных, на неудовлетворительность деревянных нар, на частые случаи грубого и неуместного обращения с арестантами наличного тюремного персонала». Мерой прокурорского реагирования в данном случае было вынесение отношения прокурора к губернатору Владимирской губернии[3]. О наличии жалоб у заключенных свидетельствовали также записи в книгах посетителей конкретных мест заключения. Так, 10 апреля 1906 г. товарищем прокурора по Шуйскому уезду Шмаровым в книге посетителей Шуйской тюрьмы за 1906 г. была оставлена запись следующего содержания: «При посещении тюрьмы арестанты почти всех камер заявили претензию на дурное качество отпускаемого им хлеба … Ввиду плохого состояния бани они лишены возможности париться…»[4]. Особый интерес для исследователя вызывают ответы руководства мест заключения на выявленные жалобы: как правило, оно старалось исправить все выявленные недостатки и донести об этом прокурору. Например, в своем объяснении начальник Шуйской уездной тюрьмы указал следующее: «В настоящее время хлебопекарь научился печь хлеб, плохое состояние бани получилось от того, что каменка провалилась и нет возможности париться, но действие бани не остановлено»[5]. В ра-

[1] Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 906. Л. 58-65.

[2] Там же Л. 58-73, 77.

[3] Отношение прокурора Владимирского окружного суда от 10 мая 1906 г. № 6664 Владимирскому губернатору // Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20363. Л. 1.

[4] Выписка их книги посетителей Шуйской тюрьмы за 1906 год // Там же. Л. 2.

[5] Выписка их книги посетителей Шуйской тюрьмы за 1906 год // ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20363. Л. 2.

порте начальника Владимирской губернской тюрьмы от 4 июня 1906 г. № 3265 отмечалось: «В тех камерах, где находились деревянные нары, все заменены на новые. В настоящее время происходит ремонт камер, и меры по устранению клопов применяются следующие – соскребается старая штукатурка»[1].

Не менее интересны ответы прокуроров на просьбы арестантов. В большинстве своем они не удовлетворялись либо «были рассмотрены, но оставлены без последствий»[2]. Еще одной примечательной особенностью является наличие факта получения жалоб не напрямую прокурором, а через Московский столичный адресный стол. Примером такого прошения может быть письмо к Владимирскому окружному прокурору от заключенного Н. Н. Афонина[3]. И если учесть, что оно было написано 21 сентября, а получено прокурором 18 октября, можно сделать вывод, что в контрольной деятельности прокуратуры по линии принятия и рассмотрения жалоб преобладали бюрократические начала. Сложившаяся ситуация во многом препятствовала эффективности прокурорского надзора и способствовала затягиванию разрешения арестантских дел. Но, несмотря на указанные проблемные аспекты, подобная практика взаимодействия позволила выделить наравне с надзорной юридическо-консультационную функцию прокуратуры.

Наряду с наблюдением за содержанием арестантов в местах заключения в требуемых законом условиях прокурорам предписывалось принимать активное участие в освидетельствовании личных вещей этапируемых лиц. Однако, отношение к этой процедуре со стороны прокуроров было недобросовестным. По мнению публициста В. Н. Никитина, прокуроры никогда не присутствовали при проверке вещей, что приводило к существенным погрешностям в материальном обеспечении арестантов[4]. Негативные отзывы в адрес прокурорских работников следовали от самих заключенных. На этот счет журналист И. П. Белоконский писал: «А прокурорчики, если и налетали в тюрьму, то моментально исчезали, не считая своей обязанностью “вникать”»[5].

---

[1] Там же. Л. 3, 3 об.

[2] Письма 2-го департамента Министерства юстиции от 31 декабря 1915 г.№5 3 и от 7 января 1916 г. № 891 // Там же. Ф. 107. Оп. 2. Д. 79. Л. 16, 17.

[3] Прошение к прокурору от заключенного Н. Н. Афонина //. Там же. Оп. 1. Д. 906. Л. 6.

[4] *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. С. 142.

[5] *Белоконский И. П.* По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни. Путевые заметки от

3. *Контроль расходования казенных материальных средств.* В положении Комитета Министров «О кормовых деньгах для арестантов и других издержках, на них употребляемых» прописана обязанность чинов прокурорского надзора посещать места заключения, «испрашивая каждый раз арестантов об определенной им даче от казны, все ли то к ним дошло». В деле об учреждении во Владимире попечительного о тюрьмах комитета имеется записка «О суммах, отпускаемых на продовольствие из казны», согласно которой «учет сумм ведут уездные стряпчие и записывают их в особо заведенные книги. Ведомости учета ведутся каждый месяц и доносятся губернскому прокурору»[1]. Документ «О порядке предоставления отчетности смотрителями губернских тюремных замков» закреплял обязанность тюремных экономов представлять отчетность прокурорским органам о расходовании денег, выделенных на содержание арестантов[2]. Вместе с тем неясно, была ли действительно необходимость обременять прокуратуру контрольными полномочиями в сфере оборота сумм, выделяемых на нужды системы исполнения уголовных наказаний, поскольку данная функция принадлежала подразделениям Общества Попечительного о тюрьмах, а также иным финансовым органам губерний, и была одной из приоритетных[3]. Полагаем, что подобное приращение дополнительных полномочий, прямо не относившихся к обязанности органов прокуратуры, в тот период могло способствовать возникновению формализма в осуществлении контроля с их стороны.

4. *Контроль проведения свиданий заключенных с иными лицами.* Несмотря на то, что ст. 268 Устава о содержащихся под стражей ограничивала свидания только с членами семьи и родственниками в выходные и праздничные дни, прокуроры имели право расширить спектр лиц вплоть до разрешения свиданий с посторонними людьми при условии соблюдения ими правил общего тюремного распорядка. В полномочия лиц прокурорского надзора также входило подписание документов,

---

Москвы до Красноярска. Орел, 1887. С. 68.

[1] ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 1. Л. 12.

[2] Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 25 сентября 1862 г. «О порядке представления отчетности смотрителями губернских тюремных замков» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 37, № 38712.

[3] О данном факте нам свидетельствует отмеченный выше акт «О порядке предоставления отчетности смотрителями губернских тюремных замков», в котором закреплено, что «ежемесячные и годичные отчеты о расходовании денег на содержание арестантов представляются на ревизию в тюремные комитеты и их отделения, и далее отсылаются в казенные палаты».

разрешавших доступ к арестованным нотариусов и присяжных поверенных, осуществлявших защиту по уголовным делам. Прокуроры вели и наблюдение за корреспонденцией заключенных (ст. 232, 234 Устава).

К 60-м гг. XIX в. в связи с делегированием контрольных полномочий многочисленному кругу органов государственной власти, а также вследствие неудобств существовавшего тогда порядка наблюдения за арестантскими делами (в частности, представления отчетности)[1] МЮ было предложено внести в него коррективы. Согласно данным изменениям, органы прокуратуры были наделены обязанностью ведения ведомостей о всех арестантах, содержавшихся в местах заключения губерний, с последующим представлением данных документов в МЮ не реже трех раз в год. А по тем делам, о которых уже стало известно императору, ведомости было установлено представлять не ежемесячно, а два раза в год.

Таким образом, во второй половине XIX в. функция по контролю законности содержания арестантов под стражей и в местах заключения окончательно переходит к лицам прокурорского надзора по линии МЮ, при этом они были лишены права полного административно-хозяйственного распоряжения в тюрьмах.

Примечательно, что в начале XX в. реформаторами была предпринята попытка переориентирования статуса прокурорского надзора путем постановки его в основу местного тюремного управления[2]. Мы согласны, что подобное нововведение противоречило концепции Судебной реформы 1864 г, суть которой заключалась в максимально возможном нивелировании надзорной власти и ограничении роли прокуратуры поддержанием государственного обвинения[3]. Идея смены полномочий прокуратуры не была воплощена в жизнь. По нашему мнению, это было грамотным решением, поскольку, во-первых, система исполнения уголовных наказаний лишилась бы необходимого для нее контроля «извне», во-вторых, прокурорский надзор

---

[1] До середины XIX в. порядок представления отчетности по тюремным делам был следующим: губернские прокуроры и уездные стряпчие докладывали лично императору о лицах, содержавшихся под стражей более года; о прочих заключенных стряпчие докладывали Губернскому правлению, начальники губерний – Министру внутренних дел, Губернские правления – Правительствующему Сенату.

[2] Прокурорский надзор как орган тюремного управления // Тюремный вестник. 1900. № 10. С. 485–493.

[3] *Воронин О. В.* Указ. соч. С. 36.

столкнулся со многими трудностями по контролю за хозяйственной частью мест заключения, в-третьих, было бы рискованным обвинителю передать власть исполнения наказаний над лицом, им же направленным в пенитенциарные учреждения.

Параллельно с прокуратурой деятельность системы исполнения уголовных наказаний контролировал суд. Принятый УУС закрепил за судом функцию по наблюдению за законным и должным содержанием арестованных (ст. 10). Причем данное полномочие заключалось в удостоверении судьи в том, есть ли в местах заключения постановление о задержании лица. Если судья получил сведения о неправомерном заключении либо о содержании арестанта в ненадлежащем месте, он должен был принять меры к содержанию заключенных в установленном порядке (ст. 11). Судьи, равно как и прокуроры, могли принимать жалобы и просьбы от заключенных о замене одного наказания другим, на неправильное исчисление срока вступления в законную силу приговоров (ст. 955). Следовательно, полномочия суда были связаны не только с контролем законности в местах заключения, но и предусматривали осуществление императивно-распорядительных действий, что позволяет говорить о некотором пересечении контрольных полномочий суда и прокуратуры. Казалось бы, сходный характер деятельности указанных субъектов контроля мог привести в ряде случаев к конфликту интересов сторон. Но, как правило, такое происходило крайне редко, поскольку в конкретной местности контрольную функцию мог осуществлять только один орган (либо прокуратура, либо суд).

В связи со сближением тюремного вопроса с ключевыми интересами уголовного правосудия в 1895 г. произошли преобразования в управлении системой исполнения уголовных наказаний[1]. Поступило предложение о целесообразности объединения пенитенциарного управления с управлением судебным. Вследствие смены ведомственной подчиненности пенитенциарной системы и передачи ее в МЮ, последнее получило широкие управленческо-распорядительные, а равно и контрольные полномочия в отношении функционирования мест лишения свободы гражданского ведомства и ссылки.

---

[1] Именной Высочайший указ, объявленный Сенату от 13 декабря 1895 г. «О присоединении к составу Министерства юстиции Главного тюремного управления» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 15, № 12272.

Контролировало пенитенциарные учреждения военного ведомства Военное министерство с подчиненными ему органами как на общеимперском уровне, так и на местах.

Военное министерство в целях осуществления непрестанного присмотра за вверенными местами заключения установило собственную систему отчетности. Ведомости о содержавшихся под арестом воинских чинах каждый месяц направлялись лично военному министру[1], что искореняло постепенно устоявшееся правило рапортования воинских частей комендантам.

По причине частого получения неудовлетворительных отчетов военное ведомство усилило осуществление непосредственного контроля за арестантами-военнослужащими. Исходя из содержания отчетной документации следует, что с целью минимизации нарушений в сфере обеспечения режима содержания осужденных военнослужащих, которые отбывали наказание «…без должного присмотра»[2], функции контроля в отношении данной категории заключенных возлагались на командование военных корпусов и дивизий, а также начальников главных штабов[3]. В случае, если армейские части на определенной территории не были организованы, то контрольная функция в данных местностях вменялась в компетенцию генералов округов и начальников внутренней стражи[4].

В период царствования Николая I в местах заключения военного ведомства «царили жестокосердие и самодурство», а сами они служили «источником разживы и произвола для лиц, прямо или косвенно ими управлявших»[5]. Сенатор И. Х. Капгер в своих трудах, посвященных пенитенциарной системе, писал: «Ме-

---

[1] Указ Военной коллегии от 31 декабря 1809 г. «О доставлении к Военному министру по прилагаемой форме ежемесячно ведомостей о содержащихся по городам и крепостям под арестом и суду и без оного чиновников, и нижних чинов военного сухопутного ведомства» // Там же. Собрание 1. Т. 30, № 24063.

[2] Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. Санкт-Петербург, 1911. Т. 12, ч. 3 : Военно-тюремные учреждения. С. 249.

[3] Там же. С. 250.

[4] Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. Санкт-Петербург, 1911. Т. 12, ч. 3 : Военно-тюремные учреждения. С. 305.

[5] *Никитин В. Н.* Быт военных арестантов в крепостях. С. 16–21.

ста заключения устраивались там, где представлялась хоть какая-нибудь возможность, при чем нередко лица, прикосновенные к одному делу, содержались вместе… Помещения для заключенных были отвратительны в санитарном отношении»[1]. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что военно-тюремная часть не была организована ни в порядке управления, ни в надзорном плане.

Еще одним субъектом контроля являлся Инспекторский департамент Главного штаба, который преимущественно занимался сбором и анализом отчетов, доставляемых ежеквартально командирами батальонов[2]. Отчеты оформлялись в виде ведомости в двух возможных вариантах: в одних указывали сведения о лицах, не стремящихся к исправлению, в других – приводились данные о благонадежных для службы. Таким образом, Инспекторский департамент осуществлял контроль за правильным распределением арестантов, зачисленных на военную службу. Но отчетный характер деятельности, как правило, не во всех случаях приносил положительные результаты, поскольку большинство сообщений не отражало реального положения дел. Решить данную проблему могла только личная проверка, которая в качестве средства контроля на тот момент департаментом не использовалась.

На уровне губерний осуществлялся надзор за заключенными городских и крепостных гауптвахт.

В период с 1864 по 1911 г. в структуре Военного министерства был учрежден Главный военно-тюремный комитет, образованный при Военном совете министерства. Данный орган занимался сбором материалов о военно-тюремных учреждениях, а также готовил отчетность о функционировании военно-пенитенциарного ведомства. Командование войсками на местах осуществляло сбор данных о военных арестантах[3]. А нижним чинам (например, воинским начальникам) поручалось «ежетретно осматривать вверенные им для надзора роты»[4].

---

[1] Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. С. 303.

[2] Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. С. 280 ; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 6, № 4574.

[3] Высочайше утвержденные 16 декабря 1864 г. Временные правила для управления военно-арестантскими ротами впредь до преобразования сих рот // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 39, № 41590.

[4] Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. С. 319.

Контролировало законность содержания военных в местах лишения свободы Главное военно-судное управление[1], ему же предписывалось и осуществление справедливого судопроизводства. И как показала практика того времени, задуманные идеи дали определенный положительный результат. Если сравнить количество осужденных за 1873–1877 гг. с числом осужденных за два года, предшествовавших второму этапу военно-тюремных преобразований (1865, 1866 гг.), то окажется, что уровень преступности и незаконного заключения снизился на 17 процентов[2].

Военно-тюремный отдел также реализовывал контрольную функцию в вопросах исполнения наказаний путем наблюдения за размещением арестантов по заведениям военно-тюремного профиля; бюджетно-сметного планирования и ведения статистики; разработки регламентов посещения мест заключения; учета дел хозяйственной части; осуществления локального нормотворчества. Исполнение перечисленных выше полномочий данным органом способствовало упорядочению системы контроля за местами заключения военного ведомства.

Итогами реализации контрольной функции Военным министерством в ходе военно-тюремной реформы стали: упорядочение пересылки военных арестантских партий; совершенствование военно-тюремного законодательства; корректировка целей уголовного наказания в отношении заключенных-военнослужащих, из них приоритетной явилось приучение солдат к требованиям военной службы и воинской дисциплины; продвижение идеи организации собственно военно-тюремных заведений практически повсеместно, где располагались войска.

Контроль за деятельностью арестантских рот гражданского ведомства осуществляло Главное управление путей сообщения и публичных зданий. Содействие в этом вопросе ему оказывали губернатор и строительные комиссии, действовавшие в пределах конкретной губернии. Военное управление ротами осуществляли ротные командиры.

Строительные комиссии осуществляли контроль посредством запросов отчетной документации: «по окончании года как в хозяйственном отношении, так и

---

[1] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Санкт-Петербург, 1914. Т. 12 : Главное военно-судное управление, кн. 1, ч. 2. С. 314.

[2] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Санкт-Петербург, 1914. Т. 12 . С. 354.

в отношении нравственности арестантов представлялись ротными командирами и попечителями роты в строительную комиссию»[1]. Действенным инструментом контроля выступали инспекторские смотры рот под руководством инженерного начальства.

Губернаторы отчитывались перед Управлением о материальном состоянии арестантских рот и о движении всех сумм, имевшихся в их распоряжении. Параллельно Управление уведомляло МВД о всех проведенных ревизиях отчетности. Органы попечения должны были вести наблюдение за обучением арестантов какому-либо ремеслу, особенно тех, кто подлежал ссылке в Сибирь[2].

Как было отмечено выше, Морское министерство осуществляло общий контроль за порядком исполнения наказаний арестантскими ротами морского ведомства, состоявшими при Балтийском и Черноморском флотах, и военно-исправительными тюрьмами морского ведомства в Севастополе и Санкт-Петербурге. Контроль за функционированием арестантских рот осуществляли генерал-интендант, получивший статус инспектора, уравненного в правах с дивизионным начальником, и обер-интендант флота в звании инспектора. Непосредственно контролировали деятельность рот капитаны портов.

Военно-исправительная тюрьма в Севастополе функционировала под управлением командира Севастопольского порта, непосредственный контроль за ней осуществлял главный командир Черноморского флота и портов Черного моря, находившийся в Николаеве. Аналогичным местом заключения в Санкт-Петербурге управлял Инспекторский департамент морского ведомства, в дальнейшем – начальник Главного морского штаба.

Контрольная функция Морского министерства с подведомственными ему учреждениями реализовывалась путем проведения следующих мероприятий:

---

[1] Положение об исправительных арестантских ротах гражданского ведомства от 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 19, №19285.

[2] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 23 ноября 1853 г. «О мерах к устранению накопления арестантов в местах заключения и о распределении по местам ссылки преступников из жителей Сибири» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 28, № 27722.

1) поверка отчетности. Например, директор Инспекторского департамента осуществлял проверку ведомостей о нравственном состоянии заключенных, рапортов о чрезвычайных происшествиях, сведений о состоявших при тюрьмах военных чинах[1];

2) инспектирование мест заключения морского ведомства. Для детального осмотра тюрем один раз в год по усмотрению руководства Морского министерства назначались флагманы, которые по результатам инспектирования представляли в министерство полный отчет о состоянии мест заключения. Периодически места заключения также осматривались директором Инспекторского департамента, который «в случае замеченных упущений, принимал законные меры к их исправлению»[2];

3) рассмотрение жалоб заключенных. Если арестанты считали свои требования справедливыми, они могли обращаться к лицам, «кои выслушают заключенных и разрешат их претензии на законных основаниях»[3].

Таким образом, осуществляя контроль в пенитенциарной сфере, высшие органы государственной власти и отраслевого управления использовали сходный инструментарий.

Как правило, опосредованный контроль осуществлялся министерствами путем издания нормативных правовых актов, регламентировавших деятельность по исполнению уголовных наказаний. Непосредственно же контрольная функция реализовывалась посредством проведения проверок как плановых, так и внеплановых путем личного инспектирования подконтрольных мест; запроса и поверки отчетной и текущей документации; ревизии хозяйственно-административной части.

Исследование контрольной деятельности высших органов государственной власти и отраслевого управления позволяет выделить ее положительные и отрицательные стороны.

К положительным аспектам контроля следует отнести:

1) самоорганизацию и независимость органов, его осуществлявших. Стоит отметить, что в данном случае говорится о внутренней независимости и самостоятельности органов, проявившихся в наличии у них возможности принимать решения по

---

[1] Положение о военно-исправительной тюрьме морского ведомства в Санкт-Петербурге // Морской сборник. 1864. № 12. С. 77, 78.

[2] Там же. С. 79.

[3] Там же.

вопросу реализации собственных контрольных полномочий;

2) автономность ресурсного обеспечения;

3) многоаспектный характер контроля, при котором охватывается весь спектр проблемных вопросов пенитенциарной сферы.

Что касается недостатков в осуществлении контроля в сфере исполнения уголовных наказаний, то о них смело высказывался иностранный журналист и публицист Джордж Кеннан, по мнению которого «Во всей Империи 884 тюрьмы. Номинально они все находятся под одним управлением и подлежат одним и тем же законам и правилам, а между тем трудно было бы найти 10 тюрем, которые бы управлялись одинаковым образом в продолжении 8 лет … В одном месте заключенные закормлены, другие содержатся впроголодь»[1]. Журналист выделил две причины сложившейся ситуации: несовершенство законодательства и разрозненность управленческих и контрольных полномочий между значительным количеством субъектов. По его мнению, «несмотря на эту сложную машину, несмотря на кажущееся изобилие “контроля”, в уездных острогах совершается бесчисленное множество нарушений закона так открыто»[2].

Не воздержались от критики контроля и отечественные деятели. Генерал-губернатор Д. Г. Анучин в своем секретном докладе Императору Александру III «Ссылка, каторжные работы и тюремное заключение» свидетельствовал: «Хотя законы и дают нам бесчисленное множество указов в этом деле, но большая часть их сделалась мертвой буквой, с самого дня их издания, вследствие их неприменимости и отсутствия контроля»[3]. Не менее интересными в этом отношении выступают письма В. А. Соллогуба и К. К. Грота, адресованные М. Н. Галкину-Враскому, в которых авторы высказались относительно тюремной реформы 1879 г. в целом и контроля за ее претворением в жизнь в частности. Так, В. А. Соллогуб писал: «Насчет управления коллегиального, имеющего будто упрочить контроль, позвольте мне Вам выразить, что от многих контролей контроль исчезает, заменяясь формальностями и бумагами, а что у семи нянек дитя без глаза, это мы видим теперь на опыте – нас теперь едва ли не 60 директоров тюремного комитета в Москве»[4].

---

[1] *Кеннан Дж.* Указ. соч. С. 6, 7.

[2] Там же. С. 8.

[3] *Кеннан Дж.* Указ. соч. С. 7.

[4] Материалы к истории тюремной реформы в России: 21 письмо графа В. А. Соллогуба и

Один из крупных деятелей военно-тюремной реформы И. Х. Капгер писал: «Существующие ныне места заключения в военном ведомстве … устраивались без общего плана и системы; заведование ими разъединено между многими ведомствами и начальниками»[1]. Отчетливо указывают на относительную несостоятельность контрольной деятельности и материалы, содержавшие сведения о состоянии мест лишения свободы и заключенных в них. По взгляду князя Голицына, проверявшего пересыльную тюрьму в Москве в 1828 г., «остроги оставляли желать лучшего: заразные больные вместе с другими осужденными ночевали в одной общей комнате, на женской половине было холодно, и матери посылали своих детей на мужскую половину»[2].

С учетом приведенных выше мнений выделим ключевые проблемные аспекты контроля со стороны высших органов государственной власти и центрального отраслевого управления: множественность его субъектного состава, которая приводила к дезорганизации наблюдения и дублированию контрольных функций; несовершенство нормативной базы; отсутствие должного взаимодействия между субъектами контроля.

Минимизировать обозначенные проблемы, а также упорядочить контрольную деятельность органов государственной власти стало возможным в процессе проведения тюремной реформы вследствие централизации управления отечественной системой исполнения уголовных наказаний, которая, в свою очередь, привела к выделению из общего субъектного состава органов ведомственного контроля.

Таким образом, контрольная деятельность высших органов государственной власти в сфере исполнения уголовных наказаний преимущественно осуществлялась опосредованно, была идентична контролю в иных сферах государственного управления, реализуемого руководством империи, и включала в себя разработку и утверждение общеимперских нормативных правовых актов в рамках реализации

---

4 письма К. К. Грота к М. Н. Галкину-Враскому // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 9, нояб. С. 262.

[1] *Гвоздков С. В*. Указ. соч. С. 82.

[2] Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. Санкт-Петербург, 1911. Т. 12, ч. 3. Военно-тюремные учреждения. С. 294.

государственной уголовно-исполнительной политики; проведение кадровой, организационной и финансовой политики в управлении пенитенциарной системой; анализ отчетной документации нижестоящих органов.

Контрольная деятельность органов отраслевого управления отличалась более емким содержанием от аналогичной деятельности со стороны высших органов власти, но не имела существенных различий собственно между министерствами, которые осуществляли контроль за функционированием подведомственных им мест заключения преимущественно в непосредственной форме путем издания циркулярных распоряжений по основным направлениям контроля, сбора и проверки отчетов, представляемых в различных формах, рассмотрения жалоб, претензий и прошений от заключенных, инспектирования мест заключения и ссылки, утверждения финансовой документации, контроля расходования бюджетных средств, надзора за порядком и условиями исполнения уголовных наказаний.

2.2 Ведомственный контроль за исполнением уголовных наказаний в пореформенный период

Анализ контрольной деятельности высших органов власти и отраслевого управления позволил выявить существенные проблемы ее реализации, возникшие вследствие полисубъектности контроля. По справедливому замечанию М. В. Осипова, существовавшая система управления характеризовалась громоздкостью и запутанностью. В ней не сложилось предпосылок для наличия единого координирующего органа ни в центре, ни на периферии[1]. При этом неудовлетворительное состояние мест заключения империи обращало на себя внимание правительства. В России к 1879 г. количество тюрем составляло 850, тюремное население насчитывалось в количестве не менее 90 тыс.[2].

Возникшая политическая обстановка, актуализация уголовного законодательства в свете пересмотра Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, предопределили необходимость преобразований тюремной сферы, в частности,

[1] *Осипов М. В.* Указ соч. С. 64.
[2] ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 75. Л. 24.

обособления в системе ее управления ведомственного контроля путем создания в 1879 г. ГТУ как управленческого органа ведомственной компетенции[1]. Тем самым ГТУ было призвано стать «высшей контролирующей и распорядительной инстанцией, осуществляющей непосредственное руководство подчиненными ему местными органами тюремного ведомства»[2]. С момента его создания из компетенции ДПИ были исключены контрольные полномочия в заявленной сфере.

Однако нельзя говорить о полноте и тотальности контрольных полномочий ГТУ, поскольку некоторые места заключения и пересыльная часть находились в двояком подчинении.

Так, несмотря на то, что в 1880 г. правительство сочло необходимым подчинить ГТУ должность Главного инспектора по пересылке арестантов, он по-прежнему подчинялся начальнику ГТУ только «по части собственно пересылки арестантов» и оставался в непосредственном ведении Военного министерства», а «предел заведования инспектора был ограничен наблюдением за отправлениями конвойными командами службы при арестантах и ревизией делопроизводства сих по части служебного их употребления»[3]. Причем о замеченных упущениях инспектору необходимо было докладывать не только начальнику ГТУ, но и начальнику Главного штаба Военного министерства.

Места заключения для государственных преступников также оставались в ведении МВД и непосредственном подчинении товарища министра, а военные исправительные тюрьмы морского ведомства подчинялись непосредственно императору.

Вместе с тем ГТУ получило под свой контроль все места заключения гражданского ведомства, пересыльную часть в пределах своей компетенции, а также исправительные приюты.

При этом следует отметить независимость ГТУ в ряде случаев от МВД. В

---

[1] Высочайше утвержденное мнение государственного совета от 27 февраля 1879 г. «Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 54, № 59360.

[2] Органы и войска МВД России. С. 129.

[3] Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 13 июня 1880 г. «Об определении отношений инспекции пересылки арестантов к Главному тюремному управлению» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 55, № 61078.

частности, все распорядительные меры, необходимые для действия существовавших на тот момент законов, регламентировавших деятельность системы исполнения уголовных наказаний, ГТУ принимало собственной властью, без резолюции министерства. Подобная самостоятельность во многом способствовала скорому разрешению насущных вопросов тюремной реформы.

Согласно материалам архивов, в компетенцию ГТУ вошли проведение кадровой политики в подконтрольной сфере; координация деятельности подчиненных органов и учреждений; организация хозяйственной деятельности мест заключения; утверждение порядка содержания и размещения арестантов в зависимости от совершенных деяний; устройство этапов и пересыльной части, организация конвоя; осуществление локального нормотворчества в рамках собственной компетенции[1].

О результативности реализации ГТУ контрольной функции свидетельствует значительное количество циркуляров, изданных по различным проблемным вопросам. Преобладающее количество распоряжений издавалось в целях устранения недостатков в режиме отбывания наказания, при этом руководством ГТУ приводились четкие разъяснения обязанностей должностных лиц, ответственных за направление деятельности, в котором отмечались упущения. К примеру, содержание циркулярных распоряжений было следующего характера: «Обратили на себя внимание неоднократные случаи побегов арестантов из тюрем и беспорядки в них. ... случаи эти обуславливались отсутствием надлежащего единства в порядке распоряжения в местах заключения, … недостаточно строгим исполнением своих обязанностей со стороны тюремной администрации и руководства губернии»[2].

Кроме того, в отдельных циркулярных распоряжениях говорилось о низком качестве отчетной документации, содержавшей сведения об оборотах денежных средств, предназначенных для мест содержания заключенных. Недостатки отчетности в виде отсутствия унификации данных, наличия неточностей были отражены в циркуляре от 26 октября 1890 г. № 26[3].

---

[1] ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1438. 5 л. ; Д. 2896-а ; Оп. 8. Д. 2229. Л. 5, 15-16.

[2] Сборник циркулярных распоряжений по тюремной части (Первое прибавление к сборнику 1880 г.). Санкт-Петербург, 1883. С. 4.

[3] Важнейшие циркулярные распоряжения по Главному Тюремному Управлению, издан-

Циркуляром от 31 января 1906 г. № 2 регулировался вопрос порядка и условий выдачи из казны кормовых денег на содержание малолетних детей арестантов[1], от 27 ноября 1906 г. № 24 – порядок распределения остатков от сумм, направленных на содержание должностных лиц управления отдельными местами заключения, в частности, предписывалось эти остатки тратить на выплаты пособий наиболее достойным чинам с обязательным истребованием на это разрешения начальника ГТУ[2].

В основном руководство ГТУ осуществляло контроль посредством сбора и анализа сведений о состоянии системы исполнения уголовных наказаний империи, что находило объяснение необходимостью воплощения в жизнь пенитенциарной реформы.

Предписывалось доставлять в ГТУ следующие материалы:

1. о происшествиях в местах заключения, ключевое значение среди которых имели побеги;
2. ежегодная сметная и хозяйственная отчетность Общества Попечительного о тюрьмах;
3. документация о кредитовании пенитенциарной части;
4. сводка по ценам на провиант и одежду заключенных;
5. отчеты об организации труда арестантов;
6. именные списки политических арестантов;
7. сведения о перемещении заключенных по различным видам мест лишения свободы;
8. информация о медицинском состоянии мест заключения;
9. сведения о лицах, представляемых к наградам[3].

Вследствие увеличения объема доставляемой информации ГТУ усилило статистическую часть[4].

ные до декабря 1892 года и не включенные в «Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части» В. Н. Коковцова, С. В. Рухлова. Санкт-Петербург, 1893. С. 7.

[1] ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20451. Л. 1, 1 об.

[2] ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20451. Л. 9.

[3] *Лопато Т. М.* Указ. соч. С. 45.

[4] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 13 ноября 1884 г. «Об усилении статистической части при Главном тюремном управлении» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 4, № 2498.

Указанные выше сведения предоставлялись губернаторами и губернским правлением в ГТУ на основе изданных им циркуляров[1].

Также сбор сведений мог осуществляться для формирования данных, отправляемых в Международную пенитенциарную комиссию в целях ведения последней статистики. На этот счет ГТУ издало циркуляр от 28 февраля 1894 г. № 5 о прошении доставления из губернских мест информации о качественном и количественном составе как администрации, так и арестантов, о наличии социальных учреждений при местах заключения, о результатах трудовой деятельности заключенных[2]. Руководство Владимирской губернии в кратчайшие сроки исполнило данное распоряжение, разослав 15 экземпляров этого циркуляра начальникам мест заключения с требованием доставить в губернское правление указанные сведения[3]. В течение марта 1894 г. во Владимирское губернское правление рапортом были доставлены необходимые сведения от начальников Владимирского исправительного арестантского отделения, Владимирской губернской тюрьмы, Шуйской тюрьмы, Гороховецкой тюрьмы, Ковровской тюрьмы[4]. На основе полученных сведений губернское правление отправило в ГТУ ведомость об устройстве тюрем Владимирской губернии[5].

В целях устранения отсутствия единообразия отчетности и минимизации «излишней» информации ГТУ подготовило опросные листки, которые преимущественно использовались для предоставления сведений о школах, библиотеках, чтениях для арестантов[6]. Форма отчетности была определена и для доставляемых в ГТУ сведений о состоянии надзора в местах заключения губерний, о чем свидетельствует циркуляр ГТУ от 27 ноября 1900 г. № 18770 «О доставлении сведений о состоянии надзора в местах заключения губерний»[7].

---

[1] Напр.: О дополнении представляемых начальниками и смотрителями мест заключения в статистический отдел ГТУ годовых ведомостей : циркуляр ГТУ от 7 авг. 1901 г. № 10 // Тюремный вестник. 1901. № 6. С. 264.

[2] ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18699. Л. 1.

[3] ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18699. Л. 2.

[4] Там же. Л. 3–9.

[5] Отношение Владимирского губернского правления в Главное тюремное управление от 30 марта 1894 г. № 2364 // Там же. Л. 24–30.

[6] Образец опросного листка // Тюремный вестник. 1904. № 10. С. 680, 681.

[7] ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 19591. Л. 1.

Еще одним действенным направлением контроля было оказание методической помощи путем разработки практических разъяснений[1] и инструкций для чинов тюремной администрации. Оказание методической помощи актуализировалось в конце XIX в., в период необходимости кадровой профессиональной подготовки тюремных ревизоров. Так начальник ГТУ А. П. Саломон предложил обучать делу тюремного контроля, опираясь на опыт Пруссии, и командировать потенциальных тюремных инспекторов в места заключения с целью познания подконтрольного учреждения изнутри[2].

Реже практиковалось личное инспектирование мест заключения начальником ГТУ. Как следует из циркулярного распоряжения начальника ГТУ М. Н. Галкин-Враского, при обозревании учреждений обращалось пристальное внимание на наличие кандалов на заключенных, на их раздельное содержание в зависимости от тяжести совершенного деяния, пола, возраста[3]. Также замечания могли касаться организации обеспечения заключенных провиантом. В качестве примера приведем факт ревизии начальником ГТУ полицейского дома Коломенской части Петербурга, в ходе которой было выявлено, что «похлебка приготовляется … из какой-то земляной массы и сора»[4].

Особым статусом в структуре ГТУ обладало низшее звено в лице тюремных инспекторов, именно последние обладали широкими контрольными полномочиями на местном уровне.

Контрольные полномочия откомандированных тюремных инспекторов закреплялись Правилами[5], и имели своей целью сбор сведений[6], необходимых для

---

[1] Напр.: Сборник узаконений, циркулярных распоряжений и разъяснений по тюремно-арестантской и арестантско-пересыльной части, относящихся к ведению полиции. С. 123–126.

[2] *Остапенко* Д. М. Указ. соч. С. 256.

[3] Важнейшие циркулярные распоряжения по Главному тюремному управлению, изданные до декабря 1892 года и не включенные в «Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части» В. Н. Коковцова, С. В. Рухлова. С. 10.

[4] *Гернет М. Н.* Указ. соч.

[5] Временные правила для первоначального руководства тюремным инспекторам во время командировок с целью осмотра и ревизии учреждений, входящих в состав карательной системы // Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Санкт-Петербург, 1911. Ч. 2 : 1896–1910 гг. Прил. №1.

[6] Сбор сведений мог осуществляться как непосредственно в тюрьмах, так и в присутственных местах губерний, связанных с тюремным делом.

тщательного описания полной обстановки в местах лишения свободы, от режима до хозяйственного обеспечения.

Проверке и оценке подлежали хозяйственно-производственная и финансовая части, книги и журналы учреждения, предметы быта арестантов и трудовой инвентарь, обращения тюремной администрации и арестантов[1]. Существовало два основных вида донесения итогов проверочных мероприятий до руководства центрального аппарата тюремного ведомства: это могло быть как устное сообщение, так и письменный акт ревизии.

Сотрудники центральных структур тюремного управления (тюремные инспекторы) имели право свободно посещать места заключения и арестантские вагоны[2], а также осуществлять административную деятельность совместно с губернскими тюремными комитетами и уездными тюремными отделениями.

Данные должностные лица должны были иметь специальный ордер – акт правового характера, издаваемый высшим чиновником тюремного ведомства (начальником ГТУ), который наделял инспектора полномочиями в части посещения и контроля конкретного учреждения, исполняющего уголовные наказания.

Тюремные инспекторы уделяли особое внимание организационной и материально-технической стороне исполнения наказаний, поэтому приоритетными направлениями инспекционной работы являлись: оценка технического и санитарного состояния используемых построек, зданий и сооружений; анализ структуры и численности спецконтингента и сотрудников. Кроме того, особый контроль осуществлялся в сфере бытового и продовольственного обеспечения арестантов, источники формирования и целевое расходование финансовых средств региональных и местных органов Общества Попечительного о тюрьмах; организация арестантского труда и отдыха.

---

[1] Напр.: Доклад «О беспорядках, замеченных инспектором ГТУ Оверсманом при осмотре мест заключения Владимирской губернии» // ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 91. Л. 10.

[2] Высочайшее повеление, объявленное Военным министром, от 30 января 1890 г. «О предоставлении права входа в арестантские вагоны чинам Главного тюремного управления, командируемым по делам службы» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 10, № 6563.

В архивных фондах встречаются выписки из отчетов инспекторов ГТУ об осмотре отдельных мест заключения губерний, содержавшие указанную выше информацию. Например, в архиве Владимирской области хранится дело по отчету инспектора ГТУ Доброславина о посещении им Вязниковского исправительного арестантского отделения в 1882 г. В выписке из отчета отмечалось, что «состояние Вязниковского арестантского отделения доказывает крайне слабое отношение надзора к заключенным. Арестанты сами ведут хозяйство. Большинство из них найдено в одежде смешанной. Также арестанты выполняют стирку … Весь подобный склад жизни показывает необходимость взаимных уступок администрации арестантам и обратно. Тем только и возможно объяснить странный факт – становление частых побегов при полной к тому возможности»[1].

Ревизионные отчеты инспекторов имели важное значение для руководства ГТУ, на их основе оно делало выводы о состоянии исполнения уголовных наказаний на местах. Так, в циркуляре ГТУ от 12 октября 1913 г. № 44 отмечалось, что «ревизионные отчеты инспекторов ГТУ за последнее время показывают, что в некоторых губерниях тюремная стража местами разоружена, невзирая на отсутствие охраны … Прошу сделать распоряжение, чтобы в подведомственных вам местах заключения все надзиратели, несущие караульную службу, были вооружены оружием»[2].

Но в ревизионной деятельности инспекторов отмечались и проблемные моменты, связанные, в первую очередь, с неполным осознанием важности осуществления общего дела, проявившимся в неофициальном распределении собственных обязанностей между собой. Данные необдуманные действия порождали нерациональный характер надзора за подконтрольными учреждениями. Зафиксирован исторический факт посещения Смоленского централа врачом – инспектором ГТУ на предмет санитарного состояния тюремных построек. Ответ на обращение заключенных по вопросу снабжения предметами быта был следующего содержания:

---

[1] ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 17957. Л. 2–3 об.

[2] Циркуляры Министерства юстиции, ГТУ, Владимирской губернской тюремной инспекции (1911–1919 гг.) // Там же. Д. 21747. Л. 55 об.

«Слышал, господа! Но все это – особая статья. Значит, клопиков нет? Ну и хорошо»[1].

С негативной стороны стоит оценить встречавшиеся факты показного характера проверок, как правило, они проводились по результатам массовых происшествий в местах заключения. Так, в одном из очерков тюремной жизни описывался случай массового покушения на самоубийство арестантов. По установлению данного факта ГТУ были откомандированы помощник начальника и инспектор, которые во время вечернего обхода камер активно принимали заявления от арестантов, но бездействовали в отношении их просьб. Проведенная ревизия не дала результатов, что ухудшило положение заключенных, а контролировавшие лица «лишь упрочили свою репутацию энергичных администраторов»[2].

Достаточно широкий объем контрольных полномочий не наделял инспекторов правом собственного властного распоряжения в местах лишения свободы, исключение лишь составляли случаи, прямо прописанные в ордере руководства ГТУ. О всех выявленных недостатках инспекторы докладывали руководству губернии. В архиве канцелярии Владимирского губернатора хранится докладная записка на его имя от инспектора ГТУ 5-го класса Яворского от 8 апреля 1888 г. № 28 следующего содержания: «По результатам осмотра мест заключения Владимирской губернии … имею честь довести до Вашего Превосходительства, что во Владимирском и Вязниковском исправительных отделениях арестанты содержатся не запертыми, а находятся в постоянном сообращении … Книги на записку одежды и обуви ведутся так, что по ним не видно действительного расхода … Работ в мастерских почти никаких нет. По наружным работам арестантов усматривается также неправильность. По содержанию арестантов и тюремных помещений мало обращено внимания на чистоту и опрятность. Во Владимирской тюрьме ситуация не лучше. Содержание больницы

[1] *Генкин И. И.* По тюрьмам и этапам. Санкт-Петербург, 1922. С. 63.
[2] *Генкин И. И.* Указ. соч. С. 81.

весьма неопрятное, не только камеры, но и коридоры не заперты, у арестантов-каторжников не выбрито полголовы»[1]. В этом же деле были собраны рапорты начальников мест заключения, в которых объяснялись те причины, по которым были допущены выявленные инспектором нарушения. Например, в рапорте от 2 июня 1888 г. № 861 начальник Владимирского исправительного арестантского отделения отмечал следующее: «Имею честь донести относительно того, что арестанты содержатся незапертыми, – такой порядок существует с давних пор и изменить его я не находил возможным. …приварочные деньги передаются полностью арестантам – такой порядок также существует всегда … К развитию работ мною всегда производились различные меры и изыскания через разные заведения, но они не согласны делать закупки, считая это не выгодным»[2]. В рапорте от 10 июня 1888 г. № 1685 начальник Владимирской губернской тюрьмы объяснял, что «не заперты камеры были утром, и люди после ночи были выпущены в отхожие места. Что же касается чистоты и опрятности, то того же дня тюрьму посетил г. полицмейстер, который отметил все в должном порядке»[3].

Содержание приведенных выше документов свидетельствует о том, что инспекторы обращали внимание практически на все стороны функционирования мест заключения, демонстрируя заинтересованность в устранении проблемных ситуаций.

С исследовательской точки зрения интересны личности инспекторов, конкретно их поведение в процессе проверки. Портреты инспекторов ГТУ «Краинского» и «Черлениовского» достаточно ярко представлены в литературном труде революционера социал-демократа И. И. Генкина «По тюрьмам и этапам». Первый выступал в образе филантропа, переживавшего искренне за судьбу подопечных и использовавшего преимущественно метод «уговора». Писатель, как один из участников бунта заключенных в Смоленской центральной тюрьме, описывал его следующим образом: «Инспектор Краинский, искренне огорчившийся видом полуголых

[1] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 91. Л. 1, 1 об., 2 об., 3 об.
[2] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 91. Л. 7–8.
[3] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 91. Л. 14–15об.

и дрожавших от холода арестантов, пробовал уговорить нас бросить эту затею, сулил всякого рода обещания… но ничего из этого не вышло»[1]. «Чрлениовский» как лицо, подчиненное по роду деятельности военному ведомству, практиковал жесткий режим, что позволило ему в минимальные сроки остановить бунтарей. Он придерживался силовых методов воздействия, поскольку видел в них эффективность. Возможно, именно второй типаж был более подходящим для реализации контроля за ходом тюремных дел в начале XX в., так как в указанный период «надзор был ограничен борьбой с радикальными проявлениями, а не сводился к проверке условий содержания арестантов»[2].

Контрольно-управленческий аппарат местного губернского уровня был реорганизован в связи с введением в 1890 г. должностей тюремных инспекторов, «которые не имели аналогов в зарубежной практике»[3].

В процессе смены ведомственной принадлежности пенитенциарной системы, о чем уже говорилось в предыдущем параграфе, перечень контрольных полномочий ГТУ подвергся существенному расширению:

– в ведение ГТУ были отданы все вопросы ссылки в Сибирь;

– учреждено центральное дактилоскопическое бюро[4];

– в связи с повсеместным распространением в начале XX в. обществ патроната, ГТУ стало осуществлять общее руководство благотворительными обществами в вопросах осуществления ими общественного контроля за местами заключения начали создаваться общества патроната.

Д. П. Остапенко причину реорганизации ГТУ связал с расширением объема работы и усложнением задач, им решаемых[5]. В 1912 г. последовали изменения в

---

[1] *Генкин И. И.* Указ. соч. С. 44, 45.

[2] Там же. С. 50.

[3] *Детков М. Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России. Москва, 1999. С. 74.

[4] Данная идея была навеяна положениями Международных тюремных конгрессов. На тот момент контроль регистрации преступников посредством введения дактилоскопии уже активно использовался в Германии. С целью перенять опыт в этом вопросе в Германию был направлен инспектор ГТУ Н. Ф. Лучинский. На основании его доклада было образовано Бюро, о чем последовало циркулярное распоряжение «О введении дактилоскопии в тюремном ведомстве для регистрации преступников».

[5] *Остапенко Д. М.* Указ. соч. С. 254.

структуре делопроизводства ГТУ, в его составе сформировалось девять отделов[1]. В таком виде ГТУ продолжило контролировать деятельность подведомственных учреждений до марта 1917 г., когда произошла смена власти, и было учреждено Временное правительство.

За время своего существования ГТУ в вопросе реализации собственных контрольных полномочий пришло к следующим результатам:

1) в рамках решения управленческих задач: организована работа заведений, оказывавших исправительное воздействие на малолетних нарушителей уголовного закона; регламентирована и апробирована деятельность тюремных инспекторов; урегулировано непосредственное управленческое звено исправительных арестантских отделений; создана конвойная стража; установлено штатное расписание пенитенциарных учреждений г. Санкт-Петербурга, Закавказья, о. Сахалин;

2) в плане структурирования статистической части: сведены данные о ссылке и каторге[2]; о состоянии мест заключения гражданского ведомства;

3) в плане материально-хозяйственной составляющей упорядочено обеспечение арестантов провиантом, предметами экипирования, обновлен фонд тюремных зданий[3].

В заключение стоит отметить, что ГТУ с подконтрольными ему должностными лицами – инспекторами за многолетнюю практику своей деятельности упрочил статус ведомственного органа МВД/МЮ, осуществлявшего контрольные полномочия за функционированием мест заключения и пересыльной части, что позволило обособиться ведомственному контролю в исследуемой сфере.

Несмотря на достижения ГТУ, заключавшиеся в упорядочении системы отчетности, оказании методической помощи в виде составления практических разъяснений, накопления данных о состоянии пенитенциарного дела для дальнейшего

---

[1] По личному составу, распорядительная часть, строительная часть, хозяйственная часть, по арестантским работам, бухгалтерия и счетное отделение, законодательно-статистическая часть, по надзору за субъектами общественного контроля, по финансовой части.

[2] *Саломон А. П.* Доклад о современном положении ссылки и каторги в Сибири и на о. Сахалин Начальника ГТУ господину Министру юстиции. Санкт-Петербург, 1899.

[3] XV лет деятельности Главного Тюремного Управления // Тюремный вестник. 1894. № 6. С. 300–312.

его преобразования, осуществление им контрольной функции носило формальный характер в силу специфики устройства аппарата управления империей. Отдельные места заключения и ссылки, а также ряд направлений деятельности пенитенциарной системы по-прежнему оставались в непосредственном заведовании МВД, Военного министерства и высшего руководства империи.

2.3 Контроль органов местного управления в сфере исполнения уголовных наказаний России дореволюционного периода

На первых этапах тюремных преобразований, когда создание специализированных органов, уполномоченных контролировать деятельность мест заключения губернии, находилось только в планах предстоящих реформ, осуществляли наблюдение за местными пенитенциарными учреждениями представители губернского корпуса[1], полиция и жандармерия.

Губернатор совместно с вице-губернатором и губернским правлением получили право распоряжаться в местах заключения вверенной губернии, а равно и контролировать их состояние в силу следующих обстоятельств:

– во-первых, местная губернская администрация выступала непосредственным исполнительным органом МВД, а конкретно губернатор являлся представителем исполнительной власти в губернии;

– во-вторых, начальники губерний наделялись правом надзора за всеми находившимися в губерниях учреждениями гражданского ведомства, в том числе за местами заключения. Общий наказ губернаторам по этому поводу гласил: «Имея постоянное и тщательное попечение о благе жителей всех состояний управляемого ими края и вникая в истинное его положение и нужды, губернаторы обязаны действием данной им власти охранять повсюду общественное спокойствие, безопасность всех и каждого, и соблюдение установленных правил порядка и благочиния. Им поручены… доставление страждущим надлежащего призрения, и высший

[1] В данном случае под термином «губернский корпус» мы будем понимать губернаторов, вице-губернаторов, губернское правление и иные органы и должностные лица, находившиеся в непосредственном их подчинении.

надзор за скорым отправлением правосудия и немедленным исполнением всех законных постановлений и требований»[1];

– в-третьих, согласно Уставу о содержащихся под стражей в редакции 1876 г., губернаторы и губернские правления заведовали так называемыми тюрьмами особенного устройства: центральными каторжными тюрьмами, исправительными арестантскими отделениями, арестными домами для приговариваемых мировыми судьями к аресту, исправительными приютами для несовершеннолетних[2].

Контроль губернаторов за состоянием учреждений, исполнявших наказания на территории вверенной губернии, состоял в следующем:

1. Они входили в состав губернских комитетов Общества Попечительного о тюрьмах в качестве вице-президентов.

Так, в журнале заседаний такого комитета Владимирской губернии за февраль 1835 г. в составе заседания указаны управляющий губернией и советник губернского правления[3]. Следует отметить, что губернаторы должны были не только присутствовать на заседаниях попечительных о тюрьмах комитетов, но и представлять отчеты об их деятельности в МВД. Например, в письме к гражданскому губернатору Владимирской губернии С. С. Ланскому князь Трубецкой обращался с просьбой предоставить отчет о работе комитета, в частности, уделить внимание количеству заключенных обоих полов, показателю преступности, средствам для улучшения нравственно-физического состояния арестантов и прочим моментам[4]. К тому же некоторые начальники губерний поднимали вопрос о том, как следует вести тюремным комитетам их книги для денежной отчетности после введения в действие правил единства кассы[5]. Через губернское тюремное правление губернатор контролировал деятельность тюремных отделений. Например, в письме советника

---

[1] Свод Общих губернских учреждений, ст. 357.

[2] Подробнее об этом см.: *Градовский А. Д.* Указ. соч. Т. 3, кн. 2, отд. 2.

[3] ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 17. Л. 2.

[4] ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 17. Л. 7.

[5] Дело Владимирского губернского попечительного о тюрьмах комитета по отношению Владимирского губернатора относительно отчетности тюремного комитета // Там же. Оп. 6. Д. 8. Л. 2.

Владимирского губернского правления в Шуйское тюремное отделение от 3 сентября 1906 г. отделению предписывалось «производить свидетельствование через назначенных к тому директоров отделения поступающих в Шуйскую тюрьму продуктов, продовольствия, а также одежды и обуви для местных арестантов»[1].

2. Губернаторы осуществляли наблюдение за порядком пересылки арестантских партий через губернии в Сибирь или на Кавказ. Им, в частности, поручалось следить, чтобы арестанты «были снабжаемы кормовыми деньгами и одеждою и отправляемы в места назначения на основании особых изданных по этой части правил… чтобы лета преступников были означаемы по доставленным в губернское правление сведениям теми местами, откуда поступили приговоры»[2]. Кроме того, губернаторы должны были иметь постоянное попечение о содержании в надлежащем состоянии этапов и больниц для ссыльных, а также о безопасном и исправном препровождении ссыльных через губернию.

3. Губернаторы контролировали движение кадрового состава администрации мест заключения и тюремного отделения губернского правления. В данном случае им предоставлялось право принятия на службу и увольнения начальников и смотрителей мест заключения и иных лиц тюремного персонала. Об этом свидетельствуют приказы губернаторов, опубликованные на страницах журнала «Тюремный вестник»[3]. Решение кадрового вопроса осуществлялось губернатором по согласованию с ГТУ. Например, с момента образования губернской тюремной инспекции во Владимирской губернии губернатором был определен состав тюремного отделения губернского правления в лице «двух делопроизводителей и двух помощников»[4]. В губернских правлениях и канцеляриях губернаторов сосредоточивалась вся переписка по вопросам, относившимся к прохождению службы чинами тюремного ведомства и тюремной стражи, и сведения о кредитах, ассигнуемых на их содержание[5];

---

[1] ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20405. Л. 20

[2] Высочайше утвержденный от 3 июля 1837 г. Общий наказ гражданским губернаторам // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 12. № 10303.

[3] Напр.: Тюремный вестник. 1893. № 4. С. 124–126.

[4] Ответ Владимирского губернатора от 4 июля 1909 г. на отношение ГТУ от 25 июня 1909 г. № 19012 // ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21075. Л. 5.

[5] *Лопато Т. М.* Указ. соч. С. 21.

4. Губернаторы осуществляли надзор за процедурой исполнения приговоров смертной казни. От них зависел выбор места заключения для приведения смертной казни в исполнение[1].

5. Губернаторы осуществляли ревизию финансов мест заключения. Например, на основании ст. 118 Положения о казенных подрядах и поставках 1887 г. публичные торги по подрядам и поставкам на сумму до 200 тыс. руб. утверждались губернаторами[2]. В обязанность губернаторов также входило наблюдение за своевременностью составления губернским правлением ведомостей о количестве и личностях прибывших и убывших из губернии арестантов.

6. Губернаторы осуществляли наблюдение за размещением и распределением заключенных согласно нормам пенитенциарного законодательства[3].

7. Губернаторы посещали места заключения с целью их инспектирования. Так, во время ежегодного объезда территории губернии губернатор был обязан ревизовать тюрьмы и доносить императору в собственные руки о «найденном порядке или беспорядке»[4]. Посещать места заключения губернаторам приходилось внепланово – с целью устранения беспорядков в них, тем самым осуществляя контроль за нормальным их функционированием. В истории известен один интересный случай, когда Московский губернатор В. Ф. Джунковский усмирил политических арестантов Таганской тюрьмы, требовавших исполнения акта амнистии. В своих воспоминаниях он писал: «В Таганской тюрьме произошло осложнение … Толпа осадила тюрьму и требовала поверки применения амнистии. Подъезжая к тюрьме, я увидел, что улица запружена людьми с красными флагами. Я слез и стал пробираться пешком. Обещав им, что я все разберу, вошел в калитку. Пройдя в контору тюрьмы, я застал там полный хаос. На мое требование к делегатам от толпы снять шапки и поставить в угол красный флаг, они тотчас подчинились и

---

[1] Циркуляр ГТУ от 17 марта 1882 г. № 9 // Там же. С. 18, 19.

[2] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 15, 16.

[3] Эта обязанность была регламентирована циркуляром ДПИ от 8 апреля 1860 г. № 39 «О соблюдении правил относительно размещения арестантов» (Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1860 г. Ст. 20).

[4] Указ министра внутр. дел от 18 октября 1827 г. «Об обязанности гражданских губернаторов объезжать один раз в году вверенные им губернии» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. 2, № 1479.

держали себя с тактом»[1].

8. Губернаторы осуществляли сбор и проверку отчетности администрации мест заключения. В основном в качестве отчетных данных выступали рапорты о состоянии мест заключения, составленные их начальниками. Например, в рапорте начальника Владимирской губернской тюрьмы на имя Владимирского губернатора от 5 июля 1903 г. № 2479 отмечалось следующее: «Имею честь донести, что во вверенной мне тюрьме состоит все благополучно. Арестантов по списку 201 человек»[2], а в рапорте от 10 июля 1903 г. № 2641: «Во вверенной мне тюрьме все благополучно, арестантов по списку 198 человек, из них мужчин 170, женщин 25, пересыльных мужчин – 2 человека, женщин – 1»[3]. Подобные рапорты представлялись ежемесячно и еженедельно из всех мест заключения губернии[4]. Наряду с этим существовало такое понятие, как «утренний рапорт» полицмейстера, в котором он отмечал общее число арестантов мужского и женского пола, а также детей, содержавшихся в разного рода местах заключения, число лиц, пребывавших в больничном корпусе, отправленных в город на работы, список срочных арестантов[5].

9. Губернаторы аккумулировали в своем делопроизводстве данные о местах заключения, которые впоследствии составляли основу общего отчета о реальном состоянии пенитенциарного дела на местах, который отправлялся в МВД, а в ряде случаев и лично Императору. Следует отметить, что контроль данного вопроса имел приоритетное значение в масштабах всего государства, поскольку отчетная составляющая была одним из средств осуществления взаимодействия МВД (а позднее – МЮ) с местными органами власти по проблеме функционирования системы исполнения наказаний на местах.

---

[1] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания / под общ. ред. А. Л. Паниной. Москва, 1997. Т. 1. С. 88, 89.

[2] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2389. Л. 6.

[3] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2389. Л. 14.

[4] Там же. Л. 14, 15-16, 80, 82, 90, 98 ; Ф. 90. Оп. 11. Д. 8. Л. 9, 10, 16, 21.

[5] Утренний рапорт полицмейстера губернского города Владимира от 16 сентября 1903 г. // Там же. Оп. 4. Д. 2389. Л. 87-88 ; Утренний рапорт полицмейстера губернского города Владимира от 18 сентября 1903 г. // Там же. Л. 93.

По мнению А. С. Минакова, «система специальной отчетности являлась одной из форм контроля центральных властей над деятельностью губернаторов»[1]. МВД утвердило образец формы представления всеподданнейшего донесения по обозрению губерний[2], в котором отдельный раздел предусматривал заполнение сведений о тюремных замках, этапных траков, рабочих и смирительных домах, действовавших в пределах территории губерний. Данное упорядочение во многом позволило решить проблему сокрытия сведений о состоянии мест заключения в губерниях. Позднее на основе собранных данных из губерний МВД был составлен обзор общего состояния тюремной части в России, отразивший как негативные, так и положительные стороны тюремной жизни, что способствовало корректированию курса намеченных во второй половине XIX в. пенитенциарных преобразований.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляли меры, которые предлагали власти губерний для повышения эффективности контроля за тюремной сферой, а также для улучшения состояния мест заключения[3], например: «Права областного тюремного комитета должны быть расширены хоть на столько, чтобы он мог не ожидать разных утверждений от властей вне губернии»[4].

В 1851 г. в связи с сокращением делопроизводства МВД было принято решение об отмене доставления информации о количественном составе заключенных, о размере потраченных на них денег; о личностях преступников, подлежащих ссылке и др. Так, МВД теперь затребовало информацию только о тех лицах, в отношении которых следствие считалось еще неоконченным, а не об общем количестве содержавшихся более одного года заключенных[5].

---

[1] *Минаков А. С.* Губернский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.) : дис. … д-ра ист. наук. Орел, 2011. С. 90.

[2] Именной указ, объявленный гражданским губернаторам Министром внутренних дел, от 8 июля 1831 г. «О формах всеподданейших рапортов гражданских губернаторов по годичному обозрению губерний» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание. 2. Т. 6, № 4689.

[3] Подробнее об этом см.: Материалы по вопросу преобразования тюремной части в России. С. 25–28.

[4] Там же. С. 27.

[5] О срочных сведениях : циркуляр МВД от 23 июля 1851 г. № 3415 // ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 118. Л. 45–46.

Преимущественно контрольные полномочия губернского правления осуществлялись в вопросе распределения денежных средств из казны на потребности арестантского быта. Так, из мест, заведовавших приходом и расходом денежных средств, выделяемых на содержание арестантов, ежегодно в губернское правление доставлялись специальные книги, которые затем направлялись для более тщательной проверки в Казенную палату губернии[1].

Губернское правление также разделяло с губернатором функцию по контролю за пересылкой арестантов. Устав о ссыльных 1822 г. провозглашал одним из прав губернского правления вынесение распоряжения о ссылке, при этом в предмет его обязанностей вошли подготовка надлежащих документов, отправление в Сибирь уведомлений, снабжение ссыльных одеждой.

По поручению губернатора советники губернского правления посещали места заключения губернии с целью ревизии, о результатах которой докладывали ему рапортом. Следует отметить, что в содержании рапортов отражались как положительные, так и негативные моменты. Это позволяло губернскому правлению объективно оценить положение дел в исследуемой сфере на местах. Например, в выдержке из рапорта советника губернского правления Владимирскому губернатору от 9 февраля 1906 г. отмечалось: «Довожу Вашему Превосходительству, что в бытность в г. Меленках 3 февраля 1906 г. я посетил Меленковскую тюрьму. Тюрьма найдена мною в образцовом порядке. Просьб и жалоб арестантов не заявлено. Пища хороша, хлеб выпечен плоховато. Делопроизводство ведется правильно, но есть следующие упущения: книга склада не велась, книги надзирательского обмундирования не заполнены … Начальник тюрьмы болен, тюрьмой заведуют чины полиции»[2]. Муромская тюрьма, наоборот, была найдена советником в крайне неудовлетворительном состоянии: «Тюрьма найдена очень грязной. Повсюду в камерах валяются бумажки, подсолнухи. Сор сметен в углы и не вынесен, хотя уже 11 утра. Отхожие места в безобразно запущенном виде. Арестантская одежда хранится не в

[1] Высочайше утвержденный от 3 июля 1837 г. Общий наказ гражданским губернаторам // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 12, № 10303.

[2] Дело о ревизии тюрем Владимирской губернии (февраль 1906 г. – январь 1907 г.) // ГАВО. Ф. 40. Оп.1. Д. 20405. Л. 1, 1 об.

должном порядке. Состав надзирателей очень слаб и распущен. Делопроизводство ведется не совсем исправно. Дела не все подшиты»[1].

Что касается обратной связи начальников мест заключения с губернским правлением, то она заключалась в доставлении в его канцелярию рапортов от тюремной администрации с информацией об устранении недостатков либо с объяснением невозможности их устранения. Так, в ответ на полученные замечания, выявленные советником Владимирского губернского правления при инспектировании Вязниковской уездной тюрьмы (рапорт от 28 марта 1906 г. № 1373)[2], начальник этой тюрьмы 14 апреля 1906 г. рапортовал (№ 357) следующее: «Во исполнение указа от 28 марта 1906 года за № 1373 честь имею донести губернскому правлению, что замеченные при ревизии делопроизводства тюрьмы господином советником неисправности в делопроизводстве в настоящее время все устранены. Начальник тюрьмы Семенов»[3].

Примечательно, что губернское правление инспектировало места заключения не только с целью сбора сведений о состоянии их деятельности, но и по результатам ревизии выходило с ходатайствами к губернатору. Так, в рапорте Владимирскому губернатору от 21 сентября 1906 г. советник губернского правления обращался со следующей просьбой: «Подробно ознакомившись с положением дел в Шуйской тюрьме, я прихожу к заключению, что необходимо возобновить ходатайства о перестройке этой тюрьмы (она вмещает 77 человек, а по факту содержится 211), об учреждении должности помощника начальника Шуйской тюрьмы»[4].

Рапорты советников по итогам инспектирования мест заключения рассматривались на заседаниях губернского правления, которое принимало решение о способах и сроках устранения выявленных недостатков и наказании виновных лиц, о чем делались отметки в специальном журнале губернского правления. Так, в одном из журналов Владимирского губернского правления по 3-му столу 2-го отделения от 2

---

[1] Там же. Л. 12–13 об.

[2] Там же. Л. 9–10.

[3] Дело о ревизии тюрем Владимирской губернии (февраль 1906 г. – январь 1907 г.) // ГАВО. Ф. 40. Оп.1. Д. 20405. Л. 11.

[4] Там же. Л. 18.

сентября 1906 г. было записано: «Выслушав рапорт, губернское правление определяет: о замеченных беспорядках и упущениях дать знать начальнику тюрьмы указом, предписав ему немедленно привести тюрьму в должный порядок и устранить неправильности в делопроизводстве, и об исполнении донести»[1]. В этом же журнале есть отметка об исполнении («13 сентября 1906 год начальник Муромской тюрьмы, рапорт № 3630»[2]). В журнале Владимирского губернского правления от 27 октября 1906 г. № 4217 прописано решение правления об объявлении начальнику Покровской тюрьмы выговора[3], вынесенное на основании рапорта советника правления Владимирскому губернатору от 16 октября 1906 г. № 5205, содержавшего информацию о неудовлетворительном состоянии дел в Покровской тюрьме[4].

Контрольная функция вице-губернаторов сводилась к личному посещению мест заключения с целью ревизии. Они должны были принимать «живое участие в приведении тюрем в удовлетворительное состояние и частыми своими посещениями отвращать отступления от закона в содержании арестантов, а там, где таковые окажутся, пресекать законными мерами»[5].Обязанность инспектирования была возложена на вице-губернаторов по особому распоряжению губернаторов, которое представляло собой документ примерно такого содержания: «Отправить сего числа из Владимира для обревизования уездных присутственных и иных мест и поручить исправление моей деятельности вице-губернатору»[6]. Циркулярным предписанием от 17 октября 1855 г. № 221 ДПИ обязал губернаторов установить особый надзор за всеми местами лишения свободы гражданского ведомства с посещением последних не реже двух раз в месяц. Непосредственно в городах губернии этот вопрос находился на контроле у вице-губернатора, в уездных – у местных чиновников.

По результатам инспектирования вице-губернаторы представляли губернаторам полный отчет о состоянии мест заключения. На основании анализа архивных

---

[1] Там же. Л. 15 об.

[2] Там же. Л. 14.

[3] Там же. Л. 27, 28.

[4] Дело о ревизии тюрем Владимирской губернии (февраль 1906 г. – январь 1907 г.) // ГАВО. Ф. 40. Оп.1. Д. 20405. Л. 23, 24.

[5] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 16.

[6] ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20405. Л. 37.

данных выделим ключевые проблемы, которым уделялось особое внимание со стороны вице-губернаторов:

1) состояние тюремных зданий. Например, в материалах ревизии Покровской тюрьмы 24 апреля 1904 г. указано: «Здание новое, вполне удовлетворяет своему назначению, в коридорах чисто»[1]; по итогам осмотра Ковровской тюрьмы 26 апреля 1904 г. было установлено, что «здание тюрьмы старое, каменное, давно не крашеное, особенно плохи кухня и баня. Они требуют немедленного ремонта»[2];

2) жалобы арестантов в местах заключения. Например, в Ковровской тюрьме «некоторые арестанты жаловались на суровое обращение с ними руководства тюрьмы»[3]; в Покровкой тюрьме «при посещении камер каких-либо жалоб никем не заявлено, кроме арестанта Кузовенкова, жаловавшегося на нанесение ему словесных оскорблений прокурором окружного суда»[4];

3) состояние канцелярии начальника места заключения. Данный раздел был обязательным во всех рапортах, поступавших от вице-губернаторов, поскольку состояние делопроизводства влияло на достоверность представляемых губернатору сведений, которые в дальнейшем поступали вышестоящему руководству. Так, ревизуя Вязниковскую уездную тюрьму, вице-губернатор отмечал: «В канцелярии образцовый порядок, дела и все книги налицо и ведутся безукоризненно. Видно полное знакомство и навык начальника в ведении всего делопроизводства. Требуемые книги по делам и сведения находятся немедленно»[5]. Совершенно обратные данные имелись в материалах осмотра, например, Покровской уездной тюрьмы: «Алфавит арестантов никем не засвидетельствован, не прошит и не пронумерован. Книги на записку материалов отопления и освещения не имеется. Имущество по

---

[1] Дело о ревизии вице-губернатором уездных тюрем и полицейских управлений. Рапорт господину Владимирскому губернатору от вице-губернатора от 3 мая 1904 г. № 1547 // Там же. Д. 20132. Л. 2.

[2] Там же. Л. 3.

[3] Дело о ревизии вице-губернатором уездных тюрем и полицейских управлений. Рапорт господину Владимирскому губернатору от вице-губернатора от 3 мая 1904 г. № 1547 // ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20132. Л. 3 об.

[4] Там же. Л. 2.

[5] Там же. Л. 5 об.

описи начальником тюрьмы не принималось»[1];

4) снабжение арестантов одеждой и обувью. Например, в общих замечаниях, выявленных вице-губернатором при осмотре отдельных тюрем Владимирской губернии в мае 1903 г., отмечалось: «Следовало бы возобновить ходатайство об отмене порядка исчисления заготовки арестантской одежды; обратить внимание на своевременную заготовку одежды к определенному сроку; следовало бы возобновить ходатайство о сокращении срока носки котов»[2].

Кроме того, вице-губернаторы могли быть командированы внепланово в места заключения с целью ревизии на основании поступивших к губернатору жалоб от арестантов. Так, на основании прошения губернатору Владимирской губернии с жалобой на администрацию Ковровской уездной тюрьмы от 3 декабря 1906 г. № 6116 вице-губернатор Келеповский был направлен в нее для проверки поступивших сведений. По результатам ревизии Калеповский отмечал следующее: «Имею честь донести, что я 11 декабря произвел ревизию в г. Коврове уездной тюрьмы. При посещении и ревизии я имел в виду поступившую от содержащихся в ней жалобу на порядок содержания, пищу и притеснения, чинимые тюремной стражей. При осмотре мною замечены отхожие места в плохом состоянии, выявлен случай перепродажи товаров арестантам. Начальник тюрьму посещает редко, положившись всецело на старших надзирателей. Тюремная стража показала плохое понимание обязанностей. Недостаток у некоторых арестантов одежды объясняется ее малым количеством. …все найденные беспорядки я отношу на счет недостаточно внимательного и заботливого отношения к своим обязанностям начальника тюрьмы т. Благонадеждина»[3]. Отметим, что на основании данного рапорта Владимирское губернское правление в кратчайшие сроки вынесло решение об объявлении начальнику тюрьмы Благонадеждину строгого выговора с предписанием об

[1] Там же. Л. 2 об.

[2] Там же. Л. 7.

[3] Рапорт вице-губернатора Калеповского Владимирскому губернатору от 13 декабря 1906 г. № 610 // ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20405. Л. 38–39.

устранении всех недостатков[1].

Существенное расширение контрольных полномочий местных органов власти происходит после проведения Великих буржуазных реформ. Местной администрации было предоставлено право издания обязательных постановлений[2]. В архивных источниках второй половины XIX в. встречаются, например, циркулярные предписания Владимирского губернатора, касавшиеся распоряжений по тюремной части. В основном они содержали требования по представлению отчетности[3], а также по обустройству тюрем «в лучший вид»[4].

В отечественной историко-правовой мысли полиция рассматривается как одно из ключевых звеньев механизма государства, как первостепенный исполнитель его воли[5]. Соответственно на полицейские органы губерний в лице обер-полицмейстеров, полицмейстеров и уездных исправников были возложены преимущественно исполнительные функции, в частности, обязанности контролировать процедуру отправки арестантов к местам дальнейшего отбывания наказания, а также устанавливать надзор за контингентом. Полицейские управления и подведомственные им лица находились в непосредственном подчинении губернатора и губернского правления (ст. 694 Общего учреждения губернского).

Органы полиции на местах осуществляли контроль санитарного состояния и благоустройства в исправительных учреждениях губерний, а также следили за соблюдением администрацией мест заключения порядка содержания и пересылки арестантов в соответствии с в Уставом о содержащихся под стражей и о ссыльных.

---

[1] Выписка из журнала Владимирского губернского правления от 28 декабря 1906 года // Там же. Л. 42.

[2] Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 20 сентября 1876 г. «О предоставлении местным административным властям права издавать обязательные постановления» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 51, № 56203.

[3] Циркуляр Владимирского губернатора от 15 сентября 1889 г. № 226 // ГАВО. Ф. 90. Оп. 11. Д. 8. Л. 8.

[4] Распоряжение Владимирского губернатора от 25 июля 1880 г. № 4795 // Там же. Ф. 798. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

[5] *Борисов А. В.* Полиция и проблемы модернизации Российской империи / А. В. Борисов // Российская полиция: три века служения Отечеству : сб. ст. Юбилейной междунар. науч. конф. В 2-х частях, Москва, 21 декабря 2018 г. / Под ред. В.Л. Кубышко. Том Часть 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 51.

Для уяснения полицмейстерами и уездными исправниками порядка действий в отношении исполнения возложенных на них обязанностей по наблюдению за местами заключения циркулярными предписаниями МВД было установлено следующее:

– «исправники и полицмейстеры должны были ежедневно обозревать тюремные замки и иметь неослабное наблюдение за выполнением тюремными начальниками и смотрителями возложенных на них обязанностей». К посещениям предъявлялось требование их внезапного осуществления, считалось, что только при таком контроле можно видеть повседневную жизнь арестантов, а не приготовленную к осмотру[1]. Так, известный русский журналист и писатель И. П. Белоконский в своих путевых заметках рассказывал: «Однажды полицмейстер, почти ежедневно посещавший тюрьму, явился внезапно в не назначенный час… арестанты не были заперты и со всех сторон окружили начальника города, излагая свои просьбы»[2];

– в порядке исполнения отмеченной выше обязанности начальники уездной и городской полиции не должны были ограничиваться надзором за внешней чистотой, порядком, а равно за предупреждением возможных побегов, а распространять свое наблюдение на все тюремное делопроизводство и отчетность, при этом обращая пристальное внимание на сохранность принадлежавших арестантам денежных средств. Для выполнения данной задачи действенным средством часто выступали опросы арестантов о том, имели ли они собственные деньги, а также проверка правильности составления квитанций;

– полицейские чины обязаны были посещать места заключения с целью предупреждения побегов арестантов и беспорядков в тюрьмах.

О том, что полицейские органы контролировали тюремную часть на местах, свидетельствуют инструкции тюремной администрации. Ярким примером такого документа является Инструкция смотрителю Санкт-Петербургского тюремного замка, содержавшая следующие положения: «Смотритель строго отвечает обер-по-

---

[1] Циркуляры МВД от 8 июля 1867 г. № 151 и от 17 сентября 1878 г. № 117 // Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 32.

[2] *Белоконский И. П.* Указ. соч. С. 68.

лицмейстеру как своему начальнику о состоянии тюремного здания… также предоставляет рапорт, ежедневные перечневые ведомости о числе арестантов»[1].

В процессе исполнения уголовных наказаний на местах у начальников тюрем все чаще возникали вопросы по поводу их отношения с другими властями в губерниях, в частности, с полицейской частью. По этому поводу руководством пенитенциарной системы империи были приняты практические разъяснения следующего характера: «Уездные исправники сохраняли право непосредственного распоряжения в тюрьмах, согласно циркуляру от 24 июля 1879 года № 1204; исправники и полицейское управление составляли прямое начальство тюремных смотрителей, и поэтому сносятся с ними предписаниями, получая от них рапорты и донесения; как непосредственное начальство, уездный исправник имеет право в порядке дисциплинарного надзора делать тюремной администрации выговоры и замечания»[2].

В 1887 г. последовало ограничение функционала полицейских органов в части контроля за местами лишения свободы[3]. Они лишались права запроса рапортов от тюремного начальства.

Еще одним органом, надзиравшим за положением тюремных дел в губерниях, являлось жандармское управление, которое обладало независимостью от губернской администрации и состояло в ведении отдельного корпуса жандармов. По мнению Ю. В. Рыжовой, этот корпус «как политическая полиция, обеспечивал прежде всего государственную безопасность и монархический строй»[4]. Циркуляром МВД от 28 февраля 1877 г. № 30 начальникам губернских и уездных жандармских управлений было сообщено о преимуществе их лиц на освобождение от обязательного предъявления билетов на право беспрепятственного входа при посещении мест заключения.

---

[1] Инструкция смотрителю Санкт-петербургского тюремного замка. Санкт-Петербург, 1852. С. 4, 8.

[2] *Соловьев Н. Н.* Указ. соч. С. 422.

[3] Это было связано со вступлением в силу Положения о тюремной страже. Однако в тех местах, где данное положение еще не было приведено в исполнение, уездным исправникам и полицмейстерам было предоставлено право непосредственного распоряжения в местах заключения под наблюдением губернаторов.

[4] *Рыжова Ю. В.* Жандармская реформа 1867 года в Российской империи и ее историческое значение // Закон и право. 2024. № 12. С. 42.

В основном жандармерия вела надзор за деятельностью мест заключения, в которых содержались политические арестанты. При этом у нее не было права непосредственного распоряжения в местах заключения. Ее представители могли лишь выявить недостатки и сообщить о них надлежащему начальству. Однако на деле все происходило совсем иначе, о чем свидетельствуют воспоминания чинов администрации мест заключения. Так, бывший тюремный надзиратель Я. Журчало писал в своих мемуарах: «Жандармское начальство всегда находило случаи показать свою власть и отомстить за уязвленное самолюбие. В большинстве случаев оно являлось в тюрьмы, стараясь принимать начальствующий тон не только по отношению к заключенным, но и по отношению к администрации»[1].

О полиции Я. Журчало отзывался следующим образом: «По примеру жандармской полиции и уездные полицейские исправники не могут отвыкнуть от истари укоренившейся привычки смотреть на начальника тюрьмы как на лицо, ему подчиненное»[2].

Подобные ситуации не могли не привести к обострению отношений и нарастанию противоборства между контролировавшим звеном и руководством тюрем. Противостояние возникало, как правило, по причине отсутствия надлежащего взаимодействия между данными органами. Подобная непримиримость сторон неблагоприятно влияла на деятельность мест содержания арестантов.

Органы управления губерниями, а также содействовавшие им должностные лица при осуществлении контроля за функционированием местных учреждений и органов, исполнявших наказания, столкнулись с рядом проблемных аспектов, в их числе отметим:

– сосредоточение обширных полномочий по управлению губернией, предписанных законодательно[3], что отодвигало на периферию контроль за функционированием мест заключения. По мнению руководства МВД и ГТУ, недостаточный при-

---

[1] *Журчало Я.* Современная тюрьма и ее особенности. Санкт-Петербург, 1910. С. 8.
[2] *Журчало Я.* Указ. соч. С. 8.
[3] Наказом гражданским губернаторам и Учреждением губернских правлений.

смотр за вверенными местами заключения со стороны губернского руководства порождал увеличение побегов и организацию бунтов арестантами[1];

– неоднообразный характер отчетной документации;

– несвоевременное доставление отчетной информации;

– отсутствие практической пользы большинства отчетов. Губернаторы в основном боролись за то, чтобы отчет выглядел более компактным, в результате чего он выигрывал в объеме, но уступал в содержании;

– наличие факта «лжеконтроля». В данном случае стоит привести исторический пример визита в харьковский тюремный замок лиц, переодетых в жандармов и имевших при себе подложное распоряжение жандармского управления с требованием доставить на допрос конкретных арестантов данного замка[2];

– ненадлежащее ведение наблюдения за течением арестантских дел. На этот счет ГТУ отмечало факты отсутствия полного осмотра вновь прибывавших арестантов, небрежного отношения к обеспечению внутреннего распорядка мест лишения свободы, допущения встреч арестантов с неблагонадежными лицами[3]. Кроме это в практике деятельности губернаторов встречались факты халатного отношения к подбору кадров на должности тюремной администрации, допущения связи арестантов с тайными обществами, поддерживавшими государственных преступников[4];

– отсутствие взаимодействия с начальниками мест заключения.

Как было отмечено выше, в целях минимизации указанных проблем с 1890 г. постепенно на всей территории Российской империи были учреждены губернские тюремные инспекции[5], а там, где они отсутствовали, – тюремные отделения в составе губернского правления.

---

[1] Циркуляр ГТУ от 24 июля 1879 г. № 1204 // Сборник циркуляров по тюремной части (Первое прибавление к сборнику 1880 г.). С. 4.

[2] ГАВО. Ф. 798. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

[3] О точном соблюдении правил о порядке содержания арестантов в местах заключения : циркуляр. отношение губернаторам начальника ГТУ Стремоухова от 2 нояб. 1902 г. № 9 // Тюремный вестник. 1902. № 10. С. 676.

[4] *Соловьев Н. Н.* Указ. соч. С. 119.

[5] Об утверждении губернской тюремной инспекции : закон от 31 марта 1890 г. // ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1884. Л. 1072.

По своей сути эти учреждения были исполнителями воли ГТУ на местах, хотя находились в подчинении администрации губернии и обладали обширными полномочиями в области контроля за деятельностью мест заключения губерний. Таким образом, инспекции имели двойное подчинение: с одной стороны – ГТУ, с другой – губернатору.

Данные органы наблюдали за общим порядком в местах содержания арестантов, контролировали соблюдение администрацией данных мест всех положенных нормативных предписаний.

Тюремные инспекции губерний могли принимать участие в деятельности попечительно-просветительного характера в отношении исправительных арестантских отделений, иметь право голоса в членстве собраний тюремных комитетов и отделений, губернских распорядительных комитетов.

Территориально данные органы получили широкое распространение и были учреждены во многих губерниях[1], что во многом продвинуло вперед тюремную реформу.

Наблюдение за течением арестантских дел происходило посредством регулярного посещения мест заключения, во время которого инспекторы фиксировали замеченные недостатки. Объезжать все места заключения в губерниях предписывалось не менее одного раза в год, не считая случаев экстренной надобности в посещении той или иной тюрьмы, а также мест заключения губернского города, которые инспекторы должны были посещать еженедельно. При проверке мест заключения инспекторам следовало не только установить наличие нарушений, но и «наблюсти за устранением первых и озаботиться, в своем же присутствии, осуществить те из намеченных им мер, которые не требуют утверждения высшей власти»[2].

Результаты инспектирования во многом отражали реальное положение дел по вопросу исполнения уголовных наказаний на местах. Наиболее проблемными оставались такие вопросы, как:

---

[1] См, подробнее : Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 14, № 10597; там же. Т. 15, № 11742; там же. Т. 29, № 32006; там же. Т. 30, № 33693; там же. Т. 31, № 37563.

[2] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 29.

– медицинское обеспечение заключенных. Например, в материалах ревизии тюремной инспекции Луцкой тюрьмы в 1910 г. имелись следующие данные: «В тюрьме повсюду грязь … Помещения больницы сырые, больничные халаты похожи на рвань, истории болезни не ведутся…»[1]. По сведениям Вологодского тюремного инспектора от 12 февраля 1911 г., «из-за двукратного переполнения тюрем и отсутствия фельдшеров, врачебный осмотр почти не производится, включая вновь поступающих в тюрьмы лиц»[2];

– отсутствие материальных средств на приобретение белья, одежды. Согласно информации Виленского тюремного инспектора от 12 февраля 1911 г., необходимые бытовые принадлежности … не закупались в связи с отсутствием денежных средств»[3];

– нарушения режима содержания заключенных. При личном инспектировании мест лишения свободы инспекторам приходилось часто сталкиваться, в частности, с проблемой побегов. Так, в письме Владимирского губернского тюремного инспектора от 27 января 1916 г. № 479, адресованном прокурору Владимирского окружного суда, отмечалось следующее: «В 1916 году во Владимирской исправительной колонии были почти ежедневно случаи побегов воспитанников колонии, причем последний раз побег совершили сразу 33 человека. Отмечая такое ненормальное и в высшей степени нежелательное явление, я неоднократно обращался к председателю правления Общества данной колонии с просьбой о принятии энергичных мер к предупреждению побегов. На что Общество уведомило, что временно лишено возможности усилить надзор за воспитанниками»[4]. Встречались также случаи нарушения организации арестантских работ. В циркуляре Владимирского губернского тюремного инспектора от 12 ноября 1914 г. № 98 указывалось: «При посещении мною мест заключения губернии и при ревизии делопроизводства замечено, что для выполнения внешних работ в некоторых местах заключения переводились из других тюрем губерний заведомо больные арестанты, не способные ни к каким работам, а также рецидивисты,

[1] ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 3196. Л. 5.
[2] Там же. Д. 3211. Л. 61.
[3] ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 3211. Л. 76.
[4] Там же. Д. 1308. Л. 31.

вообще арестанты дурного поведения. В этом случае требую от начальников тюрем отбирать на работы арестантов вполне здоровых и годных»[1].

В тюремном отделении губернского правления сосредоточивалась вся переписка по делам губернии, касавшимся арестантско-тюремной и пересыльной частей, в связи с чем в его ведении находились дела относительно личного состава управления и надзора в местах заключения (определение, увольнение, жалование и вообще прохождение службы тюремной администрацией), порядка содержания заключенных, производства арестантами работ, заготовления предметов первой необходимости для заключенных (одежды, обуви), заведования тюремными делами, распоряжения всеми кредитами[2].

Губернские тюремные инспекции «разгрузили» полномочия губернаторов в вопросе сбора статистических сведений о состоянии мест заключения губернии для последующей отправки их в ГТУ. Так, в циркуляре Владимирского губернского тюремного инспектора Познанского от 8 марта 1910 г. № 830 отмечалось следующее: «Препровожу при сем программу составления годового отчета о состоянии вверенных вам местах заключения, предлагаю Вам озаботиться составлением сказанного отчета со всевозможной тщательностью, имея в виду то, что таковой будет включен полностью в инспекторский годовой отчет по губернии. Отчет имейте мне представить в законченном виде не позднее 20-го апреля сего года. Большинство сведений желательно излагать в форме таблицы»[3]. В программе отчета были прописаны обязательные разделы, по которым осуществлялся сбор информации: состояние здания тюрьмы, сведения об администрации и надзоре, исполнительная деятельность администрации, организация арестантских работ, нравственное воздействие на заключенных, состояние врачебной помощи, ведение тюремного хозяйства[4]. Наряду с этим существовала практика запроса тюремными инспекторами статистических карточек о составе арестантов, по этому поводу в одном из цирку-

[1] Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21747. Л. 94.
[2] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 24.
[3] ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21029. Л. 1.
[4] Там же. Л. 2-3.

ляров Владимирского губернского правления по тюремному отделению предусматривалось: «Предлагаю представлять мне еженедельно по понедельникам статистические карточки о составе арестантов»[1].

По запросу губернских тюремных инспекторов из каждого места заключения губернии поступали годовые[2], а также полугодовые ведомости о движении тюремного населения[3].

Однако не все отчеты доставлялись в срок, а если и доставлялись, то содержали неполные данные. Например, в рапорте начальника Гороховецкой тюрьмы от 19 мая 1910 г. № 481 приводилось следующее объяснение: «Медленность в предоставлении этого отчета произошла от производства большого ремонта тюрьмы, требующего постоянного моего наблюдения»[4]. В циркуляре тюремного отделения Владимирского губернского правления от 9 августа 1910 г. № 2392 указывалось, что «из всех представленных отчетов по уездным тюрьмам губернии не доставлено сведений о количестве арестантов, получавших лечение в земских больницах, о размере сумм, израсходованных на продовольствие арестантов»[5].

ГТУ наделило губернские тюремные инспекции полномочиями по ведению дел относительно всех происшествий в местах заключения[6]. Особое внимание инспекторы должны были обращать на побеги. Надзорными органами Владимирской губернии отмечалось, что «за последнее время стали чаще повторяться случаи побегов как из мест заключения, так и с работ вне тюремных зданий. Причина этого

---

[1] Циркуляр Владимирского губернского правления по тюремному отделению от 11 октября 1912 года № 4043 // Там же. Д. 21747. Л 21.

[2] Напр.: Годовая ведомость о движении тюремного населения в Судогодской тюрьме от 1 января 1915 г. № 5 // ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22768. Л. 2, 3 ; Годовая ведомость о движении тюремного населения в Гороховецкой уездной тюрьме за 1914 г. от 1 января 1915 г. № 6 // Там же. Л. 6, 7 ; Годовая ведомость о движении тюремного населения в Александровской тюрьме от 4 января 1914 г. № 18 // Там же. Л. 11, 12.

[3] Напр.: Рапорт начальника Вязниковской тюрьмы во Владимирскую губернскую тюремную инспекцию о доставлении полугодовых ведомостей о движении тюремного населения от 1 июля 1915 г. № 848 // Там же. Л. 69 ; Полугодовая ведомость о движении тюремного населения в Вязниковской уездной тюрьме от 1 июля 1915 г. // Там же. Л. 83, 84.

[4] Там же. Д. 21029. Л. 13.

[5] ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21029. Л. 19.

[6] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 27.

кроется в том, что начальники тюрем не исполняют указы ГТУ, а равно распоряжений губернского начальства. Строжайше предписываю им неотлагательно применять меры к дальнейшему предупреждению побегов арестантов»[1].

В историко-правовой науке приводится много примеров структуры и полномочий тюремных инспекций в различных губерниях империи. Так, профессор М. Г. Детков проанализировал деятельность инспекции Оренбургской губернии, работа которой сосредоточивалась в делопроизводствах: административном (в нем хранилась информация относительно вопросов перевода арестантов из мест заключения, переписка по жалобам и просьбам арестантов и т. п.); хозяйственном (годовые сметы по казенным кредитам, дела о найме зданий под тюрьмы, ведение бухгалтерии и прочее); секретарском (личная переписка инспектора, распоряжения по тюремной части, личные дела сотрудников инспекций, информация по побегам и происшествиям во вверенных местах заключения, отчетность по производственным предприятиям, функционировавшим на территории пенитенциарных учреждений)[2]. Н. В. Славинским была изучена деятельность тюремной инспекции Кубани[3]. В структуре этого органа он выделил шесть делопроизводств (делопроизводство секретаря, первое, второе, третье, и четвертое делопроизводства, а также делопроизводство тюремного комитета).

Несмотря на широкий фронт работы, кадровый состав инспекций был незначительным. Например, в штате Московской губернской тюремной инспекции состояли инспектор, его помощник, секретарь, три делопроизводителя, три их помощника и 28 вольнонаемных работников[4].

С современной позиции оценить эффективность работы губернских тюремных инспекторов можно на основании анализа отчетной документации как самих инспекций, так и ГТУ.

Отчеты тюремных инспекций должны были не только отображать действительное состояние осмотренного места заключения, но и давать представление, с

---

[1] Циркуляр Владимирского губернатора по тюремной инспекции от 11 июня 1912 г. № 2644 // ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21747. Л. 12.

[2] *Детков М. Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России. С. 101–104.

[3] *Славинский Н. В.* Указ. соч.

[4] ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 2557. Л. 3.

одной стороны, о том, что сделано инспектором для улучшения тюрьмы, с другой – о предстоящей в этом направлении работе. «Они не должны были загромождаться изложением разных мелочных нарушений порядка ведения канцелярии и даже содержания арестантов, поскольку эти отступления должны были быть устранены инспектором при личном посещении»[1].

В качестве образцово-показательной стоит выделить отчетность тюремных инспекций Костромской и Саратовской губерний.

Первый отчет состоял из следующих разделов:

– административная часть: указывался перечень дел, которые производились в инспекции (по исполнению приговоров по делам уголовным, о ссылке в Сибирь, размещение арестантов, обеспечение их предметами первой необходимости, отчетность о ссыльных и прочее); здесь же были ведомости о количестве дел и бумаг, находившихся за отчетный период в производстве инспекторов;

– наличность и обороты экономических сумм: содержалась информация о количестве израсходованных денег на содержание тюремных зданий, прокормление арестантов, довольствие тюремной администрации и т. п.;

– личный состав чинов управления и надзора;

– дисциплина и нравственно-исправительные меры (информация о ссылке в Сибирь, о побегах);

– хозяйственная часть (продовольствие, одежда, обувь, отопление, освещение, содержание в чистоте мест заключения, ведомости о ходе строительных работ, сведения о состоянии мест заключения)[2].

Большой объем отчета занимают цифровые данные в таблицах.

Перечень разделов во втором отчете был идентичен первому. Отличие состояло лишь в том, что отчет Саратовского губернского тюремного инспектора включал в себя отчеты других учреждений, например, попечительного о тюрьмах комитета, приюта для арестантских детей и прочих организаций, а также ряд собственно

---

[1] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 29.

[2] Подробнее об этом см.: Отчет Костромского губернского тюремного инспектора о деятельности Губернской тюремной инспекции и о состоянии мест заключения Костромской губернии за 1896, 1897 и 1898 год. Кострома, 1899.

изданных циркулярных распоряжений.

Несмотря на незначительное несовпадение в структуре, в отчетах были представлены разные сведения о движении дел в инспекциях, что очень важно для оценки эффективности их деятельности.

Так, анализ исследуемых документов показал, что в Костромской инспекции дела разрешались более продуктивно, чем в Саратовской. Например, в период с 1 сентября 1895 г. по 1 января 1896 г. инспекцией Костромы было принято на рассмотрение 178 дел, из них решено – 148[1], а в Саратовской инспекции за 1902 г. было разрешено 691 дело, а 747 осталось без последствий[2].

В целом отчеты инспекторов отличались полнотой сведений, что позволяло всесторонне ознакомиться с состоянием тюремной части на местном уровне.

Отчеты ГТУ содержали информацию о кадровом составе инспекций и профессионализме инспекторов. Так, по материалам отчетности ГТУ за 1912 г., «из десяти новых должностей тюремных инспекторов – семь были замещены бывшими помощниками инспекторов, две были предоставлены тюремным инспекторам, изъявившим желание перейти в другую губернию, а одна была замещена лицом постороннего ведомства, но очень хорошо осведомленным в делах тюремных»[3]. Благодаря этому деятельность тюремных инспекций в отчетном году благоприятно отразилась на постановке дела в соответствующих тюремных учреждениях.

Из отчета следует, что к инспекторским чинам предъявлялись высокие требования. Например, 8 из 11 помощников имели дипломы высшего учебного заведения. Это объяснялось тем, что ГТУ, столкнувшись ранее с некомпетентностью многих контролировавших тюремную часть субъектов, ставило своей задачей подборку качественно подготовленных кадров. В подтверждение приведем слова министра юстиции И. Г. Щегловитова: «Тюремная часть никогда не будет приведена

[1] Отчет Костромского губернского тюремного инспектора о деятельности Губернской тюремной инспекции и о состоянии мест заключения Костромской губернии за 1896, 1897 и 1898 год. С. 5, 6.

[2] Отчет Саратовского губернского тюремного инспектора о состоянии мест заключения Саратовской губернии за 1902 год. Саратов, 1903. С. 13.

[3] Отчет по ГТУ за 1912 год. Санкт-Петербург, 1914. Ч. 1. С. 6.

в порядок… если тюремные должности не будут замещены опытными и преданными своему делу людьми»[1].

Таким образом, институт губернских тюремных инспекций выступал одним из ключевых связующих звеньев между руководством системы исполнения наказаний и местным руководством губернии.

Органы местного управления в лице губернаторов, вице-губернаторов, губернского правления, а также подчиненных им учреждений и должностных лиц непосредственно осуществляли контрольную функцию в сфере исполнения уголовных наказаний во вверенных им губерниях в силу положений Общего наказа губернаторам вплоть до создания в 1890 г. по инициативе ГТУ губернских тюремных инспекций. Несмотря на то, что вновь созданные органы сосредоточили в своих руках максимальный объем контрольно-распорядительных полномочий в сфере исполнения уголовных наказаний на местах, освободив тем самым губернскую администрацию от решения этих вопросов, формирование тюремных инспекций на местном уровне происходило медленно. В большей части губерний руководство осуществлялось тюремными отделениями губернских правлений, подчинявшихся непосредственно губернаторам, без санкции которых не могло быть принято единолично ни одно решение относительно вверенных мест заключения, что приводило к нивелированию многих установок ГТУ в части осуществления ведомственного контроля в сфере исполнения уголовных наказаний на местах.

2.4 Контрольные полномочия благотворительных обществ за деятельностью мест заключения Российской империи

В исследуемый исторический период благотворительные общества не обладали полной самостоятельностью в части осуществления контрольных полномочий в местах заключения в силу абсолютного характера государственной власти в империи. Еще Н. Ф. Лучинский рассматривал тюрьму как правительственное учреждение, отмечая при этом, что государство утратило бы свое назначение, предоставив общественности право создания собственных тюрем и распоряжения судьбою

[1] ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6592. Л. 119.

арестантов, в них находящихся[1].

Однако государство, ограничив возможность участия благотворительных обществ в решении вопросов политического характера, не препятствовало их содействию в решении более сложных задач для тюремного дела, а именно в обеспечении благоприятных экономических и санитарных условий содержания заключенных, поскольку, возвращаясь к высказываниям Н. Ф. Лучинского, «общество не должно проявлять равнодушие к тюремному населению, ибо оно есть плоть от плоти его»[2].

Детально рассмотрим деятельность общественных институтов, осуществлявших на общественных началах контроль за функционированием органов и учреждений, исполнявших уголовные наказания.

В пенитенциарной сфере под контроль общественности государством были переданы вопросы хозяйственного и материально-бытового обеспечения мест заключения; осуществления попечительской деятельности в отношении малолетних; социального сопровождения арестантов, освободившихся по отбытию срока; устройства попечения о семьях лиц, ссылаемых в Сибирь.

Каждое из этих актуальных направлений функционирования системы исполнения наказаний курировалось конкретными благотворительными обществами, а именно: Обществом Попечительным о тюрьмах с комитетами и отделениями, наблюдательными комиссиями, обществами патроната, обществами по надзору за исправительными приютами для несовершеннолетних преступников, обществами попечения о семьях ссыльно-каторжных.

Как было отмечено выше, Общество Попечительное о тюрьмах стало одним из первых благотворительных обществ Российской империи, имевших право контролировать отдельные аспекты уголовно-исполнительной деятельности.

В юридической науке существует несколько подходов к определению принадлежности данного благотворительного общества. Одни ученые рассматривают его как исключительно благотворительную организацию[3]. Другие считают, что в

---

[1] *Лучинский Н. Ф.* Основы тюремного дела. Санкт-Петербург, 1904. С. 20.

[2] *Лучинский Н. Ф.* Основы тюремного дела. Санкт-Петербург, 1904. С. 21.

[3] Например: *Соцкий Ю. Ф.* Указ. соч. С. 21 ; Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XX вв. / А. Г. Лисин и др. Москва, 1996. С. 100, 110 ; *Ушаков С. Н.* Указ. соч.

процессе развития оно претерпело смену своей принадлежности от органа общественного к части государственного аппарата власти[1].

По нашему мнению, принадлежность данного общества к благотворительным не вызывает сомнения, на государственный характер его деятельности указывает лишь то обстоятельство, что данная организация была наделена государством широкими административно-хозяйственными и финансово-распорядительными полномочиями в вопросе функционирования мест заключения.

Общество Попечительное о тюрьмах осуществляло попечение в рамках широкого спектра направлений функционирования мест заключения империи. Оно отвечало за сохранение и совершенствование материально-бытового оснащения поднадзорных мест; за правильное размещение арестантов согласно установленным требованиям пенитенциарного законодательства; обеспечивало материальную сторону процедуры пересылки заключенных[2]; ревизовало финансовую часть пенитенциарных учреждений; занималось вопросами исправления заключенных путем проведения мероприятий нравственно-религиозного характера[3]; курировало организацию труда заключенных[4].

Общество Попечительное о тюрьмах было наделено правом издания циркуляров применительно к деятельности собственных комитетов и отделений[5]. Пре-

---

С. 56 ; *Дравнина Е. Ю.* Институты гражданского общества как субъекты правозащитной деятельности в России в период 1864–1917 гг. : дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. С. 86.

[1] Подробнее об этом см.: *Печников А. П.* Указ. соч. С. 290 ; *Лачина В. О.* Создание «Попечительного о тюрьмах общества» как попытка гуманизации российской пенитенциарной системы начала XIX в. // История государства и права. 2009. № 5. С. 12–14 ; *Петренко Н. И., Никифорова И. А.* Влияние Общества попечительного о тюрьмах на отечественную пенитенциарную систему в первой половине XIX века // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 200–203.

[2] Причем только в плане снабженческой части.

[3] «До открытия Общества о воздействии на ум и сердце заключенных посредством религии, никто ведь и не помышлял» // *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. С. 170.

[4] Это полномочие появилось у Общества позднее в соответствии со ст. 344 Устава о содержащихся под стражей, изданного в 1890 г.

[5] О составлении отчетов тюремными комитетами : циркуляр Президента О-ва Попеч. о тюрьмах от 3 авг. 1862 г. № 506 // Сборник циркулярных распоряжений по тюремной части. 1862. С. 88 ; Циркуляр по Канцелярии Президента Общества Попечительного о тюрьмах от 4 февраля 1869 г. № 19 // Сборник циркулярных распоряжений по тюремной части. 1869. С. 14.

имущественно данная организация «на непрестанной основе» осуществляла проверку отчетной документации. В исторических источниках отмечался полезный характер последствий непрестанного попечения Общества[1]. Доставляемая в его канцелярию отчетность зачастую имела погрешности. Так, тюремный комитет Калужской губернии отчитался следующим образом о расходовании денег в 1857 г.: «Поступило 12, 416 руб., израсходовано – 11, 857 руб., остаток – 10, 654 руб.»[2] Именно подобные ситуации во многом определяли важность принципа регулярности проведения проверок.

С момента своего учреждения и в процессе дальнейшего функционирования данное благотворительное общество постепенно расширяло собственные контрольные полномочия в местах заключения: от занятия лишь нравственным воспитанием подопечных до полного заведования хозяйственной деятельностью подконтрольных учреждений[3].

Ревизия хозяйства в конечном итоге стала ключевым направлением реализации контрольных полномочий Общества. Она осуществлялась финансовой комиссией[4]. Контроль бюджета осуществлялся посредством заполнения особых печатных листков для сбора благотворительных пожертвований[5]. Строгой ревизии подвергались книги прихода и расхода денежных средств тюремными комитетами и отделениями[6].

На местном уровне Общество Попечительное о тюрьмах активно реализовывало свою деятельность по контролю через работу губернских тюремных комитетов и уездных отделений. Последние находились в постоянном взаимодействии с администрацией мест заключения, при этом наблюдая за соблюдением ею всех нормативных основ пенитенциарного дела.

Более детально обращалось внимание на воспитание заключенных в традициях христианской веры; на правильность отправления церковных обрядов; на

---

[1] *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. С. 16.

[2] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Санкт-Петербург, 1864. Т. 1-25 : Калужская губерния. С. 304, 305.

[3] *Малинин Ф. Н.* Тюремный патронат // Тюремный вестник. 1905. № 8. С. 608.

[4] *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. С. 72.

[5] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 49.

[6] ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 26. Л. 2.

наличие в учреждениях церковной литературы[1]; на процедуру отправления арестантов по этапным тракам; на стремление тюремной администрации «искоренить излишнюю праздность среди арестантов»[2].

Комитеты и отделения могли непосредственно давать собственные распоряжения в посещаемых местах, хотя иные контролировавшие органы, включая губернских прокуроров, таким правом не располагали. Преимущественно такие распоряжения проявлялись в требовании поместить нарушителей в карцер; в удовлетворении ходатайств о скорейшем разрешении дел заключенных.

Стоит отметить, что наличие права собственно распоряжаться при осуществлении контрольных полномочий во многом могло придать деятельности Общества Попечительного о тюрьмах государственное начало, и возможно это бы имело положительный эффект в скорейшем разрешении арестантских дел. Но некоторые государственные деятели имели собственное мнение на этот счет, подчеркивая прямую зависимость слабости тюремной администрации и тюремного управления от наделения Общества отдельными государственными полномочиями[3].

Общество придерживалось иной позиции, рапортуя о существенном расширении своих действий относительно всего спектра вопросов хозяйственного заведования местами заключения, отмечая при этом сдерживание тюремных расходов посредством бережливого употребления сумм[4]. Возможно, данные аргументы позволили просуществовать этому благотворительному обществу практически век и иметь весомую роль в структуре субъектов контроля (до 1917 г.).

С положительной стороны стоит отметить выработку рекомендаций Обществом в области заведования пенитенциарной системой, а также организацию обмена положительным опытом попечения. Данный обмен преимущественно осуществлялся в рамках проведения на регулярной основе заседаний, на которых

---

[1] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 50.

[2] ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 26. Л. 3.

[3] *Малинин Ф. Н.* Тюремный патронат. С. 611.

[4] Извлечение из отчета о положении и действиях Общества Попечительного о тюрьмах, поднесенного Государю Императору за 1851 год. Санкт-Петербург, 1852. С. 1.

«предоставлялось право лицам, желающим делиться своим опытом на пользу Общества, принимать участие в совместной работе»[1]. Например, в журналах заседаний Владимирского тюремного комитета содержалась информация об их составе; «о средствах к умножению и сохранению капитала, который необходим для содержания заключенных; об удобнейших способах достижения своих целей; о разных замечаниях и предложениях к усовершенствованию внутреннего порядка между заключенными; обсуждения результатов посещения и осмотра мест заключения»[2].

Журнал за февраль 1835 г. состоял из отдельных частей. В первой части были зафиксированы данные о здоровье заключенных. В ней сохранилась записка члена комитета Гаврилова о помещении арестантки Елизаветы и ее больного грудного ребенка в лечебницу с определением ей ежедневного содержания в размере 12 копеек[3]. Во второй части содержалась информация о финансах и структуре комитета. К примеру, в ней содержится записка члена комитета об утверждении при комитете губернского секретаря уголовной палаты протоколиста Павла Лебедева. В третьей части систематизируются ведомости смотрителя тюремного замка[4]. Четвертая часть сформирована из отчетов и рапортов участников заседания комитетов (губернского предводителя дворянства Акинфеева, советника уголовной палаты Гаврилова, рапорт казначея Апрянина). В заключительной части располагается резюме заседания к форме протокола[5].

Резюме заседаний входили в структуру ежегодной отчетности[6], отражавшей состояние тюремного дела в губернии. Свободная форма отчетов все же предусматривала обязательное отражение в них значимой информации, например, о лицах, отвечавших за направления деятельности комитетов[7], об инспектировании вверенных на попечение мест содержания арестантов. Так, был выявлен недостаток в

---

[1] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 52.
[2] ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 26. Л. 2.
[3] Там же. Д. 47. Л. 17.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Напр.: Отчет о деятельности Владимирского тюремного комитета за 1833 год // Там же. Д. 15. Л. 1–29 ; Отчет Томского губернского попечительного о тюрьмах комитета и его отделений за 1880 год. Томск, 1881.
[7] ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 15. Л. 8.

надзоре за арестантами Владимирского тюремного замка, выразившийся в наличии одного смотрителя, без помощника[1], и препятствовавший должному предотвращению возможного побега.

В качестве примера осуществления контроля финансов Обществом стоит привести отчетную документацию об оборотах сумм его структурных подразделений. Конкретно отчет Владимирского губернского тюремного комитета за 1854 г., содержал рапорты экономов, сведения о провианте арестантов, о лечебнице, о расходовании денег[2]. Такое внимание к учреждению особых форм отчетности объясняется, на наш взгляд, тем, что под контролем Общества находился оборот большого количества финансовых ресурсов, практически весь пенитенциарный капитал: средства из Казначейства, из городского общественного управления, от кредиторов на содержание должников, пожертвования членов и благотворителей, сборы из кружек, пожертвования по духовным завещаниям[3].

Также архивные материалы свидетельствуют о наличии у Общества внутренней отчетности. В фондах ГАВО находится дело Владимирского губернского тюремного комитета, содержащее материалы отчетности уездных тюремных комитетов по обозрению мест лишения свободы, в том числе рапорты об устранении недостатков[4] и сведения «о всех действиях попечения и заботливости…»[5]. Периодичность отчетности была ежегодной.

Члены Общества посещали места лишения свободы, результаты визита отражались в специальных книгах делопроизводства тюремной администрации, на что прямо указывал циркуляр МВД от 24 июля 1862 г. № 100[6]. Количество обязатель-

---

[1] ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 15. Л. 9.

[2] Там же. Д. 128. Л. 1, 3–7, 11, 22–24, 59.

[3] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 56.

[4] По Судогодскому тюремному отделению, по Муромскому уездному отделению // ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 112. Л. 15, 16.

[5] Там же. Д. 26. Л. 4.

[6] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 55.

ных посещений определялось в расчете не менее двух раз в неделю с полным обозрением состояния материально-бытового снабжения арестантов[1], а также контроля правильного их размещения[2]. На практике имелись случаи, когда контролеры проводили в местах заключения целый день – с раннего утра и до позднего вечера. Эти факты Общество восприняло положительно и ввело дежурства своих членов в тюрьмах. Тюремный деятель В. Н. Никитин первое время сам появлялся в тюремном замке в шесть или семь часов утра для изучения порядка поступления и перераспределения между арестантами подаяний, а также для того, чтобы усовершенствовать порядок ведения этой части. По его мнению, это «ежедневное присутствие дало членам возможность изучить несостоятельность системы ведения смотрителями хозяйственной части»[3]. Посещение мест заключения производилось и в целях своевременного сбора сведений о лицах, которым предстоит освободиться из-под стражи[4].

В 1872 г. по государственной воле произошло ограничение статуса Общества как контролирующего субъекта. Его детальность стала носить исключительно филантропические начала, связанные с заботой о нравственности подопечных, а заведование хозяйством перешло к учрежденным на местах хозяйственным правлениям (далее: правления). Последним предписывалось публично публиковать отчетность о подаяниях[5]. Возникавшие проблемы в работе правлений были связаны с их частным статусом, что порождало рекомендательный характер их решений, а также с трудностями в вопросах комплектования состава данных учреждений[6].

Таким образом, как показал анализ деятельности Общества Попечительного о тюрьмах, им был накоплен значительный опыт в вопросах контроля за функционированием учреждений и органов, исполнявших уголовные наказания, представ-

---

[1] *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. С. 16, 143.

[2] «Если члены комитетов заметят неправильность в помещении, то смотритель тотчас же перемещает арестанта по указанию…» // *Никитин В. Н.* Указ. соч. С. 219.

[3] *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. С. 55, 96.

[4] Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 66.

[5] *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. С. 97.

[6] Там же. С. 115.

ленный как положительными моментами, так и отдельными проблемными аспектами.

С положительной стороны стоит оценить практику обмена опытом контрольной деятельности на международном уровне[1]; осуществление методического руководства[2]; проведение мероприятий по приисканию работы для опекаемых[3]; стремление к искоренению хищений средств, выделяемых на нужды мест заключения[4].

Негативные моменты в деятельности данной организации преимущественно были связаны с недостаточной профессиональной подготовленностью и осведомленностью в вопросах тюремного дела многих его членов, поскольку участником данного благотворительного общества мог стать любой, кто ежегодно доставлял приношения[5]. Также отмечалась бюрократия в его делопроизводстве (схема представления сведений на 1893 г. была примерно следующей: уездные отделения и комитеты – губернские комитеты – Общество Попечительное о тюрьмах – ГТУ – МЮ – Император. Также в обратной последовательности отчет с замечаниями возвращался на места.

Практически на протяжении всего XIX столетия Общество Попечительное о тюрьмах было единственной благотворительной организацией, наделенной контрольными полномочиями в сфере исполнения уголовных наказаний, что позволило ему стать «главным контролером» финансово-хозяйственной части.

Иные благотворительные общества появились в результате работы международных пенитенциарных конгрессов и международных конгрессов патроната.

На заседаниях этих конгрессов решались вопросы, касавшиеся наиболее важ-

---

[1] Отчеты печатались не только на русском, но и на других языках, в частности, на французском, и рассылались за границу.

[2] *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. С. 193.

[3]Например, Общество активно привлекало контрагентов на доставление арестантам беспрерывной работы, что повлекло к увеличению в цене арестантских работ в мастерских и тем самым позволило выдавать заключенным заработки (Там же. С. 43).

[4] Общество обратилось с просьбой к Контрольной палате «кормовых на арестантов денег не отпускать никому, кроме как члену комитета В. Р. Гайнаму» (Там же. С. 57).

[5] *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. С. 21.

ных аспектов преобразования системы исполнения уголовных наказаний. Наиболее информативными были конгрессы второй серии[1], их цель заключалась в постановке вопроса о введении единообразного тюремного устройства во всех государствах на основе выбора лучшей пенитенциарной системы[2]. Примечательно, что с каждым новым заседанием увеличивалось количество представителей государств-участников: Лондон (1872 г.) – 314 чел., Санкт-Петербург (1890 г.) – 740 чел., Париж (1895 г.) – 808 чел.[3].

На пятом международном конгрессе в Париже были рассмотрены следующие вопросы: о целесообразности ссылки как уголовного наказания (предполагалось отменить ссылку); попечении над выпущенными из тюрем и устройстве во всех государствах Бюро, регулировавших подобное попечение; введении института условно-досрочного освобождения; попечении над несовершеннолетними преступниками[4]. Данные предложения были реализованы в России[5].

Международные конгрессы патроната имели своей целью выработку практических рекомендаций по организации патронатной пенитенциарной и постпенитенциарной деятельности в странах – участницах конгрессов. В основном такие заседания проводились в Антверпене. Например, программа Третьего конгресса предусматривала обсуждение таких вопросов, как попечительный надзор за взрослыми, освобождаемыми из мест заключения; попечение душевно больных арестантов[6].

---

[1] Первая серия (1846–1871 гг.) была начальным этапом зарождения международных отношений в области тюрьмоведения. Применительно к пенитенциарным вопросам в рамках данной серии обсуждалась только проблема одиночного заключения.

[2] Подробнее об этом см.: *Горбунова М. М.* Опыт международного сотрудничества Российской империи в сфере исполнения уголовных наказаний во второй половине XIX века // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2(30). С. 147.

[3] *Закревский И. П.* Пятый международный пенитенциарный конгресс // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 10. С. 123.

[4] Подробнее об этом см.: *Христианович А.* Парижский Международный конгресс патроната 1900 года (продолжение) // Тюремный вестник. 1902. № 3. С. 135–142.

[5] Об условном досрочном освобождении : Закон от 22 июня 1909 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 29, № 32241 ; Именной выс. указ Правительствующему сенату [об отмене ссылки на житье и ограничении ссылки на поселение по суду и по приговорам общественным ; Выс. утв. мнение Гос. совета об отмене ссылки и утверждении временных правил о замене ссылки на поселение и житье другими наказаниями].

[6] Третий международный Антверпенский конгресс патроната в 1898 году // Тюремный вестник. 1898. № 4. С. 190–193.

В 1885 г. воодушевленное идеями Римского пенитенциарного конгресса о создании «комитетов пенитенциарного содействия»[1] как промежуточного звена между тюремной администрацией и благотворительными организациями, которые имели бы право участвовать в заботах о тюремной работе и об образовании арестантов как нравственном, так и религиозном, право предлагать реформы, полезные для тюрем, российское правительство издало распоряжение об учреждении в Москве и Санкт-Петербурге наблюдательных комиссий на основе добровольного членства и безукоризненной репутации. В состав данных учреждений входили лица как занимавшие должности государственной службы (например, прокуроры), так и представители общественных объединений.

Наблюдательные комиссии осуществляли надзор в местах заключения столиц. Особой инструкцией им предписывалось наблюдать за соблюдением правил ведения и движения приходно-расходных сумм, за соответствием объемов производства продовольствия требованиям табелей, осуществлять контроль постановки арестантов на казенное довольствие, следить за порядком содержания белья, обуви арестантов, за соответствием фактического снабжения их необходимыми вещами и данных отчетной документации, контролировать частоту посещения тюремной церкви арестантами, а также техническое состояние построек и зданий (всего в Инструкции был 21 пункт)[2].

При инспектировании подведомственных учреждений представители комиссий рассматривали жалобы, ходатайства от арестантов, обозревали камеры и иные помещения; собирали по полученным жалобам все необходимые сведения как из собственно личных опросов просителя, так и через тюремные конторы, правительственные, общественные или частные учреждения; сотрудничали с благотворительными организациями в решении задач по оказанию постпентенциарной помощи подопечным; оказывали посильную помощь в организации труда заключен-

---

[1] *Фойницкий И. Я.* Указ. соч. С. 430.

[2] Сборник узаконений, циркулярных распоряжений и разъяснений по тюремно-арестантской и арестантско-пересыльной части, относящихся к ведению полиции. С. 378, 379.

ных, их образования; выступали с требованием помилования заключенных, их досрочного освобождения либо смягчения режима отбывания наказания.

О всех замеченных неточностях члены комиссии докладывали начальнику тюрьмы, который должен был немедленно устранить их. Если этого не происходило, комиссии имели полное право обратиться к губернаторам Санкт-Петербурга или Москвы. Примечательно, что подобные коллегиальные органы находились под контролем ГТУ и Государственного совета.

В современных историко-правовых исследованиях наблюдательные комиссии рассматривались как гаранты соблюдения прав заключенных в силу наличия у данных учреждений полномочий по привлечению широкого круга лиц как частного, так и официального статуса, уполномоченных контролировать пенитенциарную часть[1].

На эффективность контроля наблюдательных комиссий во многом влияла неопределенность сроков посещений, поскольку тюремная администрация не могла скрыть недостатки в деятельности мест заключения. Все посещения были беспрепятственными, они разрешались во всякое время, но с условием обязательного присутствия прокурора. Вместе с тем ряд ограничительных мер деятельности комиссий был предусмотрен: осмотр хозяйственных и иных помещений разрешалось проводить только в непраздничные дни и в период с часа до трех часов дня, проверку кассы также рекомендовалось проводить в это время и в присутствии ответственного за финансовую часть лица.

Необходимость попечения о несовершеннолетних преступниках была обусловлена такими факторами, как: распространение идей международного сообщества по этому вопросу; создание особых воспитательно-исправительных заведений для отбывания наказаний несовершеннолетними; обострение в обществе проблемы «ничьих детей»[2].

Так было организовано 51 заведение для малолетних преступников. Данные

---

[1] *Петренко Н. И.* Указ. соч. С. 245, 246.

[2] *Дриль Д. А.* Наши исправительно-воспитательные заведения и вопросы исправительного воспитания // Журнал Министерства юстиции. 1898. Т. 8. С. 173–176.

учреждения находились под контролем специально созданных обществ[1]. В целом вопрос организации контрольно-попечительной деятельности над детьми-преступниками решался на съездах русских исправительных заведений для малолетних, периодически собиравшихся с 1880-х годов.

В центре внимания съездов остро стоял вопрос о патронате. На первом же заседании была рассмотрена проблема определения субъектов патронирования. Решить ее предлагалось двумя способами: в первом случае – возложить обязанности постпенитенциарного присмотра на сами исправительные заведения, во втором – на отдельно созданные при них общества патроната.

Второй способ активно поддержало правление Рукавишниковского приюта, считавшее, что самостоятельное общество будет способствовать положительной динамике самого исправительного заведения, так как возьмет под контроль постановку воспитательной части в нем[2].

Противником данной позиции выступил Большевский приют. Его руководство полагало, что патронат – это обязанность каждого исправительного учреждения[3].

Но представителями съезда было принято решение об учреждении самостоятельного общества[4].

Предметом обсуждения второго съезда стала организация деятельности патроната, а именно ее обязательного условия – индивидуального подхода к каждому подопечному. Так, попечитель Большевского приюта С. П. Яковлев заявил: «Не зная характера, мы можем покровительствовать пороку вместо того, чтобы предостеречь от его последствий»[5]. Наряду с индивидуальным подходом важным признавалось ведение обществами статистики и результатов деятельности, что позволило бы оценить недостатки и пользу от работы данных институтов.

Особый интерес, по нашему мнению, представляли заседания четвертого и

---

[1] Список обществ и исправительных заведений на 1 января 1901 года // Журнал Министерства юстиции. 1902. Т. 4. С. 418, 419.

[2] Труды 1-го съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. Москва, 1882. С. 129.

[3] Там же. С. 184.

[4] Там же. С. 189.

[5] Большевский исправительный приют для нищенствующих девочек. Москва, 1890. С. 78.

пятого съездов, в ходе которых был рассмотрен опыт патронатной деятельности ряда обществ и исправительных заведений, а также высказывалась необходимость разработки специальных листов, содержавших сведения о выходивших на свободу подопечных и информацию о рецидиве преступности[1]. Как полагало управление, ведение такой документации позволит следить за успехами деятельности приютов и колоний[2]. Заслушивание представителей обществ и приютов осуществлялось по определенной программе, разработанной Бюро съездов.

Программа включала широкий перечень вопросов, главными из них были следующие: «Какие средства надзора практикуются со стороны органов общества? Какие практикуются средства контроля со стороны заведующих учреждением по отношению к прочим служащим? Какая воспитательная система господствует в заведении? Какие средства вообще оказались самыми действенными для воздействия на воспитанников? Существует ли покровительство над выпущенными воспитанниками? Какие средства употребляются для приискания мест воспитанникам, отбывшим срок?»[3]. Участники съездов отмечали, что в постановке воспитательного и надзорного дела всех обществ патроната и исправительных приютов было столько разнообразия, что обобщить их жизнь просто невозможно.

В рамках пятого съезда также высказывалась идея о создании «специального патроната», суть которого заключалась в организации попечения исправительным приютом только над своими воспитанниками. Автором идеи выступил Г. С. Фельдштейн. В целях ее реализации были приняты следующие меры: администрация исправительных учреждений освобождалась от устроения патроната; на специально созданные общества патроната возлагалась обязанность по организации учреждений для временного пребывания бывших воспитанников[4].

Результаты шестого съезда показали, что в Российской империи патронат

---

[1] Образцы формы отчетности были разработаны в ГТУ, направлены в общества и исправительные приюты только в 1907 г.

[2] ГАРФ. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 5. Л. 157.

[3] Пятый съезд представителей русских исправительных заведений // Тюремный вестник. 1900. № 10. С. 498, 499.

[4] Труды 5-го съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. Москва, 1900. С. 97.

был организован в недостаточном количестве исправительных заведений для малолетних преступников. По статистике, приведенной В. В. Селяниной, из 27 в 12 заведениях совсем не был организован патронат, а использовали рекомендации съездов только 4 заведения[1].

На последнем, восьмом, съезде была озвучена информация о том, что специальные общества патроната существовали только в крупных городах империи: Петербурге, Москве, Одессе, Иркутске. Вследствие этого было поручено снова провести опрос о том, быть ли патронату самостоятельным либо существовать при конкретном заведении[2]. Однако данная проблема так и не была решена: патронаты существовали и в той, и в другой форме.

В рамках настоящего исследования целесообразно отдельно остановиться на деятельности обществ исправительно-воспитательных земледельческих колоний и ремесленных приютов, а также исправительных приютов. Именно эти объединения с учетом решений рассмотренных выше съездов были наделены полномочиями по общественному контролю за местами заключения, в которых содержались несовершеннолетние преступники. Характер деятельности данных учреждений являлся исключительно частным, благотворительным.

Несмотря на то, что идея создания таких организаций принадлежала правительству, вопрос о том, каким образом должен быт организован патронат над несовершеннолетними преступниками, решался самостоятельно обществами исправительно-воспитательных земледельческих колоний и ремесленных приютов.

Указанные общества издавали собственные уставы, созывали съезды представителей русских исправительных заведений для несовершеннолетних.

В уставах этих обществ были закреплены основные цели их деятельности, а именно: «содействие в улучшении морально-психологического климата несовершеннолетних, оступившихся и совершивших преступления, а также беспризорных

---

[1] *Селянина В. В.* Социально-историческое развитие воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних в России (1864–1917 годы) : дис. … канд. ист. наук. Москва, 2002. С. 130.

[2] 8-й съезд представителей русских воспитательно-исправительных заведений // Журнал Министерства юстиции. 1912. Т. 1. С. 203, 204.

сирот и малолетних бродяг, которые не получили правильное образование и не обучены какому-либо ремеслу»[1]. Подробнее рассмотрим особенности организации попечения над первой из указанных категорией лиц.

Общества патроната давали подопечным теоретическое образование и обучали их практической работе на земле и ремеслам. Следует заметить, что эта идея имела практическую пользу, так как в основном контингент воспитанников происходил из крестьянского сословия.

Состав общества был представлен лицами разного пола, звания и происхождения, которые благодаря своим членским взносам и пожертвованиям формировали капитал данного органа. Средства также могли поступать из следующих источников: платежи посторонних лиц, доходы от продажи произведений хозяйства и мастерских приютов, сборы от устраиваемых в пользу общества концертов, спектаклей, выставок[2].

Первоначально в качестве эксперимента благотворительные общества исправительно-воспитательных земледельческих колоний и ремесленных приютов были созданы в столичных городах, но в дальнейшем получили учреждение в иных местностях.

Данные организации осуществляли присмотр за воспитательно-исправительными заведениями; устанавливали методику воспитательной системы; ревизовали дела; разрабатывали инструкции для попечителей и директоров приютов; распределяли материальные средства между подопечными в зависимости от степени их нуждаемости[3].

При этом воспитательно-исправительные заведения имели собственные органы контроля – наблюдательные (патронатные) комиссии, основное предназначение которых заключалось в заботе о приискании мест или занятий для выпускаемых воспитанников.

---

[1] Устав общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Санкт-Петербург, 1870. С. 1.

[2] Устав общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. С. 4.

[3] Уставы Тульского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов и находящегося в его ведении Тульского Баташевского исправительного приюта. Тула, 1911. С. 10, 11.

Реализуя свои попечительные полномочия, благотворительные общества проводили следующие мероприятия:

1) снабжение освобождаемых подопечных одеждой, обувью и инструментами для дальнейшего осуществления трудовой деятельности;

2) выдача денежного пособия. Данную инициативу поддерживали не все общества, в основном это было связано с невозможностью проконтролировать дальнейшее расходование денег. Как отмечал один из представителей общества земледельческих колоний в Риге: «С этими деньгами воспитанник пойдет в кабак»[1]. Постоянное бюро на своем пятом заседании также рекомендовало денег на руки воспитанникам не давать[2];

3) назначение опеки для каждого воспитанника. В то время это было возможно реализовать, поскольку детей на призрении у каждого общества находилось мало, примерно 30–40 человек, а членов попечительных заведений было в несколько раз больше. Основными обязанностями опекунов являлись приискание рабочего места подопечному, а также контроль и содействие в необходимых случаях. Опыт назначения опекунов для выпущенных подопечных активно практиковался Варшавским обществом земледельческих колоний и ремесленных приютов. Опекуну предоставлялся экземпляр условий, заключенных с хозяином, у которого был помещен воспитанник. Опекун наблюдал за точным исполнением этих условий, поддерживал подопечного на пути честной и трудовой жизни. О результатах опеки принято было сообщать в правление общества посредством ведомостей[3];

4) подыскание воспитанникам занятий, которые соответствовали бы уровню их интеллектуального развития. В этом плане их помещали в хорошо устроенные мастерские на контрактной основе либо организованные собственные мастерские,

---

[1] Труды 6-го съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. Москва, 1904. С. 40.

[2] Пятый съезд представителей русских исправительных заведений // Тюремный вестник. 1900. № 10.С. 500.

[3] Отчет о деятельности Варшавского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1896 год // Тюремный вестник. 1898. № 3. С. 132.

как, например, поступали в Обществе попечительства над бывшими воспитанниками Московского Рукавишниковского приюта, Рязанском обществе исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних, которое организовало сапожную мастерскую, обеспечивавшую обувью весь приют[1]. Обучение в мастерских приносило положительный результат, о чем может свидетельствовать отчет Тульского общества, согласно которому: «Из числа выпущенных приютом 38 мальчиков, 3 состоят в сапожной и столярной мастерских приюта подмастерьями, 11 человек занимаются сапожным и столярным ремеслом в городе, 4 состоят в оружейном заводе, 1 – на резиновой фабрике, один занимается кровельной работой»[2];

5) обучение грамоте и ремеслу. Ярким примером в данном случае может служить деятельность Курского общества. Учебно-воспитательный процесс осуществлялась путем мягкого и неослабного надзора за моральным поведением воспитанников, а также старанием научить грамоте посредством целесообразного чтения. Обществом были проведены экзамены, в результате которых подопечные получили свидетельства на льготу 4-го разряда[3];

6) создание специализированных приютов. Образцовым в этом плане считался приют малолетних преступников Вологодского общества земледельческих колоний и исправительных приютов. В одном из его отчетов было отмечено: «Кроткое, гуманное, чисто семейное, отеческое отношение к воспитанникам, бдительный надзор за ними, отсутствие единообразия в ходе занятий при условии здорового и обильного питания… – все эти проверенные долгим опытом воспитательные приемы оказывали благотворное влияние на воспитанников Вологодского приюта»[4]. К плюсам в деятельности приюта, согласно отчету, также относились: отсутствие постоянной смены администрации, рационально поставленное обучение

---

[1] Отчет Рязанского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних за 1899 год // Тюремный вестник. 1902. № 1. С. 49.

[2] Отчет Тульского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1896 год // Там же. 1898. № 3. С. 140.

[3] *Малинин Ф. Н.* Отчет Курского общества земледельческо-ремесленных колоний для несовершеннолетних за 1898–1900 годы // Там же. 1902. № 7. С. 481, 482.

[4] *Малинин Ф. Н.* Приют малолетних преступников Вологодского общества земледельческих колоний и исправительных приютов за 1898–1901 годы // Тюремный вестник. 1903. № 5. С. 426.

в школах и мастерских, контроль воспитания особым педагогическим советом, хорошее состояние санитарно-медицинской части;

7) посещение колоний и приютов. В основном оно осуществлялось в целях ознакомления на месте с функционированием заведений, результатами обучения подопечных профессиональному труду. Регулярность таких визитов отмечалась в деятельности Таганрогского общества (до четырех раз в год). Его представители утверждали, что это необходимая мера, поскольку все члены общества будут хорошо знать вверенное им заведение[1].

О реальном положении дел рассматриваемых обществ свидетельствуют приведенные ранее отчеты. На основе их анализа эти общества можно условно разделить на две группы: 1) с положительной динамикой[2] и 2) с менее эффективной деятельностью. Результат работы первой группы был представлен выше. Что касается второй группы, то к числу основных проблем, с которыми столкнулись обществ патроната несовершеннолетних преступников, можно отнести следующие: частая смена управленческого звена данных органов[3]; отсутствие энергичных и компетентных председателей правления[4]; дефицит финансовых средств[5].

Несмотря на имевшиеся недостатки, в целом следует положительно оценить работу обществ в решении задач по облегчению участи несовершеннолетних заключенных, включая принятие мер по снижению рецидива. Так по данным Тульского общества в местах заключения губернии, в которых содержались малолетние, сообщалось о 7 случаях рецидива из 38 детей[6].

---

[1] Отчет Таганрогского общества исправительных приютов за 1897 год // Там же. 1898. № 8. С. 408.

[2] В первую группу входят: Курское, Костромское, Рязанское, Таганрогское, Вологодское общества и др.

[3] Например, во Владимирском обществе только за 1898 г сменилось три директора. Естественно, такая ситуация не могла не отразиться на дисциплине в земледельческой колонии (Тюремный вестник. 1902. № 6. С. 408).

[4] Так, со временем ослабло внимание к Нижегородской земледельческой колонии и Ярославскому исправительному приюту (Журнал Министерства юстиции. 1900. Т. 8. С. 185).

[5] Такую причину озвучило Нижегородское общество земледельческих колоний и исправительных приютов в 1890 г. (Труды 3-го съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. Москва, 1891. С. 18).

[6] Отчет Тульского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1896 год. С. 140.

Показательным примером положительной деятельности подобных учреждений является Рукавишниковский приют, имевший достаточно широкую известность в Российской империи.

По мнению учредителя данного заведения К. В. Руковишникова, приют имел целью нравственно исправить и духовно переродить детей, приговоренных судами к содержанию в нем[1]. К идее организации собственной патронатной деятельности приют пришел по двум причинам: во-первых, не прерывалась связь патронируемых с приютом, во-вторых, сформировалось недоверие к тем общественным органам, которые функционировали на тот момент в Москве.

Итак, главным условием покровительства было строгое сохранение связи подопечных с приютом. Воспитанник обязан был не менее трех раз в месяц докладывать о своем материальном и духовном состоянии[2].

Приют располагал следующими средствами попечения:

– оказание материальной поддержки воспитанникам. Сумма, выдаваемая по выходу из приюта, зависела от многих обстоятельств: поведения подопечного, его успеха в трудовой и учебной деятельности, его семейного положения[3]. В среднем размер денежного пособия варьировался в пределах от 10 до 60 руб. Наряду с пособием воспитаннику полагалась часть капитала в приюте;

– приискание рабочих мест подопечным. До тех пор, пока воспитанник не был обеспечен работой, он мог оставаться в качестве подмастерья в приюте[4]. Руководство заведения стремилось найти работу для воспитанников за пределами города, считая при этом, что сельская жизнь больше способствовала становлению их на путь честной трудовой жизни;

– организация трудовой адаптации. Для более эффективной производственной работы и для дополнительного морального стимулирования подопечных

---

[1] *Рукавишников К. В.* Указ. соч. С. 1.

[2] Труды 4-го съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. Москва, 1896. С. 146.

[3] Там же. С. 18.

[4] ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 179. Л. 60.

приют разработал программу заказов, что позволило основательно обучать воспитанников мастерству;

– назначение опекунов для воспитанников. Данная задача не всегда приводила к успеху, поскольку институт опекунства лишал подопечных стремления к самостоятельности в дальнейшей жизни вне стен приюта[1].

Попечение о судьбе преступников, вышедших на свободу, берет свое начало с момента учреждения в Российской империи обществ патроната[2].

В рамках настоящего исследования рассмотрим деятельность обществ патроната комплексно.

Общества патроната начали функционировать с 1776 г. в Америке и многих европейских государствах[3]. Однако в пенитенциарную практику Российской империи они вошли в начале XX в. в результате принятых решений международных конгрессов, в частности, заседания 1846 г. во Франкфурте-на-Майне, где патронат получил свое официальное признание.

О важности создания данных обществ для отечественной пенитенциарной системы говорили многие практики тюремного дела и ученые-юристы исследуемой эпохи.

Так, судебный следователь и общественный деятель Е. М. Баранцевич указывал на важность обращения пристального внимания на положение освобожденного из мест заключения, видя в этом даже государственную пользу. Взяв во внимание международную практику оказания филантропической помощи, он обосновал необходимость введения отечественного института патроната как средства борьбы

---

[1] *Рукавишников К. В.* Указ. соч. С. 19.

[2] Подробнее об этом см.: *Горбунова М. М.* Патронат как институт постпенитенциарного контроля в Российской империи конца XIX – начала XX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 1(70) ; *Ее же.* Деятельность Обществ покровительства лицам, освобожденным из мест заключения, в Российской империи конца XIX – начала XX в. // Петербургские пенитенциарные конференции : сб. материалов комплекса междунар. научно-практических конференций, Санкт-Петербург – Пушкин, 17–19 мая 2023 г. Санкт-Петербург, 2023 ; *Ее же.* Деятельность обществ тюремного патроната по реализации частных интересов бывших заключенных в дореволюционной России // Интересы в праве. Жидковские чтения : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 25–26 марта 2016 г. / Рос. ун-т дружбы народов ; отв. ред. М. В. Немытина. Москва, 2017 и др.

[3] Подробнее об этом см.: *Познышев С. В.* Основы пенитенциарной науки. С. 266, 267.

с рецидивной преступностью[1].

Аналогичного мнения придерживался профессор С. В. Познышев. По его мнению, тюремное заключение нарушает личные связи арестантов, что порождает одиночество и соблазн к совершению рецидива. В этой связи расширение практики патронатной деятельности обусловливается проведением здравой уголовной политики[2].

В важности организации тюремного патроната не было сомнений и у государства. Соглашаясь с учреждением данных обществ, руководство империи преследовало несколько целей:

– во-первых, ограждение государства от заботы за отбывшими срок заключенными, и, как следствие, уменьшение финансовых затрат по этой части;

– во-вторых, снижение уровня рецидива преступности и уменьшение количества бродяжного населения империи. При этом отмечалось, что «с патронатом справедливо связывается надежда на значительное сокращение числа случаев повторных преступлений и на общее уменьшение преступности среди населения»[3].

В основу становления данных органов был взят не только опыт Запада, но и практика организации патроната над несовершеннолетними преступниками.

Общества патроната открылись в 1905 г. Деятельность их не была законодательно беспочвенной, правовое основание составил проект Нормального устава Общества. Авторы проекта[4], в частности, юрист-криминалист, общественный деятель В. В. Микляшевский, выдвинули идею о создании Главного общества, «на которое нужно возложить заботу об учреждении многочисленных местных обществ»[5].

Основными задачами Главного общества являлись содействие возникновению повсеместно обществ патроната и их развитию; выработка окончательного проекта

---

[1] *Баранцевич Е. М.* Патронат в жизни России (средства борьбы с преступностью). С. 11, 12.

[2] *Познышев С. В.* Основы пенитенциарной науки. С. 265, 266.

[3] *Эльяшев М. А.* О способах оказания помощи патронатом // Журнал Министерства юстиции. 1901. Т. 5. С. 37.

[4] Было подготовлено три проекта Нормального устава: *Гогель С. К.* Проект нормального устава местных обществ патроната // Тюремный вестник. 1900. № 9. С. 532–584 ; *Фельдштейн Г. С.* Проект Нормального устава попечительного общества об освобожденных // Журнал Министерства юстиции. 1900. Т. 4 ; *Микляшевский В. В.* Указ. соч.

[5] *Микляшевский В. В.* Указ. соч. С. 265.

Нормального устава; распространение идеи патроната путем публичных лекций; объединение деятельности местных обществ путем съездов; ежегодная публикация обозрений деятельности обществ патроната в России; ходатайство перед правительством по делам своим и всех местных обществ; оказание материальной помощи местным обществам; сбор сведений о местах и занятиях подопечных обществ[1].

Примечателен состав общества: это могли быть люди разного происхождения и звания, причем как мужчины, так и женщины.

Если судить по составу капитала общества, в который входили исключительно частные средства: единовременные и ежегодные членские взносы, пожертвования, кружечные сборы, доходы от выставок, концертов, чтений, имущество закрытых местных обществ патроната[2], то данный орган вполне можно назвать общественным, хотя устав гласил, что «общество состоит в ведении Министерства юстиции по Главному тюремному управлению».

Но у ряда экспертов была другая точка зрения на организацию центрального органа патроната.

Так, А. В. Витте предложил вместо главного и целой серии местных обществ учредить всего одно – Всероссийское общество патроната с правом открывать самостоятельные его отделения в разных регионах империи. По его мнению, это позволило бы ускорить организацию патроната на местах, не умаляя их самостоятельности в ведении собственных дел[3].

Г. С. Фильдштейн выдвигал идею создания центрального органа русского патроната, подведомственные органы которого – попечительные комиссии – существовали бы при тюремных центрах[4].

Профессор С. В. Познышев считал, что тюремный патронат должен носить государственно-общественный характер, выраженный в создании при ГТУ особого

---

[1] Там же. С. 265, 266.

[2] Там же. С. 271.

[3] *Витте А. В.* Заметка по вопросу об организации патроната в России // Журнал Министерства юстиции. 1901. Т. 3. С. 357.

[4] *Христианович А.* О мерах к развитию патроната в России // Тюремный вестник. 1902. № 4. С. 260.

отдела, контролировавшего частные патронатные органы на местах[1]. В принципе, такая позиция была вполне логична, поскольку при монархическом строе государственного управления руководство империи не могло полностью отдать в частные руки столь важное и актуальное на тот момент дело. Во многом это объяснялось непостоянным характером частной инициативы.

В целом приведенные выше позиции совпадали: предлагалось организовать патронатную деятельность централизованно, т. е. под руководством одного органа.

Учитывая это обстоятельство, в 1908 г. был принят окончательный вариант Нормального устава Обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната).

Согласно этому уставу, Общество преследовало цели оказывать всестороннюю поддержку лицам, подлежащим освобождению, в их устройстве на свободе, в возвращении на путь благонадежного члена общества; оказывать поддержку семьям подопечных как в материальном плане, так и в нравственном вопросах.

На основании анализа ряда изданий «Тюремного вестника» и «Журнала Министерства юстиции»[2], выделим ключевые принципы пенитенциарного патроната: базирование на частной инициативе; централизация его обществ под руководством единого органа; законность (наличие нормативного регулирования деятельности); гласность работы обществ всех уровней; добровольность оказания патронатной помощи; неразрывность патроната с процессом исполнения наказания. Предполагалось начинать оказывать помощь заключенным уже в стенах мест лишения свободы. По этому поводу общественники высказывались так: «Патронат может выполнять свою миссию только в тесном единении с тюремной администрацией при содействии последней»[3].

Под попечение общества патроната подпадали следующие категории: лица,

---

[1] *Познышев С. В.* Основы пенитенциарной науки. С. 270.

[2] Напр.: *Христианович А.* О мерах к развитию патроната в России // Тюремный вестник. 1902. № 4. С. 255–260 ; *Гогель С. К.* О развитии и правительственной постановке патроната в России // Журнал Министерства юстиции. 1900. Т. 8. С. 328–331.

[3] *Христианович А.* О мерах к развитию патроната в России. С. 257.

отбывшие полностью срок наказания; лица, освобождаемые условно; лица, в отношении которых вынесен оправдательный приговор по результатам следствия и судебного разбирательства; семьи арестантов и ссыльных[1].

С учреждением центрального общества патроната начали функционировать подобные общества на местах. Так, согласно выдержкам из отчета ГТУ за 1907 г. на тот момент в Российской империи функционировало 23 общества: 4 общества – в Санкт-Петербурге, 4 – в Москве, по одному – в Варшаве, Владимире, Гомеле, Кишиневе, Киеве, Кронштадте, Нижнем Новгороде, Одессе, Перми, Ростове-на-дону, Рыбинске, Таганроге, Харькове, Царском Селе, Ярославле[2]. К 1912 г. число таких обществ возросло до 117. Как отмечали эксперты: «Россия еще отстала в деле патроната, но уже в больших городах, как Петербург, Одесса и Москва, существуют учреждения, вполне удовлетворяющие своему назначению, там заключенных побуждают и подготавливают к возвращению на путь честной жизни»[3].

Нормативной основой деятельности обществ являлись их уставы, составленные на основе Нормального устава. По своей структуре данные акты были идентичными[4].

Общества патроната реализовывали свою контрольную функцию через попечение над лицами, подлежащими освобождению из мест заключения, и их семьями посредством проведения следующих мероприятий:

1. Восстановление социально полезных связей. Это была одна из первоочередных задач патроната. Личность вышедшего на свободу преступника вполне очевидна: человек, от которого отвернулось не только общество, но и самое близкое

---

[1] Нормальный устав Обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната). URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004573744/ (дата обращения: 12.02.2026).

[2] Извлечение из отчета по Главному тюремному управлению з 1907 г. XII. Тюремный патронат // Тюремный вестник. 1909. № 8-9. С. 860, 861.

[3] *Христианович А.* Парижский Международный конгресс патроната 1900 года // Тюремный вестник. 1902. №2. С. 97.

[4] Напр.: Устав Рязанского общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната). Рязань, 1912 ; Устав Нежинского общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната). Нежин, 1910.

окружение. В этом случае патронат должен был выяснить семейное и общественное положение арестантов, чтобы узнать, «нет ли таких благонадежных лиц, которые пожелали бы оказать освобожденному помощь и взять его под свой надзор»[1]. Поскольку большинство заключенных отправлялись для отбытия наказания в отдаленные районы Сибири, то связь с родственниками часто терялась. Общества патроната решали эту проблему посредством запросов в губернские администрации тех мест, откуда изначально арестант был направлен для отбывания ссылки. Стремление к возможно большему приближению заключенного к семье было не только в интересах пенитенциарных, но и общественных. Здесь весьма уместно сослаться на мнение И. Я. Фойницкого, которое свидетельствует о благотворном влиянии семьи на понижение, в частности, женской преступности. Он считал, что во многих случаях примирение преступника с семьей и возвращение его в семейную среду было достаточным для возвращения его в ряды честных работников[2].

2. Предоставление рабочих мест либо помощь в приискании работы. В этих целях устраивались небольшие временные убежища, как правило, для бывших арестантов-женщин, дома трудолюбия и работные дома, организовывались и распространялись бюро по поиску работы и биржи труда. Наиболее распространенным было устройство домов трудолюбия, согласно уставу которых, они создавались для предоставления нуждавшимся работ с необходимыми материалами и инструментами и сбыта их произведений[3]. Деятельность домов трудолюбия реально давала положительный результат. Например, из отчета Московского дома трудолюбия за 1914 г. следует, что всего за указанный период этим учреждением призревались 2 054 чел., а количество просьб о призрении составило 30 598. Из общего числа дней, проведенных в доме, 79,7 %, или 498 413, были трудовыми. Главным способом занятия в доме были различные работы с применением чернорабочего труда[4]. Дома

---

[1] *Эльяшев М. А.* О способах оказания помощи патронатом // Журнал Министерства юстиции. 1901. Т. 5. С. 53.

[2] Там же. С. 81.

[3] Устав дома трудолюбия и попечительного при нем общества в г. Острове Псковской губернии. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003653512/ (дата обращения: 20.02.2026).

[4] Отчет о деятельности Московского городского дома трудолюбия и работного дома за 1914 год. Москва, 1916. С. 7.

трудолюбия стремились занимать своих подопечных работой, соответствовавшей их трудоспособности и профессиональной подготовке. Они могли работать как в пределах дома, так и выезжать на работы в городские учреждения по предварительной договоренности. Работы в домах носили разнообразный характер. Например, в Санкт-Петербурге в мужских мастерских трудились обойщики, столяры, сапожники; в швейных отделениях изготавливалась одежда. В Орловском доме трудолюбия преобладали белошвейная, коробочная и слесарная деятельность[1].

Организация временных убежищ в целом была идентична домам трудолюбия.

Чтобы патронатные общества могли предоставить рабочие места либо оказать помощь в поиске работы освобожденным, они должны были собирать сведения о рынке труда. Так, в Москве по предложению князя В. М. Голицына были организованы посреднические конторы. Они выступали местом сбора справок о нравственных качествах лиц, нуждавшихся в заработке. Данная информация представлялась по запросу нанимателям. При этом для обществ патроната конторы оказывали содействие на безвозмездной основе, а для нанимателей – на платной. Опыт учреждения подобных организаций быстро распространился во многих других городах империи: в Санкт-Петербурге, Самаре, Саратове, Царицыне, Астрахани, Уфе[2].

Еще одной важной для патронатных организаций задач было создание мастерских и ремесленных школ для обучения выпущенных на свободу арестантов. До завершения строительства таких школ попечительства заключали договоры с частными мастерскими и ремесленными заведениями, куда устраивали своих подопечных.

3. Подготовка документов, удостоверявших личность подопечного, обеспечение необходимыми предметами была и труда. Снабжение освобожденных одеждой в тот период являлось острой проблемой, поскольку Общество Попечительное о тюрьмах обеспечивало арестантов одеждой только при нахождении их в местах заключения и отправке по этапному пути. В данном случае общества патроната должны были снабдить подопечных хотя бы дешевой, но чистой одеждой и обувью,

---

[1] *Эльяшев М. А.* О способах оказания помощи патронатом. (Окончание) // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 6. С. 57.

[2] *Эльяшев М. А.* О способах оказания помощи патронатом // Журнал Министерства юстиции. 1901. Т. 5. С. 76.

соответствовавшей сезону и погоде. Но это делалось не только для того, чтобы предотвратить простудные заболевания, но и с целью внушить внешним видом доверие работодателям и нанимателям.

4. Психологическая работа. Она имела два значения: во-первых, вышедшему на свободу лицу оказывалась необходимая моральная поддержка; во-вторых, до освобождения исследовались характер, причины и степень нужды, степень физического и нравственного развития заключенного, образ жизни, привычки, склонности с целью составления оптимального портрета личности подопечного, на основании которого патронатом ему выбирался конкретный тип поддержки.

5. Выдача ссуд и денежных пособий. Общества патроната занимались систематизацией данных о личностях подопечных. Интересным представляется опыт Ярославского общества по выдаче пособия лицам, освобожденным из тюремного заключения. О каждом подопечном, получавшем пособие, составлялся справочный листок, в котором обозначались полные сведения о нем[1]. Во многом это облегчало работу патроната, во-первых, в вопросе ведения статистики, во-вторых, при составлении отчетности.

6. Помощь в оформлении вида на жительство.

7. Содействие доставлению подопечных на родину из мест отбывания наказания, если этом была необходимость. В частности, поскольку большинство преступного населения происходило из сельской местности, патронат был озабочен доставлением спецконтингента обратно в деревни. Представители патроната считали, что человек, принадлежавший к крестьянству, легче поддается наблюдению со стороны своих односельчан и сам должен больше следить за собой, чем если он останется в городской полосе[2].

Если освобожденный отправлялся на большие расстояния, попечители заботились о возможном снабжении его пищей, а также именным проездным билетом.

---

[1] Там же. С. 54.

[2] *Эльяшев М. А.* О способах оказания помощи патронатом // Журнал Министерства юстиции. 1901. Т. 5. С. 54.

Кроме того, общества патроната заботились об учреждении в разных местах большого количества постоялых рабочих домов и гостиниц с целью исключения бродяжничества подопечных.

8. Оказание помощи в воспитании детей арестантов и ссыльных. Патронатные органы помещали детей арестантов в специализированные приюты, поскольку оставлять их в местах заключения было нельзя. Как рассказывал общественный деятель исследуемой эпохи Д. А. Дриль: «Удручающее впечатление производит ребенок-подросток в тюрьме. Гром железных засов… брань арестантов… беспутные рассказы о прошлом… – таковы впечатления тюрьмы, которые ложатся в основу душевной жизни арестанта-ребенка»[1]. Приюты для призрения детей арестантов проводили следующие мероприятия: обучение детей грамоте, обеспечение одеждой и предметами первой необходимости, духовное наставление, обучение ремеслу. Для упорядочения их деятельности было предложено утвердить устав, подобный уставам исправительно-воспитательных заведений. За образец взяли устав Киевского приюта для арестантских детей. Данный акт содержал положения о содержании детей, обеспечении их вещами, обучении грамоте и посильным работам[2].

Подопечные оставляли приют в следующих случаях: вместе с освобождением из мест заключения и ссылки их родителей; по достижении четырнадцатилетнего возраста.

Приведенный выше перечень средств попечения не был исчерпывающим, его дополняла иная помощь, в зависимости от конкретной территории. Например, Общество патроната в Риге придерживалось самостоятельной позиции относительно участия общественности в пенитенциарной деятельности. По его мнению, основная задача состояла в установлении контроля за лицами, получившими условный срок, а также досрочно освобожденными арестантами. Этот опыт был заимствован рижскими патронатными деятелями в США[3].

---

[1] *Дриль Д. А*. Тюрьма и принудительное воспитание // Журнал Министерства юстиции. 1900. Т. 3. С. 32.

[2] *Эльяшев М. А.* О способах оказания помощи патронатом. (Окончание) // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 6. С. 46.

[3] Первый опыт института наблюдателей в России // Тюремный вестник. 1910. № 11.

Наряду с положительными сторонами деятельности обществ патроната необходимо выделить и отрицательные моменты. В основном они заключались в некомплексном применении указанных средств. Так, Кишиневское общество вместо назначения пособия лицам, освобожденным из тюремного заключения, ограничивалось выдачей денежных средств и одежды вышедшим на свободу арестантам и их семействам, а также оказанием нравственно-просветительской помощи[1]. Из анализа отчета Владимирского общества покровительства лицам, освобожденным из мест заключения губернии, за 1913–1914 гг. также следует, что данный орган часто оказывал лишь материальную поддержку путем выдачи денежных средств нуждавшимся заключенным. Например, были заявлены ходатайства от арестантов Яковлева, Куликова, Роганова о выдаче пособий их семьям. Патронат постановил, выдавать семьям ежемесячно по 2 руб.[2] Такие ходатайства были предметом рассмотрения практически на каждом заседании общества, причем большинство из этих ходатайств были удовлетворены[3].

Как правило, в столичных городах одновременно с обществами патроната постпенитенциарный контроль осуществляли благотворительно-тюремные комитеты, которые были учреждены ранее патронатных органов. Ярким примером служит Санкт-Петербургский мужской благотворительно-тюремный комитет. К 1896 г. он располагал довольно значительной суммой в размере 259 273 руб. 83 коп., что позволяло ему оказывать разностороннюю поддержку арестантам и членам их семей. На пособие освобождаемым из этих средств было выделено 21 915 руб., а на содержание приюта арестантских детей – 7 456 руб. 37 коп.[4] Комитет использовал следующие средства: ходатайства об оставлении подопечных

С. 1419.

[1] Кишиневское общество для пособия лицам, освобожденным из тюремного заключения // Тюремный вестник. 1903. № 3. С. 241.

[2] Отчет Владимирского общества покровительства лицам, освобожденным из мест заключения губернии (патроната) за время с 1-го января 1913 года по 1-е января 1914 года. Владимир, 1914. С. 6.

[3] Там же. С. 10, 12, 14, 16.

[4] Отчет о деятельности стоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Санкт-Петербургского мужского благотворительно-тюремного комитета за 1896 год // Тюремный вестник. 1898. № 2. С. 83.

по их желанию в столичных городах; выправление паспортов; снабжение необходимой одеждой и вещами хозяйственного назначения; выдача денежных пособий; принятие в приют детей на время содержания в местах заключения родителей. В Александровском приюте находились под опекой 40 воспитанников. Кроме школьного обучения дети занимались сапожным, токарным и столярным ремеслами[1].

Деятельность патронатных организаций по представленным выше направлениям носила положительный характер и соответствовала требованиям развития пенитенциарного дела в России на тот исторический момент.

Серьезным достижением общественного контроля исследуемого периода следует считать практику попечения над семьями заключенных и ссыльных. Государство поддерживало эту идею, так как само не содержало семьи ссыльных в местах каторги из соображений экономии средств бюджета, о чем свидетельствуют отдельные циркуляры ГТУ. Например, в циркуляре от 17 апреля 1902 г. № 7210-7302 отмечается, что, поскольку «положение семейств ссыльно-каторжных в Сибири представляется доныне весьма тягостным, то губернаторы должны разъяснять женам, изъявившим желание сопровождать мужей на каторгу, что казна будет снабжать их и находящихся при них детей кормовыми деньгами и одеждой только во время нахождения в пути, по прибытии их к месту назначения, жены и дети их должны существовать преимущественно собственными средствами»[2].

В этой связи особую значимость приобрела деятельность Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных. Как известно, в тот период каторга назначалась либо бессрочно, либо на срок от четырех до пятнадцати лет, а ссылка на поселение – только бессрочно[3], поэтому семьи арестантов данной категории нуждались в более пристальном надзоре и всевозможной помощи.

Общество возникло в 1891 г. по причине тяжелого положения жен и детей, добровольно отправившихся за ссыльными в Сибирь. Для помощи семьям, в особенности детям, были организованы приюты арестантских детей, например, в

---

[1] Там же. С. 87.

[2] Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг.

[3] Уголовное Уложение, утвержденное 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 23, № 22704.

Красноярске, Горном Зерентуе Забайкальской области, который был центром Нерчинской каторги. В 1898 г. в ведение Общества перешли еще три приюта – Александровский, Тымовский, Корсаковский[1].

В связи с обширной территорией, подведомственной Обществу попечения о семьях ссыльно-каторжных, и в целях обеспечения ближайшего надзора за деятельностью приютов было создано Забайкальское отделение Общества во главе с советом. В 1896 и 1897 гг. в приютах состояло 104 ребенка[2]. Для них была организована работа по обучению столярному, портняжному и сапожному делу, а также грамоте.

Вместе с тем деятельность Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных не ограничивалась заботой о приюте, об учебе и о подготовке к нормальной жизни детей лиц, сосланных в Сибирь. Так, для снабжения семей денежными средствами и одеждой Общество учредило особый институт действительных членов. В их обязанности входили контроль за семьями ссыльных в пути следования в места ссылки и оказание им всевозможной материальной помощи[3]. Кроме того, как было отмечено выше, ссылка и каторга были весьма длительными наказаниями, в связи с чем многие семьи вынуждены были трудиться с целью заработать средства на дальнейшую жизнь. Данные обстоятельства Общество также не оставило без внимания, и в 1901 г. на о. Сахалин был учрежден Дом трудолюбия для поселенцев. Эта организация должна была оказывать срочную помощь нуждавшимся посредством предоставления им возможности трудиться и приюта[4].

Однако в активной и разносторонней деятельности Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных существовал ряд проблемных моментов, в их числе:

– нехватка денежных средств на организацию патроната;

---

[1] *Горбунова М. М.* Патронат в пенитенциарной сфере Российской Империи в конце XIX – начале XX века (на примере деятельности Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных) // Результаты научных исследований : сб. ст. студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Уфа, 2015. С. 96.

[2] Патронат. Дополнение четвертое и пятое к общим положениям Забайкальского отделения, состоящего под покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны, общества попечения о семьях ссыльно-каторжных // Тюремный вестник. 1898. № 1. С. 43.

[3] Патронат. Очерк деятельности Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных // Тюремный вестник. 1901. № 10. С. 506.

[4] Правила учреждаемого Обществом попечения о семьях ссыльно-каторжных Дома трудолюбия на о. Сахалин // Тюремный вестник. 1902. № 2. С. 83.

– ликвидация ряда отделений Общества в связи с политической обстановкой в России в начале XX в.

Таким образом, в исследуемый исторический период в Российской империи существовал общественный контроль в сфере исполнения уголовных наказаний. Функции по его осуществлению были возложены государством на благотворительные общества, а именно: Общество Попечительное о тюрьмах, наблюдательные комиссии, общества патроната, общества по надзору за исправительными приютами для несовершеннолетних преступников, общества попечения о семьях ссыльно-каторжных.

Данные общества обладали компетенцией в решении преимущественно вопросов финансово-хозяйственной части мест заключения, попечения о нравственном исправлении арестантов, а также патроната их семей, используя для этого в основном собственные финансовые средства наряду с отдельными государственными ассигнованиями.

При этом в осуществлении контрольных полномочий в сфере функционирования мест заключения и ссылки благотворительные общества обладали относительной самостоятельностью, а их решения во многом носили рекомендательный характер для органов государственной власти и местного управления империи в целом и для управленческого аппарата пенитенциарной системы, в частности.

Вместе с тем изучение опыта осуществления общественного контроля в сфере исполнения уголовных наказаний в исследуемый исторический период заслуживает пристального внимания, поскольку в основу этой деятельности легли такие прогрессивные идеи, как организация института попечительства для несовершеннолетних преступников, создание убежищ для временного пребывания подопечных, создание профильных рабочих мест, организация попечения о семьях арестантов и ссыльных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ценность и сущностная составляющая государства проявляется в его функциях. Протекающие внутри Российского государства процессы позволяют рассматривать концепцию функций государства как перспективный вектор научного анализа.

Настоящее исследование, проведенное в историко-правовом контексте, показало важность практической реализации функций государства в ходе совершенствования его аппарата власти, в частности, значимость контрольной функции в условиях проведения реформ государственного управления.

Теоретико-методологические предпосылки исследования контроля за исполнением уголовных наказаний (понятийно-категориальный аппарат контроля, подходы к периодизации проведения государственно-правовых реформ, сущность контроля) позволили сделать следующие умозаключения.

Во-первых, основываясь на доктринальных подходах к пониманию сущности контроля, разработанных в юриспруденции и в других отраслях научного знания, объясняется содержание данного понятия применительно к пенитенциарной сфере, а также формулируется его авторская дефиниция: контроль в сфере исполнения уголовных наказаний в Российской империи в XIX – начале XX вв. представлял собой одну из функций деятельности широкого круга субъектов (государственных учреждений и благотворительных обществ), реализуемую посредством их нормативно закрепленных обязанностей по осуществлению наблюдения, надзора, заведования, ревизии, попечения и патроната.

Во-вторых, на основе устоявшихся подходов к периодизации становления системы органов государственной власти Российской империи в XIX – начале XX вв. обосновывается авторская периодизация организационно-правовых основ контроля в заявленной сфере в контексте эволюции органов государственного управления в целом и органов системы исполнения уголовных наказаний как их части. Диссертант выделяет три взаимосвязанных этапа в истории развития контроля в сфере исполнения уголовных наказаний в период XIX – начала XX вв.: 1-й этап – с сентября 1802 г. по февраль 1861 г.; 2-й этап – с февраля 1861 г. по февраль 1879

г.; 3-й этап – с февраля 1879 г. по март 1917 г. Каждый из этих этапов характеризуется спецификой функционирования системы органов центрального отраслевого управления в лице министерств, а также особенностями проведения ключевых реформ государственной и общественной жизни империи.

В-третьих, используемая в диссертационном исследовании методология, основанная на принципе историзма, позволила определить множественность субъектного состава, наделенного контрольной функцией в пенитенциарной сфере, а также проследить эволюцию норм о контроле, содержавшихся в дореволюционном законодательстве как общеимперского, так и пенитенциарного характера. Установлено, что нормы о контроле в сфере исполнения уголовных наказаний в законодательстве Российской империи формировались поэтапно в симбиотическом взаимодействии с выработкой нормативно-правовой базы, обеспечивавшей проведение реформ государственного управления в целом и тюремной реформы в частности. В заявленных хронологических рамках в Российской империи выстроилась трехуровневая вертикаль государственных органов и учреждений, наделенных контрольными полномочиями, где общеимперский уровень был представлен высшими органами государственной власти, уровень отраслевого управления заняли министерства, а также образованные в их структуре и подчиненные им государственные учреждения и должностные лица, местный уровень составили губернские органы управления. Особое место в данной структуре отводилось благотворительным обществам, которым государство делегировало часть контрольных полномочий по распределению финансово-материальных средств в местах заключения, а также по нравственному исправлению заключенных, постпенитенциарному патронату арестантов и их семей.

В-четвертых, в исследовании специфики осуществления контрольной функции в отечественной сфере исполнения уголовных наказаний акцентировано внимание на деятельности государственных учреждений и благотворительных обществ по реализации ими собственных контрольных полномочий, а также на правовой регламентации указанной деятельности.

Анализ широкого круга исторических источников показал превалирующую

роль в осуществлении контроля за функционированием мест заключения органов местного управления: губернаторов, губернских правлений с подведомственными им учреждениями, а также ГТУ и благотворительных обществ.

Органы местного управления, обладавшие в силу закона контрольными полномочиями во всех сферах жизнедеятельности подведомственных губерний, взяли на себя основную нагрузку по реализации контроля непосредственно в вопросах функционирования мест заключения и ссылки с начала XIX в. вплоть до учреждения в 1879 г. ГТУ как органа ведомственного контроля.

Вместе с тем ГТУ с подконтрольными ему должностными лицами – инспекторами, будучи центральным органом управления пенитенциарными учреждениями и переняв максимальный объем контрольных полномочий от губернской администрации, не обладало всей полнотой власти в отношении подконтрольных объектов, что было связано с особенностями организации аппарата управления Российского государства.

Благотворительные общества имели положительные достижения в вопросе осуществления контрольных полномочий, делегированных им государством применительно к деятельности пенитенциарных учреждений и мест ссылки, даже несмотря на их статус негосударственных учреждений и рекомендательный характер их решений для органов государственной власти.

Опыт осуществления указанными субъектами контрольной функции в исследуемой сфере имеет определенную ценность и в современных условиях взаимодействия территориальных органов исполнительной власти с органами государственной власти субъектов Федерации в части конкретизации данной функции в вопросах реализации уголовно-исполнительной политики в регионах, а также во взаимодействии общественных организаций с УИС и органами управления на местах в процессе совместного урегулирования проблемных аспектов дальнейшего сопровождения лиц, отбывших наказание, а также вопросов оказания посильной поддержки их семьям.

В нормах законодательства об учреждениях и органах УИС России закрепляются контрольные полномочия широкого круга субъектов, включая Президента,

представительные и исполнительные органы власти субъектов, а также органы власти на территории муниципальных образований. Им разрешено право беспрепятственного посещения исправительных учреждений, а также разрешен контроль деятельности указанных учреждений в пределах и порядке, установленных законодательством Российской Федерации. Однако в нормах законодательства об организации публичной власти в Российской Федерации[1], а равно об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти[2] содержание контрольных полномочий и порядок их реализации в деятельности мест лишения свободы не урегулированы, в основном указывается на возможность организации взаимодействия и координации деятельности органов власти субъектов и местного управления с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти.

В этой связи целесообразно в процессе дальнейшей разработки нормативно-правовой базы в области закрепления полномочий высшего должностного лица субъекта Федерации в части организации взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти, их территориальными органами (конкретно – органами ФСИН России) учесть содержание контрольных полномочий в заявленной сфере правоотношений, как это было отражено в законодательстве Российской империи исследуемого периода.

Согласно архивным материалам, органы местного управления представляли в МВД и императору ежегодные отчеты о своей деятельности, содержавшие в том числе сведения о местах заключения губерний. В настоящее время Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» предусматривает оценку эффективности деятельности исполнительных органов субъекта посредством анализа отчета о ее состоянии высшими ор-

---

[1] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973.

[2] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федер. закон от 20 марта 2024 г. № 33-ФЗ // Там же. 2025. № 12, ст. 1200.

ганами государственной власти. Возможно, следует включить в перечень представляемых сведений (ст. 35) информацию о состоянии функционирования исправительных учреждений, расположенных на территории субъекта, поскольку исполнительные органы субъекта участвуют в программе пробации.

Применительно к органам местного управления представляется актуальным заимствование некоторых положительных моментов в плане сбора местной администрацией сведений об осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, расположенных в пределах соответствующих территорий, с целью дальнейшего, например, обеспечения освободившегося гражданина рабочим местом, жильем, а также информации о местных общественных организациях в целях последующего взаимодействия по вопросу попечения о семьях осужденных и отбывших наказание лицах.

В настоящее время в России активно внедряется система пробации в форме пенитенциарного и постпенитенциарного сопровождения лиц, отбывающих наказание. Однако оценить опыт функционирования данной системы не представляется возможным в силу не столь длительного действия законодательства о пробации (с января 2025 г.).

В соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»[1] организации и общественные объединения могут привлекаться к мероприятиям в рамках пробации, но не относятся к ее непосредственным субъектам. Учитывая результаты деятельности благотворительных обществ Российской империи в вопросе постпенитенциарного сопровождения выпущенных на свободу заключенных, представляется целесообразным включить институты общественности в субъектный состав пробации. Прогрессивные идеи организации сообщества попечителей для малолетних заключенных, учреждения временных пристанищ для содержания подшефных лиц, создания рабочих мастерских, предоставления разноплановой поддержки семьям арестантов во многом могут быть заимствованы из практики обществ патроната и реализованы в современных условиях функционирования института пробации.

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 6, ст. 917.

И, наконец, модель построения научной мысли в настоящей диссертации может быть использована для историко-правового исследования реализации контрольной функции органов государственной власти и местного управления в иных сферах общественной и государственной жизни, а также для проведения последующих научных разработок заявленной темы в рамках иных хронологических периодов отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. **Российская Федерация. Законы.** Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2026. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.02.2016).

2. **Российская Федерация. Законы.** Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : УИК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 11.02.2026 : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.] // Российская газета. – №9-10. – 16.01.1997 г. – Текст : непосредственный.

3. **Российская Федерация. Законы.** Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : Закон Российской Федерации № 5473-1 : текст с изменениями и дополнениями на 30.01.2026 : [утвержден Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 21 июля 1993 г.] // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 33, ст. 1316. – Текст : непосредственный.

4. **Российская Федерация. Законы.** Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания : Федеральный закон № 76-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 23.07.2025 : [принят Государственной Думой 21 мая 2008 г. : одобрен Советом Федерации 30 мая 2008 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2789. – Текст : непосредственный.

5. **Российская Федерация. Законы.** Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон №414-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 29.12.2025 : [принят Государственной

Думой 14 декабря 2021 г. : одобрен Советом Федерации 15 декабря 2021 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 52 (ч. 1). – Ст. 8973. – Текст : непосредственный.

6. **Российская Федерация. Законы.** О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон № 10-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 23.07.2025 : [принят Государственной Думой 25 января 2023 г. : одобрен Советом Федерации 1 февраля 2023 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 6. – Ст. 917. – Текст : непосредственный.

7. **Российская Федерация. Законы.** О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» : Федеральный закон № 540-ФЗ : [принят Государственной Думой 17 декабря 2024 г. : одобрен Советом Федерации 20 декабря 2024 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 53, ч. 1. – Ст. 8550. – Текст : непосредственный.

8. **Российская Федерация. Законы.** Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон № 33-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 09.04.2026 : [принят Государственной Думой 5 марта 2025 г. : одобрен Советом Федерации 14 марта 2025 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 12. – Ст. 1200. – Текст : непосредственный.

9. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 // Российская газета. – №230. – 19.10.2004 г. – Текст : непосредственный.

10. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544. – Текст : непосредственный.

11. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** Об утверждении Порядка осуществления ведомственного контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : Приказ Минюста России от 22 августа 2019 г. № 185 : текст с изменениями и дополнениями на 9.08.2023 – Текст : электронный // Официальный интернет-

портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 05.06.2025).

12. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** Об утверждении порядка организации контроля в УИС по зональному принципу и рекомендаций по ведению контрольно-наблюдательного дела территориального органа ФСИН России : Приказ ФСИН России от 28 августа 2010 г. № 378 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 1. С. 65–80. – Текст : непосредственный.

Нормативные правовые акты и официальные документы Российской империи

13. Свод общих губернских учреждений // Свод законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1857. – Т. 2, ч. 1. – 202 с. – Текст : непосредственный.

14. Свод военных постановлений 1869 года. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1879. – Ч. 1 : Военные управления, Кн. 1-2 : (По 1 янв. 1893 г.). – 1893. – 299 с. – Текст : непосредственный.

15. Свод военных постановлений. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1870. – Т. 2, ч. 4 : Военные заведения, кн. 15–17. – 406 с. – Текст : непосредственный.

16. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей от 1890 года // Свод законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1857. – Т. 14, кн. 5. – С. 148–225. – Текст : непосредственный.

17. Об учреждении министерств : Манифест от 8 сент. 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 / под рук. М. М. Сперанского. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 27, № 20406. – Текст : непосредственный.

18. О правах и обязанностях Сената : Указ Императора Александра I от 8 сент. 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 / под рук. М. М. Сперанского. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ.

Величества Канцелярии, 1830. – Т. 27, № 20405. – Текст : непосредственный.

19. Извлечение главнейших предметов из Высочайшей Инструкции, Саратовскому Гражданскому Губернатору данной : Указ Императора Александра I от 28 авг. 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830 – Т. 27, № 20918. – Текст : непосредственный.

20. Общий Наказ министерствам от 25 июня 1811 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 31, № 24686. – Текст : непосредственный.

21. Высочайше утвержденное Положение о военно-рабочих ротах для инженерного корпуса от 21 августа 1818 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 35, № 27491. – Текст : непосредственный.

22. Об отсылке в Сибирь на поселение бродяг и преступников, вместо отдачи их в военную службу и в крепостные работы : Указ Императора Александра I, данный Сенату от 23 февр. 1823 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 38, № 29328. – Текст : непосредственный.

23. Об учреждении при Пермском губернском правлении Экспедиции о ссыльных : Указ Императора Александра I от 13 авг. 1825 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 40, № 30449. – Текст : непосредственный.

24. Высочайше утвержденный штат одной арестантской роты от 31 дек. 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 1, № 792. – Текст : непосредственный.

25. Высочайше утвержденное Положение о сформировании морских арестантских рот Балтийского флота от 5 февр. 1830 г. // Полное собрание законов

Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1831. – Т. 5, № 3468. – Текст : непосредственный.

26. Высочайше утвержденные Правила об управлении военно-рабочею и арестантскими ротами относительно производства работ от 15 мая 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1832. – Т. 6, № 4574. – Текст : непосредственный.

27. Высочайше утвержденные Правила на счет производства инспекторских смотров ластовым и рабочим экипажам Черноморского флота от 10 мая 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1834. – Т. 8, № 6196. – Текст : непосредственный.

28. Высочайше утвержденный от 3 июля 1837 г. Общий наказ гражданским губернаторам // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1838. – Т. 12, № 10303. – Текст : непосредственный.

29. Высочайше утвержденное Положение Казанской арестантской роты гражданского ведомства от 10 июля 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1838. – Т. 12, № 10438. – Текст : непосредственный.

30. Высочайше утвержденное Положение Саратовской арестантской роты гражданского ведомства от 13 марта 1838 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1839. – Т. 13, № 11046. – Текст : непосредственный.

31. Высочайше утвержденное Положение о порядке производства дел исполнительных Санкт-Петербургской полиции от 1 апр. 1838 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1839. – Т. 13, № 11109. – Текст : непосредственный.

32. Высочайше утвержденное Положение Ярославской арестантской роты гражданского ведомства от 26 ноября 1838 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1839. – Т. 13, №11779. – Текст : непосредственный.

33. Высочайше утвержденное Положение Владимирской арестантской роты гражданского ведомства от 24 дек. 1838 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1839. – Т. 13, № 11882. – Текст : непосредственный.

34. Высочайше утвержденное Положение Курской арестантской роты гражданского ведомства от 4 февр. 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1840. – Т. 14, № 11997. – Текст : непосредственный.

35. Высочайше утвержденное Положение о Пензенской арестантской роте гражданского ведомства от 10 июня 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1840. – Т. 14, № 12426. – Текст : непосредственный.

36. Высочайше утвержденное Положение о Рязанской арестантской роте гражданского ведомства от 10 июня 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1840. – Т. 14, № 12427. – Текст : непосредственный.

37. Высочайше утвержденное Положение о Пермской арестантской роте гражданского ведомства от 10 июня 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1840. – Т. 14, № 12428. – Текст : непосредственный.

38. Высочайше утвержденное Учреждение для управления Закавказским краем от 10 апр. 1840 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1841. – Т. 15, № 13368. – Текст : непосредственный.

39. Высочайше утвержденное Учреждение губернских правлений от 2 янв.1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-

Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1846. – Т. 20, № 18580. – Текст : непосредственный.

40. Высочайше утвержденное Положение о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства от 15 авг. 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1846. – Т. 20, № 19285. – Текст : непосредственный.

41. Высочайше утвержденное Положение о губернских строительных и дорожных комиссиях от 28 апр. 1849 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1850. – Т. 24, № 23213. – Текст : непосредственный.

42. Высочайше утвержденное Положение об управлении арестантскими ротами морского ведомства от 16 июля 1851 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1852. – Т. 26, № 25411. – Текст : непосредственный.

43. О причислении к Министерству внутренних дел Общества Попечительного о тюрьмах и существующего при нем комитета о разборе нищих : Указ Императора Александра II от 26 авг. 1855 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1856. – Т. 30, № 29614. – Текст : непосредственный.

44. Высочайше утвержденные Временные правила для управления военно-арестантскими ротами, впредь до преобразования сих рот от 16 дек. 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1867. – Т. 39, № 41590. – Текст : непосредственный.

45. Высочайше утвержденная Инструкция Товарищу министра внутренних дел, заведующему государственной полицией от 16 июля 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1883. – Т. 2, № 1022. – Текст : непосредственный.

46. О соединении Департамента Государственной Полиции и Департамента

Полиции Исполнительной в одно учреждение – Департамент Государственной Полиции : Указ Императора Александра II от 15 нояб. 1880 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1884. – Т. 55, № 61550. – Текст : непосредственный.

47. Высочайше утвержденное Уголовное Уложение от 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1910. – Т. 23, № 22704. – Текст : непосредственный.

48. Высочайше учрежденный Устав конвойной службы от 10 июня 1907 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1910. – Т. 27, № 29272а. – Текст : непосредственный.

49. Указ Правительствующему сенату «О введении в действие «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»», Положение о мерах к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия. – Тифлис : Тип. А. А. Михельсона, ценз., 1881. – 11 с. – Текст : непосредственный.

50. О присоединении к составу Министерства юстиции Главного тюремного управления : Указ Императора Николая II от 13 дек. 1895 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1899. – Т. 15, № 12272. – Текст : непосредственный.

51. Именной выс. указ Правительствующему сенату [об отмене ссылки на житье и ограничении ссылки на поселение по суду и по приговорам общественным; Выс. утв. мнение Гос. совета об отмене ссылки и утверждении временных правил о замене ссылки на поселение и житье другими наказаниями]. Выс. утв. мнение Гос. совета об отмене ссылки и утверждении временных правил о замене ссылки на поселение и житье другими наказаниями]. – Неофиц. изд. – Вильна : тип. А. Минскера, 1900. – 23 с. – Текст : непосредственный.

52. Об условном досрочном освобождении : Выс. утв., одобр. Гос. советом и Гос. думой закон от 22 июня 1909 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1910. – Т. 29, № 32241. – Текст : непосредственный.

53. О государственной помощи обществам покровительства лицам, освобожденным из мест заключения : Выс. утв., одобр. Гос. советом и Гос. думой закон от 24 дек. 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1915. – Т. 32, № 38585. – Текст : непосредственный.

54. О мерах к устранению накопления арестантов в местах заключения и о распределении по местам ссылки преступников из жителей Сибири : Выс. утв. мнение Гос. совета от 23 нояб.1853 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1854. – Т. 28, № 27722. – Текст : непосредственный.

55. О переименовании арестантских рот гражданского ведомства в исправительные отделения и о введении в них гражданского управления и вольнонаемного надзора : Выс. утв. мнение Гос. совета от 31 марта 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1874. – Т. 45, № 48206. – Текст : непосредственный.

56. Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления : Выс. утв. мнение Гос. совета от 27 февр. 1879 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1881. – Т. 54, № 59360. – Текст : непосредственный.

57. Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях : Выс. утв. мнение Гос. совета от 11 дек. 1879 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1881. – Т. 54, № 60268. – Текст : непосредственный.

58. О порядке свидетельствования арестантов относительно способности их к работам в исправительных арестантских ротах и отделениях : Выс. утв. мнение Гос. совета от 28 апр. 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1885. – Т. 1, № 107. – Текст : непосредственный.

59. Об управлении и надзоре в исправительных арестантских отделениях и об открытии нового отделения в г. Вологде : Выс. утв. мнение Гос. совета от 12 марта 1882 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – 1882. – № 23, ст. 141. – Текст : непосредственный.

60. О порядке заготовления материалов одежды и обуви, и продовольственных припасов для содержащихся в исправительно-арестантских отделениях : Выс. утв. мнение Гос. совета от 26 апр. 1883 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1893. – Т. 3, № 1523. – Текст : непосредственный.

61. Об усилении статистической части при Главном тюремном управлении : Выс. утв. мнение Гос. совета от 13 ноября 1884 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1893. – Т. 4, № 2498. – Текст : непосредственный.

62. Об устройстве управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи : Выс. утв. мнение Гос. совета от 15 июня 1887 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1893. – Т. 7, № 4593. – Текст : непосредственный.

63. О порядке принятия и направления прошений и жалоб, на Высочайшее Имя приносимых : Выс. утв. мнение Гос. совета от 21 марта 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1893. – Т. 10, № 6647. – Текст : непосредственный.

64. Об учреждении губернской тюремной инспекции : Выс. утв. мнение Гос.

совета от 21 марта 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1893. – Т. 10, № 6653. – Текст : непосредственный.

65. Об упразднении Тюменского приказа о ссыльных и дополнении штата Главного тюремного управления, а также об изменении правил относительно распределения, регистрации и препровождения ссыльных : Выс. утв. мнение Гос. совета от 23 февр.1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1904. – Т. 24, № 24084. – Текст : непосредственный.

66. Об устранении отступлений в порядке издания законов : Выс. утв. мнение Гос. совета от 6 июня 1905 г. // Тюремный вестник. – 1905. – № 7. С. 436–439. – Текст : непосредственный.

67. О предписании всем Губернским правлениям, дабы они ежемесячно рапортовали Сенату о назначенных на поселение в Сибирь отставных солдатах, преступниках и помещичьих людях : Указ Сената от 26 марта 1800 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 26, № 19342. – Текст : непосредственный.

68. О доставлении ведомостей о преступниках в Сенат из губерний по прошествии каждой трети года, по приложенной форме : Указ Сената от 21 сент. 1800 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 26, № 19564. – Текст : непосредственный.

69. О наблюдении со стороны губернаторов и губернских правлений должного попечения при пересылке осужденных на поселение, чтобы они не претерпевали в продовольствии недостатка : Указ Сената от 29 сент. 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 27, № 20437. – Текст : непосредственный.

70. О доставлении ведомостей из Присутственных мест о делах губернским

прокурорам : Указ Сената от 15 дек. 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 27, № 20553. – Текст : непосредственный.

71. О доставлении в Сенат ведомостей об отправляемых на поселение преступниках не помесячно, а в то время, когда оные будут из какой губернии посылаемые : Указ Сената от 6 июня 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 28, № 21333. – Текст : непосредственный.

72. О беспрепятственном допущении губернских прокуроров к осмотру содержащихся в рабочих и смирительных домах разного звания людей : Указ Сената от 15 янв. 1810 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 31, № 24086. – Текст : непосредственный.

73. О непременном доставлении губернскими правлениями годовых счетов о ссыльных в Тобольский приказ, в назначенное время : Указ Сената от 31 авг. 1824 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 39, № 30044. – Текст : непосредственный.

74. Об отсылке содержавшихся по 22 августа 1826 г. арестантов, не имеющих права на прощение, в крепостные арестанты : Указ Сената от 29 сент. 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 1, № 602. – Текст : непосредственный.

75. Об обращении губернскому начальству особого внимания на участь людей, содержащихся под стражею : Указ Сената от 28 февр. 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 2, № 932. – Текст : непосредственный.

76. О порядке, коим содержащиеся под стражей могут высылать в присутственные места прошения по собственным делам : Указ Сената от 31 дек. 1827 г.

// Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 2, № 1671. – Текст : непосредственный.

77. О дозволении губернским прокурорам просьбы и жалобы от содержащихся подсудимых вносить в Сенат при рапортах, а в присутственные места и к начальствующим лицам при отношениях : Указ Сената от 9 нояб. 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 3, № 2421. – Текст : непосредственный.

78. О предоставлении в Министерство внутренних дел сведений о тех приношениях, которые завещаны будут в пользу тюрем и арестантов : Указ Сената от 7 окт. 1829 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 4, № 3217. – Текст : непосредственный.

79. Об обязанности губернских прокуроров и уездных стряпчих доносить ежемесячно Государю Императору в собственные руки о содержащихся арестантах : Указ Сената от 5 июля 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1838. – Т. 12, № 10417. – Текст : непосредственный.

80. Об арестантах, подлежащих надзору губернских прокуроров : Указ Сената от 13 сент. 1838 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1839. – Т. 13, № 11535. – Текст : непосредственный.

81. О дозволении находящимся в губерниях штаб-офицерам корпуса жандармов иметь беспрепятственный вход в тюремные заведения : Указ Сената от 19 сент. 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1840. – Т. 14, № 12706. – Текст : непосредственный.

82. О предоставлении военным и гражданским губернаторам утверждать ротных командиров арестантских рот гражданского ведомства : Указ Сената от 26 апр.

1841 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1841. – Т. 15, № 14492. – Текст : непосредственный.

83. О доставлении в Тобольский приказ о ссыльных особых извещений о преступниках, приговоренных на каторгу, и о лицах, ссылаемых на поселение : Указ Сената от 11 июня 1842 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1843. – Т. 17, № 15739. – Текст : непосредственный.

84. О подчинении арестантских рот гражданского ведомства ведению Главного управления путей сообщения и публичных зданий : Указ Сената от 10 марта 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1846. – Т. 20, № 18819. – Текст : непосредственный.

85. О своевременном доставлении Тобольскому приказу о ссыльных сведений о лицах, ссылаемых в Сибирь : Указ Сената от 28 авг. 1847 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1848. – Т. 22, № 21496. – Текст : непосредственный.

86. О возложении на товарища министра внутренних дел ближайшего наблюдения за течением арестантских дел и за исполнением Высочайшего повеления о немедленном их окончании : Указ Сената от 24 июля 1856 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1857. – Т. 31, № 30760. – Текст : непосредственный.

87. О передаче арестантских рот гражданского ведомства в заведывание местных губернских правлений : Указ Сената от 12 дек. 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1866. – Т. 38, № 40369. – Текст :

непосредственный.

88. Об ускорении разрешения всех дел, а иначе таковых, по коим есть арестанты : положение Ком. министров от 27 апр. 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 1, № 281. – Текст : непосредственный.

89. О кормовых деньгах для арестантов и других издержках, на них употребляемых : положение Ком. министров от 18 янв. 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 2, № 824. – Текст : непосредственный.

90. Об издержках и сумме на содержание арестантских рот, формируемых из содержимых в городских тюрьмах арестантов : положение Ком. министров от 11 окт. 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 2, № 1455. – Текст : непосредственный.

91. О предоставлении МВД утверждать составляемую ежегодно табель о деньгах на прокормление арестантов в местах их содержания : положение Ком. министров от 5 марта 1835 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1856. – Т. 10, № 7923. – Текст : непосредственный.

92. О учреждении при Департаменте полиции исполнительной временного отделения для наблюдения за течением арестантских дел : положение Ком. министров от 3 дек. 1848 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1849. – Т. 23, № 22785. – Текст : непосредственный.

93. О порядке предоставления отчетности смотрителями губернских тюремных замков : положение Ком. министров от 25 сент. 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1865. – Т. 37, № 38712. – Текст : непосредственный.

94. Об учреждении в г. Серпухов Московской губернии женского попечительного о тюрьмах отделения : положение Ком. министров от 15 марта 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1866. – Т. 38, № 39379. – Текст : непосредственный.

95. О временных правилах для управления арестантскими ротами гражданского ведомства : положение Ком. министров от 28 февр. 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1867. – Т. 39, № 40643. – Текст : непосредственный.

96. О передаче состоящих в заведовании приказов общественного призрения рабочих и смирительных домов в ведение губернского правления и попечительных о тюрьмах комитетов : положение Ком. министров от 3 дек. 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1867. – Т. 40, № 42737. – Текст : непосредственный.

97. Об учреждении на время должности Главного Инспектора по пересылке арестантов : положение Ком. министров от 27 янв. 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1871. – Т. 42, № 44178. – Текст : непосредственный.

98. Об учреждении должностей: третьего инспектора по пересылке арестантов и делопроизводителя при Главном инспекторе этой части : положение Ком. министров от 26 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1874. – Т. 45, № 48520. – Текст : непосредственный.

99. Об учреждении должности инспектора пересылки арестантов в Восточной Сибири : положение Ком. министров от 5 апр. 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств.

Его Императ. Величества Канцелярии, 1876. – Т. 49, № 53341. – Текст : непосредственный.

100. О предоставлении местным административным властям права издавать обязательные постановления : положение Ком. министров от 20 сент. 1876 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1878. – Т. 51, № 56203. – Текст : непосредственный.

101. Об определении отношения инспекции пересылки арестантов к Главному тюремному управлению : положение Ком. министров от 13 июня 1880 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1884. – Т. 55, № 61078. – Текст : непосредственный.

102. Об изменении в порядке высшего управления тюремной частью : положение Ком. министров от 30 янв. 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1885. – Т. 1, № 61814. – Текст : непосредственный.

103. Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел с 1859 по 1879 год. – Санкт-Петербург : Гл. тюрем. упр.,1880. – 802 с. – Текст : непосредственный.

104. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1866, 1868 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутр. дел Д. Чудовский. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1874. – 670 с. – Текст : непосредственный.

105. Сборник циркулярных распоряжений по тюремной части (Первое прибавление к сборнику 1880 г.). – Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1883. – 323 с. – Текст : непосредственный.

106. Об обязанности гражданских губернаторов объезжать один раз в году вверенные им губернии : указ министра внутр. дел от 18 окт. 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 2, № 1479. – Текст :

непосредственный.

107. О предоставлении гражданскими губернаторами в Министерство внутренних дел ежегодных отчетов о всех действиях по управлению губернией : указ министра внутр. дел от 30 апр. 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 3, № 2007. – Текст : непосредственный.

108. О формах всеподданнейших рапортов гражданских губернаторов по годичному обозрению губерний : указ министра внутр. дел от 8 июля 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1832. – Т. 6, № 4689. – Текст : непосредственный.

109. О впуске в городские тюремные замки и остроги местного начальства корпуса внутренней стражи : указ Воен. министра от 6 нояб. 1835 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1856. – Т. 10, № 8549. – Текст : непосредственный.

110. О предоставлении права входа в арестантские вагоны чинам Главного тюремного управления, командируемым по делам службы : указ Воен. министра от 30 янв. 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1895. – Т. 10, № 6563. – Текст : непосредственный.

111. О строжайшем наблюдении за караулами, коим вверяется смотрение за невольниками : указ Воен. коллегии от 31 дек. 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1802–1803. – Т. 27, № 21110. – Текст : непосредственный.

112. О доставлении к Военному министру по прилагаемой форме ежемесячно ведомостей о содержащихся по городам и крепостям под арестом и суду и без оного чиновников, и нижних чинов военного сухопутного ведомства : указ Воен. коллегии от 31 дек. 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи.

Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1809. – Т. 30, № 24063. – Текст : непосредственный.

113. О военно-тюремной реформе : положение Воен. совета от 15 окт. 1913 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1916. – Т. 33, № 40446. – Текст : непосредственный.

114. О соображении приговора над подсудимыми с высочайшими решениями в отметках на ведомостях от губернских прокуроров Его величеству представленных о содержимых арестантах : указ М-ва юстиции от 17 нояб. 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 2, № 1542. – Текст : непосредственный.

115. Об упразднении морских арестантских рот Балтийского ведомства : Им. Указ, объявл. Сенату упр. Мор. м-вом от 15 сент. 1856 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1857. – Т. 31, № 30960. – Текст : непосредственный.

116. О передаче арестантских рот Черноморского ведомства в военно-сухопутное и гражданское ведомства : Им. Указ, объявл. Сенату упр. Мор. м-вом от 31 июля 1857 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1858. – Т. 32, № 32127. – Текст : непосредственный.

117. О праве лиц прокурорского надзора на беспрепятственный вход в тюремные помещения без предъявления особых на то билетов : указ М-ва юстиции от 3 февр. 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1875. – Т. 47, № 50504. – Текст : непосредственный.

118. Об утверждении Положения для образования крепостных арестантов в арестантские роты : указ начальника Мор. штаба от 26 сент. 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-

ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 1, № 598. – Текст : непосредственный.

119. Об учреждении в черноморских портах вместо арестантских батальонов арестантских рот : приказ начальника Гл. Мор. Штаба от 2 дек. 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1831. – Т. 6, № 4979. – Текст : непосредственный.

120. Устав о ссыльных. Июль 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 38, № 29128. – Текст : непосредственный.

121. Устав об этапах в Сибирских губерниях. Июль 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 38, № 29129. – Текст : непосредственный.

122. Устав уголовного судопроизводства от 20 нояб. 1864 г. – Новочеркасск, 1913. – 1107 с. – Текст : непосредственный.

123. Устав Общества попечительного о тюрьмах от 7 нояб. 1851 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1852. – Т. 26, № 25725. – Текст : непосредственный.

124. Воинский устав о наказаниях (С[вод] в[оен.] п[остановлений] 1869 г. кн. 22, изд. 3-е 1900 г.) и Устав дисциплинарный (С. В. П. 1869 г. кн. 23, изд. 3-е 1900 г.) со всеми изменениями по 15-е мая 1906 года / сост. П. Заустинский. – Санкт-Петербург : Воен. тип., 1906. – 170 с. – Текст : непосредственный.

125. Устав Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов: утв. 15 янв.1870 г. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Неклюдова, 1870. – 27 с. – Текст : непосредственный.

126. Устав дома трудолюбия и попечительного при нем общества в г. Острове Псковской губернии: утв. 8 июня 1888 г. – Текст : электронный // Национальная электронная библиотека РФ : [сайт]. – 2026. – URL:

https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003653512/ (дата обращения: 20.02.2026).

127. Устав состоящих под Высочайшим покровительством Санкт-Петербургских мужского и дамского благотворительно-тюремных комитетов // Тюремный вестник. – 1893. – № 8. – С. 283–289. – Текст : непосредственный.

128. Нормальный устав Обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната) : утв. 10 сент. 1908 г. – Текст : электронный // Национальная электронная библиотека РФ : [сайт]. – 2026. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004573744/ (дата обращения: 12.02.2026).

129. Устав Нежинского общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната). – Нежин, 1910. – 18 с. – Текст : непосредственный.

130. Уставы Тульского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов и находящегося в его ведении Тульского Баташевского исправительного приюта : утв. 3 июня 1911 г.– Текст : электронный // Национальная электронная библиотека РФ : [сайт]. – 2026. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004728588/ (дата обращения: 02.02.2026).

131. Устав Рязанского общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната). – Рязань, 1912. – 20 с. – Текст : непосредственный.

132. Правила для Общества Попечительного о тюрьмах от 19 июля 1819 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 36, № 27895. – Текст : непосредственный.

133. Правила учреждаемого Обществом попечения о семьях ссыльно-каторжных Дома трудолюбия на о. Сахалин // Тюремный вестник. – 1902. – № 2. – С. 83–85. – Текст : непосредственный.

134. Правила о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов. – Санкт-Петербург, 1904. – 16 с. – Текст : непосредственный.

135. Временные правила для первоначального руководства тюремным инспекторам во время командировок с целью осмотра и ревизии учреждений, входящих в состав карательной системы // Сборник циркуляров, изданных по Главному

тюремному управлению в 1879–1910 гг. – Санкт-Петербург : Тип. С.-Петерб. одиноч. тюрьмы, 1911. – Ч. 2 : 1896–1910 гг. – Текст : непосредственный.

136. Инструкция смотрителю Санкт-Петербургского тюремного замка. – Санкт-Петербург, 1852. – 38 с. – Текст : непосредственный.

137. Общая тюремная инструкция : утв. министром юстиции 28 дек. 1915 г. – Петроград : Тип. Петрогр. тюрьмы, 1916. – 110 с. – Текст : непосредственный.

138. Об учреждении в городе Омске женского тюремного отделения : положение Сиб. ком. от 25 дек. 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1865. – Т. 37, № 39096. – Текст : непосредственный.

139. Об учреждении Кавказского Общества Попечительного о тюрьмах: положение Кавказ. ком. от 23 апр. 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1867. – Т. 40, № 42034. – Текст : непосредственный.

140. Об осмотре военных арестантов в острогах корпусным и дивизионным командирами и начальниками главных штабов : приказ начальника Гл. штаба от 23 февр.1824 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 39, № 29807. – Текст : непосредственный.

141. О наблюдении правил, относящихся до присмотра за арестантами : приказ упр. Гл. штабом от 19 янв. 1830 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1831. – Т. 5, № 3431. – Текст : непосредственный.

142. О подчинении рабочих экипажей и арестантских рот флота генерал-интенданту : приказ начальника Гл. мор. штаба от 19 авг. 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1832. – Т. 6, № 4763. – Текст : непосредственный.

143. О подчинении рабочих экипажей и арестантских батальонов Черноморского флота обер-интенданту того флота : приказ начальника Гл. мор. штаба от 18

нояб. 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1832. – Т. 6, № 4951. – Текст : непосредственный.

144. Об учреждении в черноморских ортах вместо арестантских батальонов арестантских рот : приказ начальника Гл. мор. штаба от 2 дек. 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1832. – Т. 6, № 4979. – Текст : непосредственный.

145. О представлении Его Величеству ведомостей о арестантах арестантских рот гражданского ведомства, к каким работам они употребляются : приказ Главноупр. путями сообщения и публ. зданиями от 22 янв. 1850 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1851. – Т. 25, № 23859. – Текст : непосредственный.

146. Об учреждении в Калуге Комитета Общества Попечительного о тюрьмах : докл. Предс. Ком. О-ва Попеч. о тюрьмах от 5 апр. 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 1, № 234. – Текст : непосредственный.

147. Об учреждении в городе Перми Тюремного комитета : докл. Предс. Ком. О-ва Попеч. о тюрьмах от 10 апр. 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 1, № 246. – Текст : непосредственный.

148. Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. В. Н. Коковцов, С. В. Рухлов. – Изд. 2-е., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1894. – 207 с. – Текст : непосредственный.

149. **Лопато, Т. М.** Законы и правительственные распоряжения по тюремной части : справ. кн. для тюрем. инспекторов, тюрем. ком. и отд-ний, начальников тюрем, зем. управ, попечителей, зем. арест. домов и др. должн. лиц губ., уезд.

и непосредственно упр. местами заключения. – Полтава : Типо-Лит. Губ. Правления, 1898. – 165 с. – Текст : непосредственный.

150. Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. – Санкт-Петербург : Тип. С.-Петерб. одиноч. тюрьмы, 1911. – Ч. 1 : 1879–1895 гг. – Текст : непосредственный.

151. Сборник узаконений, циркулярных распоряжений и разъяснений по тюремно-арестантской и арестантско-пересыльной части, относящихся к ведению полиции / сост. Н. Н. Соловьев. – Орел : изд. Орлов. губ. тип., 1911. – 1052 с. – Текст : непосредственный.

152. Важнейшие циркулярные распоряжения по Главному тюремному управлению, изданные до декабря 1892 г. и не включенные в «Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части» В. Н. Коковцова и С. В. Рухлова. – Санкт-Петербург, 1893. – 16 с. – Текст : непосредственный.

153. Положение о Военно-исправительной тюрьме морского ведомства // Морской сборник. – 1864. – № 12. – С. 71–101. – Текст : непосредственный.

154. Положение о Военно-исправительной плавучей тюрьме морского ведомства в Севастополе : утв. Императором 11 апр. 1883 г. №1498 // Морской сборник. – 1883. – № 8. – Текст : непосредственный.

Материалы делопроизводства

155. Всеподданнейший отчет по морскому ведомству за первое двадцатипятилетие царствования государя императора Александра Николаевича : 1855–1880. – Санкт-Петербург : Тип. Мор. м-ва, 1880. – 175 с. – Текст : непосредственный.

156. Извлечение из отчета о положении и действиях Общества Попечительного о тюрьмах, поднесенного Государю Императору за 1851 год. – Санкт-Петербург : Тип. Опекун. совета, 1852. – 15 с. – Текст : непосредственный.

157. Извлечение из отчета по Главному тюремному управлению за 1907 г. XII. Тюремный патронат // Тюремный вестник. – 1909. – № 8-9. – С. 860–863. –

Текст : непосредственный.

158. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба : Калужская губ. / сост. М. Попроцкий. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Веймара, 1864. – 714 с. – Текст : непосредственный.

159. Материалы Комиссии под председательством статс-секретаря Грота о преобразовании тюремной части и о пересмотре 2-й главы I раздела Уложения о наказаниях. – Санкт-Петербург, 1879. – Текст : непосредственный.

160. Отчет Владимирского общества покровительства лицам, освобожденным из мест заключения губернии (патроната) за время с 1-го января 1913 года по 1-е января 1914 года. – Владимир : Тип. губ. прав., 1914. – 86 с. – Текст : непосредственный.

161. Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 год. – Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1914. – 95 с. – Текст : непосредственный.

162. Отчет Костромского губернского тюремного инспектора о деятельности Губернской тюремной инспекции и о состоянии мест заключения Костромской губернии за 1896, 1897 и 1898 год. – Кострома, 1899. – 93 с. – Текст : непосредственный.

163. Отчет о деятельности Варшавского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1896 год // Тюремный вестник. – 1898. – № 3. – С. 130–133. – Текст : непосредственный.

164. Отчет о деятельности Московского городского дома трудолюбия и работного дома за 1914 год. – Москва : Тип. Моск. гор. дома трудолюбия и работ. дома, 1916. – 170 с. – Текст : непосредственный.

165. Отчет о деятельности стоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Санкт-Петербургского мужского благотворительно-тюремного комитета за 1896 год // Тюремный вестник. – 1898. – № 2. – С. 82–86. – Текст : непосредственный.

166. Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 год // Тюремный вестник. – 1917. – № 1. – Прил. к журн. – Текст : непосредственный.

167. Отчет Рязанского общества исправительных приютов и колоний для

несовершеннолетних за 1899 год // Тюремный вестник. – 1902. – № 1. – С. 47–48. – Текст : непосредственный.

168. Отчет Саратовского губернского тюремного инспектора о состоянии мест заключения Саратовской губернии за 1902 год. – Саратов, 1903. – 116 с. – Текст : непосредственный.

169. Отчет Тульского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1896 год // Тюремный вестник. –1898. – № 3. – С. 133–139. – Текст : непосредственный.

170. Отчет по морскому ведомству за первое двадцатипятилетие царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880. – Санкт-Петербург : Тип. Мор. М-ва, 1880. – 175 с. – Текст : непосредственный.

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации

171. Ф. 109 (3-е Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). 1 эксп. Оп. 14. Д. 44.

172. Ф. 122 (Главное тюремное управление при Министерстве юстиции. 1879-1917). Оп. 1. Ч. 1. Дел-во 1. Д. 138 ; Оп. 1. Д. 1438, 1884, 2896-а, 2557, 6592 ; Оп. 3. Д. 294 ; Оп. 6. Д. 75, 179, 3196, 3211 ; Оп. 8. Д. 2229.

173. Ф. 1188 (Постоянное Бюро съездов русских исправительных заведений). Оп. 1. Д. 5.

Государственный архив Владимирской области

174. Ф. 14 (Канцелярия Владимирского губернатора). Оп. 3. Д. 118 ; Оп. 3. Д. 160 ; Оп. 4. Д. 91 ; Оп. 4. Д. 2389.

175. Ф. 40 (Владимирское Губернское правление). Оп. 1. Д. 17957, 18699, 19591, 20132, 20363, 20364, 20405, 20451, 20454, 21029, 21075, 21747, 22768.

176. Ф. 90 (Владимирский губернский попечительный о тюрьмах комитет). Оп. 6. Д. 8 ; Оп. 10. Д. 1, 15 ,11, 26, 47, 112, 128 ; Оп. 11. Д. 8 ; Оп. 12. Д. 24.

177. Ф. 107 (Прокурор Владимирского Окружного суда). Оп. 1. Д. 75, 906,

1307, 1308 ; Оп. 2. Д. 22, 39, 79 ; Оп. 3. Д. 2.

Диссертации и авторефераты диссертаций

178. **Адыев, А. А.** Контрольно-надзорная функция современного Российского государства: политико-правовое исследование : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Адыев Анас Анварович ; Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова (Ленина). – Казань, 2007. – 27 с. – Текст : непосредственный.

179. **Аладьина, Л. С.** Уголовно-исполнительная политика Российского государства, вторая половина XVII в. – первая четверть XIX в. : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Аладьина Лариса Сергеевна ; Академия управления МВД России. – Москва, 2003. – 174 с. – Текст : непосредственный.

180. **Балала, А. В.** Развитие системы назначения и исполнения наказаний в России второй половины XIX – начала XX века : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Балала Алексей Валериевич ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2007. – 26 с. – Текст : непосредственный.

181. **Беляев, В. П.** Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Беляев Валерий Петрович ; Саратовская государственная академия права. – Саратов. 2006. – 55 с. – Текст : непосредственный.

182. **Беляева, Л. И.** Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России, середина XIX – начало XX вв. : специальность 12.00.08 «Уголовное

право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Беляева Лариса Ивановна ; Академия МВД России. – Москва, 1995. – 539 с. – Текст : непосредственный.

183. **Борсученко, С. А.** Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных к лишению свободы уполномоченным по правам человека в Российской Федерации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Борсученко Светлана Алексеевна ; Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова. – Москва, 2004. – 264 с. – Текст : непосредственный.

184. **Бортникова, О. Н.** Возникновение и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири, 1801–1917 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Бортникова Ольга Николаевна ; Тюменский юридический институт МВД РФ. – Тюмень, 1999. – 353 с. – Текст : непосредственный.

185. **Бочаров, А. А.** Создание и деятельность исправительных учреждений морского ведомства России (1864–1916 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Бочаров Алексей Алексеевич ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2005. – 252 с. – Текст : непосредственный.

186. **Гайдук, С. Л.** Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гайдук Сергей Леонидович ; Институт государства и права АН СССР. – Москва, 1987. – 226 с. – Текст : непосредственный.

187. **Галкина, Н. И.** Институт тюремного попечительства в Российской Империи и его особенности на Кубани : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Галкина Надежда Игоревна ; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2009. – 193 с. –

Текст : непосредственный.

188. **Гвоздков, С. В.** Военно-тюремная система Российского государства в 1825–1914 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Гвоздков Сергей Викторович ; Военный университет. – Москва, 2011. – 239 с. – Текст : непосредственный.

189. **Голиков, В. М.** Государственный совет в России в первой половине XIX века : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Голиков Виктор Михайлович ; Всесоюзный юридический заочный институт. – Москва, 1983. – 157 с. – Текст : непосредственный.

190. **Давыдова, И. А.** Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Давыдова Ирина Александровна ; Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. – Рязань, 2005. – 249 с. – Текст : непосредственный.

191. **Дахина, А. А.** Эволюция отечественных органов исполнительной власти в Российской империи (XIX – начало XX вв.) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дахина Анна Александровна ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2016. – 205 с. – Текст : непосредственный.

192. **Деревнина, Т. Г.** II отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России 1826–1855 гг. : специальность 07.00.00 «История и археология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Деревнина Тамара Григорьевна ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1973. – 232 с. – Текст : непосредственный.

193. **Детков, М. Г.** Развитие системы исполнения уголовного наказания в

виде лишения свободы в России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Детков Михаил Григорьевич ; Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. – Москва, 1994. – 498 с. – Текст : непосредственный.

194. **Дравнина, Е. Ю.** Институты гражданского общества как субъекты правозащитной деятельности в России в период 1864–1917 гг. : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дравнина Елена Юрьевна ; Северо-Западная академия государственной службы. – Санкт-Петербург, 2006. – 178 с. – Текст : непосредственный.

195. **Ефимова, В. В.** Контроль в арбитражном процессе как способ устранения судебных ошибок : специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ефимова Влада Владиславовна ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2004. – 203 с. – Текст : непосредственный.

196. **Ефремова, Н. Н.** Министерство юстиции Российской империи. 1802 – 1917 гг. (историко-правовое исследование) : специальность 12.00.01 «Теория и история государства и права; история политических и правовых учений» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ефремова Надежда Николаевна ; Институт государства и права Академии наук СССР. – Москва, 1983. – 214 с. – Текст : непосредственный.

197. **Жильцов, Н. А.** Правоохранительная система самодержавной России в период с февраля 1861-го по февраль 1917 г.: историко-правовой аспект : специальность 12.00.01 «Теория и история государства и права; история политических и правовых учений» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Жильцов Николай Александрович ; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2007. – 179 с. – Текст : непосредственный.

198. **Зубарев, С. М.** Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы : специальность 12.00.14 «Административное право;

административный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Зубарев Сергей Михайлович ; Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. – Москва, 2006. – 50 с. – Текст : непосредственный.

199. **Зубарев, С. М.** Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Зубарев Сергей Михайлович ; Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. – Москва, 2006 – 392 с. – Текст : непосредственный.

200. **Зуев, Н. И.** Комитет министров России в первой половине XIX века : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зуев Николай Иванович ; Московская государственная юридическая академия – Москва, 2002. – 233 с. – Текст : непосредственный.

201. **Иваневский, Е. В.** МВД России, 1880 – март 1917 гг.: структура, функции, место в государственном механизме : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иваневский Евгений Вадимович ; Академия управления МВД. России. – Москва, 2001. – 154 с. – Текст : непосредственный.

202. **Казанцев, С. М.** Прокуратура Российской Империи: Историко-правовое исследование : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Казанцев Сергей Михайлович ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2001. – 455 с. – Текст : непосредственный.

203. **Казаченок, В. В.** Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715–1917 гг.): историко-правовое исследование : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» :

диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Казаченок Виктория Владимировна ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2014. – 233 с. – Текст : непосредственный.

204. **Каленский, В. П.** Государственное управление в России в период абсолютной монархии (историко-правовой аспект) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Каленский Виктор Петрович ; Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет. – Санкт-Петербург, 2010. – 21 с. – Текст : непосредственный.

205. **Карпов, Э. С.** Государственный финансовый контроль в уголовно-исполнительной системе: финансово-правовой аспект : специальность 12.00.14 «Административное право; финансовое право; информационное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Карпов Эдуард Сергеевич ; Академия управления МВД России. – Москва, 2009. – 22 с. – Текст : непосредственный.

206. **Кирпа, М. С.** Министерство внутренних дел в системе органов государственного управления Российской империи (1802–1819 гг.) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кирпа Мария Сергеевна ; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – Белгород, 2015. – 135 с. – Текст : непосредственный.

207. **Кожевникова, Н. В.** Государственный совет в системе управления России, вторая половина XIX – начало XX вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кожевникова Наталья Витальевна ; Российская академия государственной службы. – Москва, 1996. – 164 с. – Текст : непосредственный.

208. **Козлобаев, В. А.** Институт губернаторской власти в механизме управления Российской империей, 1860-е – начало 1880-х гг. : историко-правовое исследование : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история

учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Козлобаев Владимир Алексеевич ; Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2007. – 195 с. – Текст : непосредственный.

209. **Колодин, Р. В.** Правовые и организационные аспекты общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний : специальность 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Колодин Руслан Владимирович ; Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. – Вологда, 2010. – 194 с. – Текст : непосредственный.

210. **Коломенцев, Д. В.** Тюремная система России в 50–80-е годы XIX века и ее реформирование : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Коломенцев Денис Витальевич ; Воронежский государственный педагогический университет. – Воронеж, 2004. – 23 с. – Текст : непосредственный.

211. **Коняев, А. Е.** Тюремные учреждения Европейской России в 1879–1917 гг.: социально-экономический аспект деятельности (по материалам Ярославской и Владимирской губерний) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Коняев Александр Евгеньевич ; Ивановский государственный университет. – Иваново, 2010. – 22 с. – Текст : непосредственный.

212. **Мальцева, И. В.** Государственный совет Российской империи в структуре монархической власти : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история политических и правовых учений» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мальцева Инна Владимировна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 1996. – 15 с. – Текст : непосредственный.

213. **Мецаев, Б. К.** Юридическая природа контрольной деятельности (теоретико-правовой аспект) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» : диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук / Мецаев Батрадз Казбекович ; Московская государственная юридическая академия – Москва, 2004. – 194 с. – Текст : непосредственный.

214. **Минаков, А. С.** Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Минаков Андрей Сергеевич ; Орловский государственный университет. – Орел, 2011. – 524 с. – Текст : непосредственный.

215. **Михеева, И. В.** Правотворческая деятельность министерств Российской империи в XIX – начале XX в. : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Михеева Ирина Вячеславовна ; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. – Владимир, 2011. – 45 с. – Текст : непосредственный.

216. **Нистратов, С. Г.** Контроль и надзор как гарантии законности (теоретико-правовой аспект) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Нистратов Сергей Геннадиевич ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2012. – 33 с. – Текст : непосредственный.

217. **Осипов, М. В.** Тюремная реформа 1879 года и ее реализация в Оренбургской губернии : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Осипов Михаил Вячеславович ; Оренбургский государственный педагогический университет. – Оренбург, 2010. – 246 с. – Текст : непосредственный.

218. **Остапенко, Д. П.** Система пенитенциарных учреждений в России в XIX – начале XX в. (историко-правовой аспект) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Остапенко Дмитрий Павлович

; Волгоградская академия МВД России. – Волгоград, 2001. – 221 с. – Текст : непосредственный.

219. **Островский, А. А.** Правовые основы деятельности арестантских рот в Российской империи : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Островский Артём Анатольевич ; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – Симферополь, 2018. – 244 с. – Текст : непосредственный.

220. **Пертли, Л. Ф.** Правовое регулирование условий содержания заключенных в Российской империи: 1879 г. – февраль 1917 г. : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пертли Лариса Федоровна ; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. – Владимир, 2011. – 181 с. – Текст : непосредственный.

221. **Петренко, Н. И.** Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России : специальность 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Петренко Николай Иванович ; Академия права и управления Минюста России. – Рязань, 2002. – 517 с. – Текст : непосредственный.

222. **Печников, А. П.** Главное тюремное управление Российского государства: 1879 – октябрь 1917 гг. : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Печников Андрей Павлович ; Академия управления МВД России. – Москва, 2002. – 415 с. – Текст : непосредственный.

223. **Печников, А. П.** Главное тюремное управление Российского государства : 1879 – октябрь 1917 гг. : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Печников Андрей Павлович

; Академия управления МВД России. – Москва, 2002. – 51 с. – Текст : непосредственный.

224. **Пожарский, Д. В.** Контрольно-надзорная функция современного государства : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пожарский Дмитрий Владимирович ; Академия управления МВД России. – Москва, 2004. – 23 с. – Текст : непосредственный.

225. **Приходько, М. А.** Создание министерской системы управления в России в 1-й трети XIX века : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Приходько Михаил Анатольевич ; Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина. – Москва, 2010. – 282 с. – Текст : непосредственный.

226. **Рассказчикова, О. А.** Прокурорский надзор за соблюдением законов при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология, исправительно-трудовое право»; 12.00.11 «Судоустройство, прокурорский надзор; адвокатура» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Рассказчикова Ольга Александровна ; Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка. – Москва, 1995. – 24 с. – Текст : непосредственный.

227. **Ремнев, А. В.** Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Ремнев Анатолий Викторович ; Омский университет. – Омск, 1997. – 616 с. – Текст : непосредственный.

228. **Селянина, В. В.** Социально-историческое развитие воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних в России (1864–1917 годы) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание уче-

ной степени кандидата исторических наук / Селянина Влада Валерьевна ; Московский государственный социальный университет. – Москва, 2002. – 223 с. – Текст : непосредственный.

229. **Славинский, Н. В.** Становление и развитие института тюремных инспекций Российской империи и его специфика на Кубани : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Славинский Николай Васильевич ; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2009. – 184 с. – Текст : непосредственный.

230. **Соловьева, Е. А.** Губернское правление в системе административно-финансовой и полицейской власти в России в XIX – начале XX вв.: на материалах Симбирской губернии : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Соловьева Екатерина Александровна ; Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. – Казань, 2013. – 167 с. – Текст : непосредственный.

231. **Сопнева, Е. В.** Актуальные проблемы прокурорского надзора и расследования преступлений в местах лишения свободы : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сопнева Елена Владимировна ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2000. – 186 с. – Текст : непосредственный.

232. **Соцкий, Ю. Ф.** Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Соцкий Юрий Флорович ; Рязанский институт права и экономики. – Рязань, 1998. – 176 с. – Текст : непосредственный.

233. **Тарасова, Л. А.** Министерство юстиции в системе государственных органов и учреждений Российской Империи: 1802–1881 гг. : специальность

12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тарасова Лина Алексеевна ; Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации. – Москва, 2003. – 208 с. – Текст : непосредственный.

234. **Толкаченко, А. А.** Правовые основы исполнения уголовных наказаний, применяемых к военно-служащим : специальность 20.02.03 «Военное право, военные проблемы международного права» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Толкаченко Анатолий Анатольевич ; Военный университет. – Москва, 1997. – 490 с. – Текст : непосредственный.

235. **Упоров, И. В.** Исторический опыт формирования и реализации пенитенциарной политики России в XVIII–XX вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Упоров Иван Владимирович ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2001. – 515 с. – Текст : непосредственный.

236. **Ушаков, С. Н.** Организационно-правовое обеспечение системы исполнения наказаний России: 1862-1917 гг. : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ушаков Сергей Николаевич ; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. – Владимир, 2005. – 179 с. – Текст : непосредственный.

237. **Федоров, В. В.** Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы как форма взаимодействия гражданского общества с государством : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федоров Владимир Владимирович ; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. – Владимир, 2006. – 171 с. – Текст : непосредственный.

238. **Фумм, А. М.** Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской Империи: конец XVIII – 70-е годы XIX

века : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Фумм Александра Михайловна ; Академия управления МВД России. – Москва, 2004. – 180 с. – Текст : непосредственный.

239. **Черникова, Н. В.** Государственный совет в политической системе Российской империи второй половины XIX века : специальность 5.6.1 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Черникова Наталья Владимировна ; Институт российской истории Российской академии наук. – Москва, 2022. – 526 с. – Текст : непосредственный.

240. **Чесноков, А. А.** Пенитенциарная система в механизме Российского государства (Историко-теоретический аспект) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Чесноков Александр Александрович ; Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2006. – 239 с. – Текст : непосредственный.

241. **Четвертакова, И. В.** Реформа органов исполнения наказания в России в конце XIX – начале XX века : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Четвертакова Ирина Валентиновна ; Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации. – Москва, 2012. – 225 с. – Текст : непосредственный.

242. **Щепетев, В. И.** Основные тенденции развития российской государственности в XIX – начале XX в. и их правовые основы : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Щепетев Василий Иванович ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт Петербург, 2002. – 339 с. – Текст : непосредственный.

243. **Яковлев, К. Л.** Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве

и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Яковлев Константин Леонидович ; Академия управления МВД России. – Москва, 2016. – 56 с. – Текст : непосредственный.

244. **Яковлев, К. Л.** Министерство внутренних дел в государственном механизме Российской Империи : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Яковлев Константин Леонидович ; Академия управления МВД России. – Москва, 2002. – 183 с. – Текст : непосредственный.

Научная и учебная литература

245. Административное право : учебник / [М. И. Еропкин, Т. И. Козырева, М. И. Козырь и др.] ; под ред. А. Е. Лунева. – Москва : Юрид. лит., 1970. – 600 с. – Текст : непосредственный.

246. Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. – Москва : Норма, 2008. – 991 с. – Текст : непосредственный.

247. **Аладьина, Л. С.** Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования : монография / Л. С. Аладьина, О. Г. Ковалев, Г. Х. Шабанов. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – 344 с. – Текст : непосредственный.

248. **Алексеев, С. С.** Теория права / С. С. Алексеев. – Москва : БЕК, 1995. – 320 с. – Текст : непосредственный.

249. **Барыкина, И. Е.** Государственное управление России второй половины XIX века (особые формы и специальные институты) / И. Е. Барыкина. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 368 с. – Текст : непосредственный.

250. **Бахрах, Д. Н.** Административное право : учеб. для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. – Москва : Норма, 2007. – 815 с. – Текст : непосредственный.

251. **Венгеров, А. Б.** Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов / А. Б. Венгеров. – 3-е изд. – Москва : Юриспруденция, 2000. – 528 с. – Текст : непосредственный.

252. **Владимирский-Буданов, М. Ф.** Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Москва : Территория будущего, 2005. – 800 с. – Текст : непосредственный.

253. **Воронин, О. В.** Становление пенитенциарного надзора в России: исторические аспекты : монография / О. В. Воронин – Томск : Изд-во НТЛ, 2010. – 143 с. – Текст : непосредственный.

254. **Детков, М. Г.** Наказание в царской России. Система его исполнения / М. Г. Детков. – Москва : Интерправо, 1994. – 119 с. – Текст : непосредственный.

255. **Детков, М. Г.** Тюрьмы, лагеря и колонии России : ист. очерк / М. Г. Детков. – Москва : Вердикт-IM, 1999. – 448 с. – Текст : непосредственный.

256. **Ерошкин, Н. П.** История государственных учреждений дореволюционной России : учебник / Н. П. Ерошкин. – Москва : Изд-во РГГУ, 2008. – 673 с. – Текст : непосредственный.

257. **Ефремова, Н. Н.** Министерство юстиции Российской империи, 1802–1917 гг. : ист.-правовое исслед. / Н. Н. Ефремова ; отв. ред. Е. А. Скрипилев. – Москва : Наука, 1983. – 149 с. – Текст : непосредственный.

258. **Ефремова, Н. Н.** Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование) / Н. Н. Ефремова ; Рос. Акад. наук, Ин-т государства и права. – Москва : Наука, 1993. – 190 с. – Текст : непосредственный.

259. **Жильцов, Н. А.** Правоохранительная и судебная системы России: от Александра II до наших дней : монография / Н. А. Жильцов, О. И. Чердаков. – Москва : Юрист, 2024. – 304 с. – Текст : непосредственный.

260. **Зайончковский, П. А.** Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – Москва : Мысль, 1978. – 288 с. – Текст : непосредственный.

261. **Казанцев, С. М.** История царской прокуратуры / С. М. Казанцев. – Санкт-Петербург : Изд. СПбГУ, 1993. – 216 с. – Текст : непосредственный.

262. **Кочерин, Е. А.** Контроль как функция управления / Е. А. Кочерин. – Москва : Знание, 1982. – 64 с. – Текст : непосредственный.

263. **Кузнецова, Е. М.** Социальный контроль: сущность и методы реализации

: монография / Е. М. Кузнецова. – Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. – 185 с. – Текст : непосредственный.

264. **Лисин, А. Г.** Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XX в. : учеб. пособие / А. Г. Лисин, Н. И. Петренко, Е. И. Яковлева ; Акад. МВД России. – Москва : Акад. МВД РФ, 1996. – 60 с. – Текст : непосредственный.

265. **Мулукаев, Р. С.** Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России : пособие / Р. С. Мулукаев ; Высш. шк. МООП РСФСР. – Москва, 1964. – 28 с. – Текст : непосредственный.

266. Органы и войска МВД России : крат. ист. очерк / [Борисов А. В., Детков М. Г., Кузьмин С. И. и др.] ; гл. ред. А. Г. Горлов. – Москва : Объед. ред. МВД России, 1996. – 464 с. – Текст : непосредственный.

267. **Попова, Е. Э.** Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных: историко-правовые аспекты и современные тенденции развития : монография / Е. Э. Попова. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 200 с. – Текст : непосредственный.

268. **Радько, Т. Н.** Актуальные проблемы права : учеб. для магистров / Т. Н. Радько. – Москва : Формула права, 2012. – 395 с. – Текст : непосредственный.

269. **Романов, А. К.** Уголовно-исполнительное право Российской Федерации : лекции / А. К. Романов. – Москва : Форум : НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 496 с. – Текст : непосредственный.

270. **Смольяков, В. Г.** Тюремная система дореволюционной России, ее реакционная сущность / В. Г. Смольяков. – Москва, 1979. – 144 с. – Текст : непосредственный.

271. **Соцкий, Ю. Ф.** История и законодательство тюремных учреждений дореволюционной России : монография / Ю. Ф. Соцкий. – Черновцы, 2006. – 105 с. – Текст : непосредственный.

272. **Утевский, Б. С.** Советское исправительно-трудовое право. Тюремная политика царизма и временного правительства : учеб. пособие / Б. С. Утевский, Е. Г. Ширвиндт. – Москва : Госюриздат, 1957. – 34 с. – Текст : непосредственный.

273. **Шорина, Е. В.** Контроль за деятельностью органов государственного

управления в СССР / Е. В. Шорина. – Москва : Наука, 1981. – 301 с. – Текст : непосредственный.

Научные статьи

274. **Авакян, С. А.** Советы и совершенствование деятельности местных контрольных органов / С. А. Авакян, Г. В. Барабашев // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. –1984. – № 1. – С. 16–24. – Текст : непосредственный.

275. **Андреева, И. А.** Реформирование как вид социальных изменений / И. А. Андреева // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 3(59). – С. 8–19. – Текст : непосредственный.

276. **Борисов, А. В.** Полиция и проблемы модернизации Российской империи / А. В. Борисов // Российская полиция: три века служения Отечеству : Сб. ст. Юбилейной междунар. науч. конф. В 2-х частях, Москва, 21 дек. 2018 г. / Под ред. В. Л. Кубышко. Том Часть 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 50– 54. – Текст : непосредственный.

277. **Борисов, А. В.** Роль полиции в становлении Российской империи / А. В. Борисов, Е. Ю. Степкин // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 4(60). – С. 173– 178. – Текст : непосредственный.

278. **Борисов, А. В.** Полиция и общество в Российской империи. Проблемы доверия и сотрудничества / А. В. Борисов // На службе отечеству: история органов внутренних дел : сб. материалов меж-дунар. науч. конф., приуроч. к 305-летию полиции России, Академия управления МВД России, 23 июня 2023 г. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – С. 64-68. – Текст : непосредственный.

279. **Бредихин, А. Л.** Земская реформа 1864 г.: предпосылки и итоги преобразования местного самоуправления / А. Л. Бредихин, С. М. Фомичев // Власть Закона. – 2022. – № 1(49). – С. 112–118. – Текст : непосредственный.

280. **Бредихин, А. Л.** Правоохранительная функция и правоохранительная деятельность государства / А. Л. Бредихин, С. М. Фомичев // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 2. – С. 62–64. – Текст : непосредственный.

281. **Бредихин, А. Л.** Трансформация формы государства Российской империи в XIX в. / А. Л. Бредихин, А. В. Викторов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 77–80. – Текст : непосредственный.

282. **Головкин, Р. Б.** Понятие «юридическая реформа» / Р. Б. Головкин, Н. Н. Трофимова // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 1(30). – С. 168–172. – Текст : непосредственный.

283. **Горбунова, М. М.** Деятельность Обществ покровительства лицам, освобожденным из мест заключения, в Российской Империи конца XIX – начала XX вв. / М. М. Горбунова // Петербургские пенитенциарные конференции : сб. материалов комплекса междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург – Пушкин, 17–19 мая 2023 г. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 64–68. – Текст : непосредственный.

284. **Горбунова, М. М.** Деятельность обществ тюремного патроната по реализации частных интересов бывших заключенных в дореволюционной России / М. М. Горбунова // Интересы в праве. Жидковские чтения : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 25–26 марта 2016 г. / Рос. ун-т дружбы народов ; отв. ред. М. В. Немытина. – Москва : РУДН, 2017. – С. 565–571. – Текст : непосредственный.

285. **Горбунова, М. М.** Опыт международного сотрудничества Российской империи в сфере исполнения уголовных наказаний во второй половине XIX века / М. М. Горбунова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – №2(30). – С. 146–149. – Текст : непосредственный.

286. **Горбунова, М. М.** Патронат в пенитенциарной сфере Российской Империи в конце XIX – начале XX века (на примере деятельности Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных) / М. М. Горбунова // Результаты научных исследований : сб. ст. студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. – Уфа : ОМЕГА САЙНС, 2015. – С. 95–97. – Текст : непосредственный.

287. **Горбунова, М. М.** Патронат как институт постпенитенциарного контроля в Российской империи конца XIX – начала XX в. / М. М. Горбунова // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 1(70). – С. 126–131. – Текст : непосредственный.

288. **Горбунова, М. М.** Постпенитенциарный патронат за лицами, освобожденными из мест заключения, в Российской империи конца XIX в. (на примере опыта Санкт-Петербургского мужского благотворительно-тюремного комитета) / М. М. Горбунова // Вестник Владимирского юридического института. – 2023. – № 4(69). – С. 123–129. – Текст : непосредственный.

289. **Демичев, А. А.** Карийская женская тюрьма в 1885–1888 годы (по воспоминаниям политзаключенной П. Ивановской) / А. А. Демичев, В. А. Илюхина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2025. – № 1. – С. 5–15. – Текст : непосредственный.

290. **Демичев, А. А.** Коммунальная организация жизни политкаторжан в Зерентуйской тюрьме в 1907–1910 годы (по воспоминаниям Г. М. Крамарова) / А. А. Демичев, В. А. Илюхина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2025. – № 2. – С. 69–77. – Текст : непосредственный.

291. **Демичев, А. А.** Методологически-когнитивный коллапс в современной истории государства и права / А. А. Демичев // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 3(77). – С. 15–21. – Текст : непосредственный.

292. **Демичев, А. А.** Отношения политкаторжан и уголовных заключенных в тюрьмах Нерчинской каторги в начале XX века (по воспоминаниям современников) / А. А. Демичев, В. А. Илюхина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2025. – № 3. – С. 23–30. – Текст : непосредственный.

293. **Дорская, А. А.** О методологии изучения российских правовых реформ / А. А. Дорская // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. – 2015. – № 1(17). – С. 26–35. – Текст : непосредственный.

294. **Епифанов, А. Е.** К вопросу о сущности и правовой природе государственного контроля и надзора / А. Е. Епифанов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2014. – № 2. – С. 13–17. – Текст : непосредственный.

295. **Ерин, Д. А.** Владимирская арестантская рота гражданского ведомства в системе исполнения наказаний Российской империи в конце 30-х - 40-х гг. XIX в. / Д. А. Ерин // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 2(3).

– С. 233–235. – Текст : непосредственный.

296. **Ерин, Д. А.** Тюремные учреждения Владимирской губернии в XIX в. (вопросы организации и функционирования) / Д. А. Ерин // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2024. – № 2(40). – С. 71–75. – Текст : непосредственный.

297. **Ефремов, А. Ф.** Проблемы совершенствования контроля и надзора за соблюдением законов / А. Ф. Ефремов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2001. – № 4. – С. 88–95. – Текст : непосредственный.

298. **Жабский, В. А.** Сравнительное тюрьмоведение в трудах ученых / В. А. Жабский // Уголовно-исполнительное право. – 2010. – № 1(9). – С. 35–39. – Текст : непосредственный.

299. **Жабский, В. А.** Тюремная система Российской империи в первой половине XIX в. / В. А. Жабский, С. Г. Куликова // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2021. – № 4(63). – С. 34–38. – Текст : непосредственный.

300. **Илюхина, В. А.** Кадаинская тюрьма Нерчинской каторги (по воспоминаниям политического заключенного И. К. Ройтмана) / В. А. Илюхина, А. А. Демичев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2026. – Т. 1, № 73. – С. 63–69. – Текст : непосредственный.

301. **Лачина, В. О.** Создание «Попечительного о тюрьмах общества» как попытка гуманизации российской пенитенциарной системы начала XIX в. / В. О. Лачина // История государства и права. – 2009. – № 5. – С. 12–14. – Текст : непосредственный.

302. **Любчик, А. А.** Контроль и надзор: особенности законодательного закрепления терминов и проблемы правоприменения / А. А. Любчик, Р. В. Мавлиханова, Н. А. Нарыжный // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 6. – С. 60–70. – Текст : непосредственный.

303. **Нетесова, М. С.** О разграничении функций контроля и надзора в государственном управлении / М. С. Нетесова // Власть. – 2007. – № 2. – С. 97–101. – Текст : непосредственный.

304. **Пертли, Л. Ф.** Тюремная политика Российской империи (1879–1917

годы) / Л. Ф. Пертли // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 9(196). – С. 29–34. – Текст : непосредственный.

305. **Петренко, Н. И.** Влияние Общества попечительного о тюрьмах на отечественную пенитенциарную систему в первой половине XIX века / Н. И. Петренко, И. А. Никифорова // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 200–203. – Текст : непосредственный.

306. **Петров, К. В.** Понятия «правовая реформа» и «реформа» в юридической науке / К. В. Петров // Государство и право. – 2020. – № 4. – С. 156–161. – Текст : непосредственный.

307. **Попова, Е. Э.** К вопросу о реализации общественного воздействия как средства исправления осужденных в деятельности Общества Попечительного о тюрьмах / Е. Э. Попова // Политика и общество. – 2015. – № 3(123). – С. 424–432. – Текст : непосредственный.

308. **Попова, Е. Э.** Участие представителей общественности в устройстве тюремных учреждений Российской империи (на примере Бутырского тюремного замка) / Е. Э. Попова // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сб. тез. выступлений и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 90-летию со дня образования Акад. ФСИН России, Рязань, 31 окт. – 1 нояб. 2024 г. – Рязань : Акад. права и упр. ФСИН России, 2024. – С. 277–279. – Текст : непосредственный.

309. **Ростовщиков, И. В.** Становление жалобы как правозащитного средства в царской России: историко-правовой аспект / И. В. Ростовщиков, А. В. Косолапов // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2024. – № 1(66). – С. 86–90. – Текст : непосредственный.

310. **Рыжова, Ю. В.** Взаимодействие министерств: внутренних дел, путей сообщения, императорского двора и уделов по обеспечению государственной безопасности в начале XX века / Ю. В. Рыжова // Закон и право. – 2025. – № 7. – С. 17–21. – Текст : непосредственный.

311. **Рыжова, Ю. В.** Жандармская реформа 1867 года в Российской империи и

ее историческое значение / Ю. В. Рыжова // Закон и право. – 2024. – № 12. – С. 40–44. – Текст : непосредственный.

312. **Рыжова, Ю. В.** Полицейский аппарат Российской империи в период контрреформ императора Александра III как один из компонентов государственности / Ю. В. Рыжова // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 4(76). – С. 38–45. – Текст : непосредственный.

313. **Рыжова, Ю. В.** Роль Совета министров в системе высшего управления Российской империи в начале XX века / Ю. В. Рыжова // Закон и право. – 2025. – № 12. – С. 30–34. – Текст : непосредственный.

314. **Сюзюмова, Д. А.** Категория «Контроль» в системе функций управления / Д. А. Сюзюмова // Вестник университета. – 2012. – № 3. – Текст : электронный // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» : [сайт] – 2026. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-kontrol-v-sisteme-funktsiy-upravleniya (дата обращения: 03.02.2026).

315. **Чукаев, Т. О.** Отечественное государствоведение второй половины XIX в. о проблемах взаимодействия государства, общества и личности / Т. О. Чукаев, Е. Н. Козинникова // Genesis: исторические исследования. – 2022. – № 3. – С. 16–22. – Текст : непосредственный.

Словари

316. Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. – Москва : Проспект, 2009. – 702 с. – Текст : непосредственный.

317. **Борисов, А. Б.** Большой юридический словарь / авт. и сост. А. Б. Борисов. – Москва : Книжный мир, 2010. – 848 с. – Текст : непосредственный.

318. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; Под. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование, 2019. – 1376 с. – Текст : непосредственный.

319. Толковый словарь Даля онлайн. – Текст : электронный // Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля : [сайт]. – 2026. – URL: https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=13737 (дата обращения: 03.02.2026).

320. Толковый словарь Ушакова – Текст : электронный // Словари и энциклопедии на Академике : [сайт]. – 2026. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/959098?ysclid=mt3k8koeg532027754 (дата обращения: 04.03.2026).

Публицистические источники

321. 8-й съезд представителей русских воспитательно-исправительных заведений // Журнал Министерства юстиции. – 1912. – Т. 1. – С. 203–204. – Текст : непосредственный.

322. XV лет деятельности Главного Тюремного управления // Тюремный вестник. – 1894. – № 6. – С. 300–312. – Текст : непосредственный.

323. **Алексеев, А. С.** К учению о юридической природе государства и государственной власти. [По поводу Эмпир. исслед. д-ра Лингга и Субъектив. реализма проф. Коркунова] / А. С. Алексеев. – Москва : Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1894. – 35 с. – Текст : непосредственный.

324. **Баранцевич, Е. М.** Необходимость и возможность повсеместного учреждения обществ патроната в России (Очерк распространения Патронатов в Томской губернии с описанием значения и цели Патронатов) / Е. М. Баранцевич. – Томск : Тип. Приюта и Дома Трудолюбия, 1912. – 26 с. – Текст : непосредственный.

325. **Баранцевич, Е. М.** Патронат в жизни России (средства борьбы с преступностью) : Реформирование и реклассирование преступника при содействии свободных общественных сил : (По наблюдениям и исслед. судеб. следователя) / Е. М. Баранцевич. – Томск : Тип. Приюта и Дома Трудолюбия. 1914. – 424 с. – Текст : непосредственный.

326. **Белоконский, И. П.** По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни. Путевые заметки от Москвы до Красноярска / И. П. Белоконский. – Орел : Изд. Н.

А. Семеновой, 1887. – 240 с. – Текст : непосредственный.

327. Большевский исправительный приют для нищенствующих девочек : очерк деятельности приюта с основания оного по 1 янв. 1884 г./ О-во поощрения трудолюбия в Москве. – Москва : Изд. С. П. Яковлева, 1884. – 143 с. – Текст : непосредственный.

328. **Верховской, К. В.** Служба прокурорского надзора. Прокурор и Товарищ прокурора окружного суда. В 2 ч. Ч. 1 / К. В. Верховской.– Тифлис : Тип. Канцелярии наместника Его Император. Величества на Кавказе, 1906. – 359 с. – Текст : непосредственный.

329. **Витте, А. В.** Заметка по вопросу об организации патроната в России // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – Т. 3. – С. 357–361. – Текст: непосредственный.

330. **Войтинский, В. С.** Ответственность министров при царизме в революционной России / Вл. Войтинский. – Петроград : Книга, 1917. – 15 с. – Текст : непосредственный.

331. **Галкин-Враской, М. Н.** Материалы к изучению тюремного вопроса / М. Н. Галкин-Враской. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. Второго отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1868. – 168 с. – Текст : непосредственный.

332. **Генкин, И. И.** По тюрьмам и этапам / И. И. Генкин. – Петроград : Гос. изд-во, 1922. – 486 с. – Текст : непосредственный.

333. **Гернет, М. Н.** История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 1. 1762–1825 гг. / М. Н. Гернет. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1951. – 327 с. – Текст : непосредственный.

334. **Гернет, М. Н.** История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 2. 1825–1870 / М. Н. Гернет. – Москва : Юрид. изд-во М-тва юстиции СССР, 1946. – 480 с. – Текст : непосредственный.

335. **Гогель, С. К.** О развитии и правительственной постановке патроната в России / С. К. Гогель // Журнал Министерства юстиции. – 1900. – Т. 8. – С. 328–331. – Текст : непосредственный.

336. **Гогель, С. К.** Проект нормального устава местных обществ патроната

/ С. К. Гогель // Тюремный вестник. – 1900. – № 9. – С. 532–584. – Текст : непосредственный.

337. Государственный контроль 1811–1911 : обзор деятельности. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1911. – 358 с. – Текст : непосредственный.

338. **Градовский, А. Д.** Начала русского государственного права : в 3 т. / А. Д. Градовский. – Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1881. – Т. 2 : Органы управления. – 459 с. – Текст : непосредственный.

339. **Джунковский, В. Ф.** Воспоминания : в 2 т. / В. Ф. Джунковский ; под общ. ред. А. Л. Паниной. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – Т. 1. – 736 с. – Текст : непосредственный.

340. **Дриль, Д. А.** Наши исправительно-воспитательные заведения и вопросы исправительного воспитания / Д. А. Дриль // Журнал Министерства юстиции. – 1898. – Т. 8. – С. 173–176. – Текст : непосредственный.

341. **Дриль, Д. А.** Отчет Таганрогского общества исправительных приютов за 1897 год / Д. А. Дриль // Тюремный вестник. –1898. – № 8. – С. 407–415. – Текст : непосредственный.

342. **Дриль, Д. А.** Тюрьма и принудительное воспитание / Д. А. Дриль // Журнал Министерства юстиции. – 1900. – Т. 3. – С. 30–45. – Текст : непосредственный.

343. **Журчало, Я.** Современная тюрьма и ее особенности : с инструкцией тюрем. надзирателям / Я. Журчало. – Санкт-Петербург : Газ. «Рус. знамя», 1910. – 32 с. – Текст : непосредственный.

344. **Закревский, И. П.** Пятый международный пенитенциарный конгресс / И. П. Закревский // Журнал Министерства юстиции. – 1895. – №10. – С. 121–149. – Текст : непосредственный.

345. **Кеннан, Дж.** Жизнь политических арестантов в русских тюрьмах / Дж. Кеннан. – Санкт-Петербург, 1906. – 33 с. – Текст : непосредственный.

346. Кишиневское общество для пособия лицам, освобожденным из тюремного заключения // Тюремный вестник. – 1903. – № 3. – С. 241–242. – Текст : непосредственный.

347. **Коркунов, Н. М.** Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – 6-е изд., под ред. и с доп. М. Б. Горенберга. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – 739 с. – Текст : непосредственный.

348. **Краинский, Д. В.** Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах / Д. В. Краинский. – Чернигов : Тип. Губ. зем., 1912. – 33 с. – Текст : непосредственный.

349. **Лучинский, Н. Ф.** Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые 35 лет его существования (1879–1914 гг.) / Н. Ф. Лучинский. – Санкт-Петербург : Журн. «Тюрем. вестн.», 1914. – 146 с. – Текст : непосредственный.

350. **Лучинский, Н. Ф.** Основы тюремного дела / Н. Ф. Лучинский. – Санкт-Петербург : Журн. «Тюрем. вестн.», 1904. – 180 с. – Текст : непосредственный.

351. **Малинин, Ф. Н.** Вятский исправительный ремесленный приют за 1899–1902 гг. / Ф. Н. Малинин // Тюремный вестник. – 1903. – № 7. – С. 606–615. – Текст : непосредственный.

352. **Малинин, Ф. Н.** Отчет Курского общества земледельческо-ремесленных колоний для несовершеннолетних за 1898–1900 годы / Ф. Н. Малинин // Тюремный вестник. – 1902. – № 7. – С. 481–486. – Текст : непосредственный.

353. **Малинин, Ф. Н.** Постановления шести международных тюремных конгрессов и систематический указатель к ним / Ф. Н. Малинин. – Санкт-Петербург : Типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1904. – 92 с. – Текст : непосредственный.

354. **Малинин, Ф. Н.** Приют малолетних преступников Вологодского общества земледельческих колоний и исправительных приютов за 1898–1901 годы / Ф. Н. Малинин // Тюремный вестник. – 1903. – № 5. – С. 426–429. – Текст : непосредственный.

355. **Малинин, Ф. Н.** Роль общества в борьбе с преступностью : (тюремный патронат) / Ф. Н. Малинин. – Санкт-Петербург : Типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1906. – Вып. 1. – 72 с. – Текст : непосредственный.

356. **Малинин, Ф. Н.** Тюремный патронат / Ф. Н. Малинин // Тюремный вестник. – 1905. – № 8. – С. 159–168. – Текст : непосредственный.

357. Материалы к истории тюремной реформы в России: 21 письмо графа В. А. Соллогуба и 4 письма К. К. Грота к М. Н. Галкину-Враскому // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – № 9, нояб. – С. 250–288. – Текст : непосредственный.

358. Материалы по истории преобразования тюремной части в России. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1865. – 668 с. – Текст : непосредственный.

359. **Микляшевский, В. В.** Некоторые положения для нормального устава обществ патроната / В. В. Микляшевский // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – № 1. – С. 265–272. – Текст : непосредственный.

360. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902 : ист. очерк. – Санкт-Петербург : Изд-во Сенат. тип., 1902. – 340 с. – Текст : непосредственный.

361. **Муравьев, Н. В.** Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурор. службы / Н. В. Муравьев. – Москва : Унив. тип., 1889. – Т. 1 : Прокуратура на Западе и в России. – 568 с. – Текст : непосредственный.

362. **Никитин, В. Н.** Быт военных арестантов в крепостях / В. Н. Никитин. – Санкт-Петербург : Колесов и Михин, 1873. – 528 с. – Текст : непосредственный.

363. **Никитин, В. Н.** Тюрьма и ссылка : ист., законодат., адм. и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения рус. тюрьмы до наших дней. 1560–1880 г. / В. Н. Никитин. – Санкт-Петербург : Тип. Г. Шпарварт, 1880. – 674 с. – Текст : непосредственный.

364. Общая разработка вопроса о необходимости коренного тюремного преобразования в России / сост. П. А. Кашкаров. – Санкт-Петербург : Типо-лит. П. Е. Лобанова, 1883. – 24 с. – Текст : непосредственный.

365. Отдел официальный. Высочайшие повеления. Движение по службе. По обществу Попечительному о тюрьмах // Тюремный вестник. – 1893. – № 10. – С. 369–372. – Текст : непосредственный.

366. Патронат. Дополнение четвертое и пятое к общим положениям Забайкальского отделения, состоящего под покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны, общества попечения о семьях ссыльно-каторжных // Тюремный вестник. – 1898. – № 1. – С. 43–46. – Текст : непосредственный.

367. Патронат. Очерк деятельности Общества попечения о семьях ссыльно-

каторжных // Тюремный вестник. – 1901. – № 10. – С. 503–506. – Текст : непосредственный.

368. Первый опыт института наблюдателей в России // Тюремный вестник. – 1910. – № 11. – С. 1419–1427. – Текст : непосредственный.

369. **Петражицкий, Л. И.** Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. / Л. И. Петражицкий. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург : Тип. СПб. акц. о-во «Слово», 1909–1910. – Текст : непосредственный.

370. **Познышев, С. В.** Основы пенитенциарной науки / С. В. Познышев. – Москва : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 843 с. – Текст : непосредственный.

371. **Познышев, С. В.** Очерки тюрьмоведения / С. В. Познышев. – Москва : Печ. А. И. Снегиревой, 1913. – 315 с. – Текст : непосредственный.

372. **Покровский, С. П.** Министерская власть в России : ист.-юрид. исслед. / С. П. Покровский. – Ярославль : Тип. Губ. правления, 1906. – 774 с. – Текст : непосредственный.

373. Посещение господином Министром юстиции Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы // Тюремный вестник. – 1903. – № 7. – С. 584–586. – Текст : непосредственный.

374. Прокурорский надзор как орган тюремного управления // Тюремный вестник. – 1900. – № 10. – С. 485–493. – Текст : непосредственный.

375. Пятый съезд представителей русских исправительных заведений // Тюремный вестник. – 1900. – № 10. – С. 493–504. – Текст : непосредственный.

376. **Рукавишников, К. В.** Московский городской Рукавишниковский приют : сообщ., сдел. 31 янв. 1891 г., почет. попечителем Приюта, К. В. Рукавишниковым, в здании Моск. ун-та господам студентам 8-го семестра Юрид. фак. / К. В. Рукавишников. – Москва : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1891. – 21 с. – Текст : непосредственный.

377. **Сакович, В. А.** Государственный контроль в России, его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы, кассового порядка и устройства государственной отчетности : в 2 ч. / В. А. Сакович. – Санкт-Петербург : Типо-лит. Берман и Рабинович, 1896–1897. – Текст : непосредственный.

378. **Саломон, А. П.** Доклад о современном положении ссылки и каторги в Сибири и на о. Сахалин Начальника ГТУ господину Министру юстиции / А. П. Саломон. – Санкт-Петербург : Тип. С.-Петерб. тюрьмы, 1899. – 224 с. – Текст : непосредственный.

379. **Саломон, А. П.** Тюремное дело в России : лекция, прочит. 18 февр. 1898 г. лицеистом 33-го курса А. П. Саломоном воспитанникам Александров. лицея перед посещением ими с.-петерб. мест заключения / А. П. Саломон. – Санкт-Петербург : Тип. С.-Петерб. тюрьмы, 1898. – 38 с. – Текст : непосредственный.

380. **Соколовский, М.** Русская тюремная старина. Состояние тюрем в 1831 году // Тюремный вестник. – 1903. – № 3. – С. 284–286. – Текст : непосредственный.

381. **Соллогуб, В. А.** Об организации в России тюремного труда / В. А. Соллогуб. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1866. – 64 с. – Текст : непосредственный.

382. Список обществ и исправительных заведений на 1 января 1901 года // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – Т. 4. – С. 418–419. – Текст : непосредственный.

383. Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. Военно-тюремные учреждения : [ист. очерк] / сост. А. В. Тавастшерна. – Санкт-Петербург : Обществ. польза, 1911. – Т. 12, ч. 3. – 682 с. – Текст : непосредственный.

384. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное военно-судное управление : [ист. очерк]. – Санкт-Петербург, 1914. – Ч. 2, кн. 1. – 506 с. – Текст : непосредственный.

385. **Стремоухов, А. М.** Краткий очерк тюремного устройства в области тюремного дела в России за 1905–1910 годы / А. М. Стремоухов. – Санкт-Петербург : Гл. тюрем. упр., 1911. – 68 с. – Текст : непосредственный.

386. **Строев, В. Н.** Столетие Собственной Его Императорского Величия Канцелярии / В. Н. Строев. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1912. – 331 с. – Текст : непосредственный.

387. Третий международный Антверпенский конгресс патроната в 1898 году // Тюремный вестник. – 1898. – № 4. – С. 190–193. – Текст : непосредственный.

388. Труды 1-го съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. – Москва : Изд. К. В. Рукавишникова, 1882. – 176 с. – Текст : непосредственный.

389. Труды 4-го съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. – Москва : Изд. К. В. Рукавишникова, 1896. – 394 с. – Текст : непосредственный.

390. Труды 6-го съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. – Москва : Изд. К. В. Рукавишникова, 1904. – 503 с. – Текст : непосредственный.

391. Тюремное преобразование / Особая комис. для разраб. мероприятий, вызываемых изд. нов. уголов. уложения ; Отд. тюрем. вопр. – Санкт-Петербург : Типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1905. – Т. 1 : Исправительный дом, заключение в крепости и тюрьма. – 244 с. – Текст : непосредственный.

392. **Фельдштейн, Г. С.** Проект нормального устава попечительного общества об освобожденных / Г. С. Фельдштейн // Журнал Министерства юстиции. – 1900. – Т. 4. – С. 371–380. – Текст : непосредственный.

393. **Фойницкий, И. Я.** Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. – 504 с. – Текст : непосредственный.

394. **Христианович, А.** О мерах к развитию патроната в России / А. Христианович // Тюремный вестник. – 1902. – № 4. – С. 255–262. – Текст : непосредственный.

395. **Христианович, А.** Парижский Международный конгресс патроната 1900 года / А. Христианович // Тюремный вестник. – 1902. – №2. – С. 96–105. – Текст : непосредственный.

396. **Христианович, А.** Парижский Международный конгресс патроната 1900 года (продолжение) / А. Христианович // Тюремный вестник. – 1902. – № 3. – С. 135–142. – Текст : непосредственный.

397. **Эльяшев, М. А.** О способах оказания помощи патронатом / М. А. Эль-

яшев // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – Т. 5. – С. 33–81. – Текст : непосредственный.

398. **Эльяшев, М. А.** О способах оказания помощи патронатом (Окончание) / М. А. Эльяшев // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – № 6. – С. 42–77. – Текст : непосредственный.

Материалы из сети «Интернет»

399. Видеообращение Михаила Мишустина к участникам, организаторам и гостям VI Всероссийского форума контрольных (надзорных) органов : публикация от 16.10.2025. – Текст : электронный // Правительство России : [сайт]. – 2025. – URL: http://government.ru/news/56538/ (дата обращения: 16.10.2025).

400. НЭБ : национальная электронная библиотека : [сайт]. – Москва, 2019. – 2026. – URL: https://rusneb.ru/ (дата обращения: 12.02.2026). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.

401. Путин В. В. Совещание с членами Правительства : публикация от 23.01.2025. – Текст : электронный // Президент Российской Федерации [сайт]. – 2025. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76148 (дата обращения: 23.04.2025).

402. Путин призвал контрольные органы помогать людям не допускать ошибки : публикация от 16.01.2024. – Текст : электронный // Москва24 : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.m24.ru/news/vlast/16012024/657540?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 23.09.2025).